

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АКАДЕМИЯ
ТИТУТ ЭКОНОМИКИ**

проблемы ЭКОНОМИКИ

3 1935

ОГИЗ • СОЦЭКГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1935 ГОД НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ГОСПЛАНА И ЦУНХУ СССР „ПЛАН“

П Л А Н ставит перед собой задачу теоретической разработки на основе марксизма-ленинизма вопросов перспективного и текущего планирования и социалистического учета народного хозяйства, освоения новой техники и размещения производительных сил. Журнал освещает практику плановой работы как центральных, так и низовых органов планирования в районе, на предприятиях, в совхозе, колхозе и МТС.

П Л А Н систематически освещает выполнение месячных и квартальных промфинпланов в промышленности и сельском хозяйстве, помещая на своих страницах конъюнктурные обзоры по их работе. Журнал печатает инструктивные материалы, важнейшие директивы и распоряжения Госплана СССР.

П Л А Н борется за практическое внедрение и правильное применение в промышленности и в сельском хозяйстве массовых форм планирования (встречные, внутрицеховые и бригадные планы, техпромфинплан и пр.). Для этого журнал организует постоянный обмен опытом по всем вопросам планирования и социалистического учета, показ лучших образцов планирования и выполнения планов на основе указаний т. Сталина.

Работники плановых органов, партийных, профессиональных и хозяйственных организаций — читайте „ПЛАН“

Инженеры, техники, экономисты, рационализаторы, работники учета и учащиеся планово-экономических учебных заведений, — **ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ „ПЛАН“, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ НЕОБХОДИМЫМ ПОСОБИЕМ В ВАШЕЙ РАБОТЕ.**

Подписная плата:

на 12 мес. — 24 руб.

на 6 „ — 12 руб.

**ПОДПИСКУ ПРИНИМАЕТ ЛЮБОЕ ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, ПИСЬМОНОС
А ТАКЖЕ ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ, МАГАЗИНЫ И УПОЛНОМОЧЕНН
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА „СТАНДАРТГИЗ“**

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
65	1 снизу	Ragon	Rayon
"	1 "	Jahr	Year
74	12 "	непроизводственное	непроизводительное
90	10 сверху	1934	1211
127	10 "	систему	система
"	10 "	систему	система
"	11 "	противоречием	выражением общего кризиса
131	27 "	экономики	экономии
147	11 снизу	отрасли	страсти
156	27 сверху	В существенных	«В существенных
168	Последн. графа табл.	— 0,2	— 0,8

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

3

О Ц Э К Г И З

1935

Полугодие крутого подъема

Характер выполнения народнохозяйственного плана третьего года второй пятилетки вполне определен. 1935 год — год нового, значительного подъема.

Есть принципиальная разница между подъемом в СССР и подъемом в капиталистических странах. В капиталистических странах подъем — фаза цикла. В этой фазе происходит ускорение нарастания противоречий. Кончается подъем всегда и неизбежно в капиталистических условиях кризисом — взрывом и временным разрешением накапливающихся в процессе движения капиталистического общества противоречий и снова начинается движение через депрессию и оживление к новому подъему и кризису. Новейшая фаза развития капитализма, фаза общего кризиса капитализма, вносит новые моменты в циклическую форму движения капитализма: кризис более глубок и растягивается во времени, депрессия превращается в депрессию особого рода со всеми присущими ей особенностями.

Одна из особенностей развития подъема в условиях СССР заключается в том, что он развивает производительные силы и подготавливает условия для дальнейшего поступательного движения по круто вздымающейся кверху кривой, к поднятию социалистического строительства на новую ступень. Это не только теоретическая формула — вывод из анализа законов движения общества диктатуры пролетариата как общества организованного, планового. Кривая движения СССР за восемнадцатилетний период его существования подтверждает правильность данного тезиса со всей очевидностью не могущего быть оспоренным факта.

Особенность подъема текущего года — в высоком темпе его, в размахе, в широком охвате отраслей народного хозяйства. В плане текущего года задан одинаковый примерно темп роста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. Промышленность развернула работу на уровне более высоком, чем намеченный по плану. В соревнование с промышленностью вступили сельское хозяйство и железнодорожный транспорт. Социалистическое сельское хозяйство, обогащенное опытом работы истекших лет, реконструированное и окрепшее, успешно провело весеннюю кампанию. В результате — СССР перед перспективой исключительно благоприятного урожая. Железнодорожный транспорт под большевистским, сталинским руководством т. Л. М. Кагановича перевыполняет повышенные плановые задания. Взаимная, в плановом порядке осуществляемая помощь отраслей народного хозяйства друг другу, превышение плановых заданий на основе развертывающегося социалистического соревнования и реализации шести условий т. Сталина, укрепление связей между отраслями народного хозяйства на основе взаимного обслуживания и усиления плановой дисциплины — такова характеристика подъема текущего года.

Следующие моменты характеризуют подъем текущего года в его конкретном выражении: 1) высокий темп развертывания производства промышленности, причем этот темп выдерживается промышленностью с небольшими отклонениями в течение полутора года; 2) большие достижения закончившейся посевной кампании; достижения эти касаются не только количественной стороны выполнения плановых заданий, но особенно качества работы, значительно повысившегося в связи с организационно-хозяйственным укреплением колхозов; 3) переход в работе железнодорожного транспорта, систематически из месяца в месяц повышающего свою работу; 4) некоторые положительные сдвиги в капитальном строительстве; 5) высокий темп развертывания товарооборота при значительном снижении цен; 6) рост вкладов в сберегательные кассы; 7) положительное saldo внешнеторгового баланса и т. д. Развертывание народного хозяйства в целом выходит за рамки средних масштабов, намеченных планом второй пятилетки. В нарастающее поступательное движение вовлечены отстававшие прежде отрасли.

В соревновании отраслей народного хозяйства промышленность, особенно тяжелая, сохраняет свою ведущую роль. Выпестованная партией и рабочим классом, окруженная большим вниманием, заботой и любовью всех трудящихся, социалистическая промышленность — это могучий рычаг социалистического строительства — показывает примеры образцовой работы. Рост производительности труда в тяжелой промышленности, техно-экономические коэффициенты, установленные за истекшее полугодие на ряде предприятий — Макеевка, завод им. Петровского и др., — говорят о больших достижениях и об огромных резервах, которые должны быть активизированы.

За первое полугодие мы имеем рост по союзной промышленности на 20,2%. Годовой план выполнен в размере 48,8%. Рост производства средств производства составил 22,9%, превысив темп роста, намеченный на год; фактический рост производства предметов потребления составил 14,2% при годовом задании в размере 15,8%. Основные промышленные наркоматы по темпам роста располагаются в следующем порядке: первое место попрежнему сохраняет НКТП + 24,8%, на втором месте НКППГ + 18,0%, затем НКЛес. + 13,5% и наконец НКЛП + 4,7%.

Наряду с высоким темпом роста выдерживаются внутри промышленности намеченные соотношения между темпами роста отдельных отраслей, а также отдельных отраслей и всей промышленности: темп роста железорудной промышленности обгоняет темп роста черной металлургии, темп роста продукции машиностроения и производства электроэнергии обгоняет темп роста всей промышленности и т. д. Закрепляет свои позиции цветная металлургия, давшая рост продукции за шесть месяцев на 37,0%.

Ряд отраслей и крупнейших объединений рапортовал в июне о досрочном выполнении полугодического плана: золотопромышленность, промышленность синтетического каучука, Главрыба, Главконсерв и др.

В актив тяжелой промышленности нужно записать мартовский подъем работы черной металлургии, когда на высоком уровне, обеспечивающем выполнение годового плана, начали сближаться — по объему — выплавка стали и выплавка чугуна. Большой прирост продукции по сравнению с прошлым годом дает ряд отраслей пищевой промышленности; в числе их рыбная, продукция которой на 37,1% превысила прошлогоднюю.

Высокий темп развертывания промышленности, работа по плану и даже с превышением плановых заданий дали возможность промышленности выполнить свои обязательства по отношению к другим отраслям — сельскому хозяйству и транспорту — и тем самым содействовать успешному ходу работы этих отраслей. В этом году сведены к минимуму жалобы на невыполнение тяжелой промышленностью данных ей заказов.

Промышленность взяла сильный разбег. Но именно мощный размах работы ее обязывает к тщательному изучению некоторых отрицательных моментов. Чем больше успехи, тем внимательнее должны мы изучать ход работы, вскрывая возникающие в процессе работы затруднения. Большевицкий метод работы обязывает к тщательному изучению дефектов для устранения их. Партия, т. Сталин учат нас не поддаваться головокружению от успехов, не зазнаваться, не успокаиваться. Нужно уметь вскрывать во время победного марша возникающие в процессе этого марша трудности и на ходу принимать меры для преодоления их. А трудности имеются.

Объем промышленной продукции в мае текущего года меньше, чем в апреле. За предшествующие два года мы не имели такого снижения. Особенно резко снизилась продукция местной промышленности — на 5,1%. Нужно учесть, что обычное сезонное снижение объема продукции, связанное с массовыми летними отпусками, приходится на июль—август. Не слишком ли рано начала промышленность «отдыхать» в текущем году, особенно в свете заданий на третий квартал? Из промышленных наркоматов устойчивым оказался НКТП, сохранивший в мае объем продукции на апрельском уровне. Наибольшее снижение дал НКЛП. По НКЛесу — небольшой рост.

На фоне мощного разворота работы промышленности выделяется значительное отставание топливной промышленности. Каменноугольная дала рост за шесть месяцев на 12,8%, значительно недовыполнив план, и это отставание продолжается на протяжении всех месяцев истекшего полугодия. Долг каменноугольной промышленности стране растет и за полугодие выражается в сумме около 3,4 млн. т. Плохо справляется с работой нефтедобывающая промышленность, давшая рост за шесть месяцев всего на 2,9%, но в то же время от января к июню намечается заметное нарастание добычи: в январе среднесуточная добыча составляла 65,6 тыс. т, в мае — 75,2 тыс. т — максимальная добыча за последние несколько лет. Значительно отстает нефтеобработка.

Блестящие успехи черной металлургии в марте недостаточно закреплены в последующие месяцы: наметившееся сближение между массой выплавки чугуна и стали снова нарушено, выплавка стали отстает, план недовыполняется. Отставание наметилось также по прокату: при увеличенном в мае по сравнению с апрелем плане продукция проката в мае снизилась по сравнению с апрелем; это отставание продолжалось и на протяжении июня (см. табл. на 6 стр.).

Указание т. Сталина относительно необходимости установить правильное соотношение между выплавкой чугуна и стали пока не выполняется.

Неудовлетворительно работают лесная и особенно легкая промышленность. По темпу роста валовой продукции легкая промышленность на последнем месте — за полугодие рост всего около 5%. Низок уровень производительности труда. Не прекращаются жалобы на плохое качество продукции. Отставание технического уровня и рутина, которая царит здесь, говорят о том, что руководство этой

**Среднесуточная выплавка чугуна, стали и производство проката
(в тыс. т)**

Месяцы	Чугун		Сталь		Прокат (без труб и поковок)	
	план	фактическое выполнение	план	фактическое выполнение	план	фактическое выполнение
Апрель	34,5	33,9	34,0	33,5	24,5	24,0
Май	35,0	34,6	35,0	33,3	25,0	23,1
Июнь	33,5	35,2	35,5	33,5	25,0	23,7

отраслью недостаточно мобилизовалось само, недостаточно мобилизует работников отраслей легкой промышленности на выполнение одного из важнейших заданий второй пятилетки.

И наконец далеко не решена промышленностью проблема качественных показателей. Мы имеем несомненные положительные сдвиги в этой области в текущем году. Но ни показатели себестоимости, ни показатели производительности труда, ни техно-экономические коэффициенты, ни качество продукции, особенно легкой промышленности, не могут быть признаны достаточными. Трудящиеся социалистического общества имеют право требовать и требуют, чтобы и по линии этих показателей, как и по линии количественных, мы в кратчайший срок догнали и перегнали передовые капиталистические страны.

Никто не может привести сколько-нибудь убедительные объективные причины, мешающие выполнению плана. Конкретные причины, тормозящие выполнение плана, должны быть вскрыты и устранены.

Проблема рентабельности поставлена во весь рост перед тяжелой промышленностью, тем самым перед всей промышленностью и другими отраслями народного хозяйства. Эта проблема может быть решена лишь на путях мощного развертывания работы и упорной борьбы за улучшение качества ее.

Сельское хозяйство вступило в стадию развертывания уборочной кампании. Успех проведения весенних сельскохозяйственных работ известен. Он является ярким подтверждением успехов колхозного строя и социалистических форм хозяйства в целом. В текущем году к весне вновь вступило в колхозы немногим менее полумиллиона хозяйств.

Основные моменты весенней кампании: 1) более сжатые, чем в прошлые годы, сроки сева — сев в основном был закончен к 25 мая против 10 июня в прошлом году, 2) значительно возросла агрообработка, 3) совхозы сеяли лучше, чем в прошлом году — в частности совхозы НКСовхозов в текущем году на 5 июня выполнили 99,8% плана, в прошлом году — только 91,2% плана.

Успешное проведение весенней кампании при благоприятных метеорологических условиях создает исключительно хорошие виды на урожай. В южных районах — по материалам Центральной государственной комиссии по определению урожайности — в среднем урожай зерновых, по данным на 1 июня, определяется в 10,5 ц. с 1 га. Урожай озимой пшеницы в южных районах ожидается в размере 12,4 ц с 1 га, а эти районы имеют решающее значение в производстве этой культуры и т. д.

Центральная задача ближайшего периода — убрать урожай. Пленум

Центрального комитета ВКП(б), состоявшийся 5—7 июня, дал конкретную развернутую программу работ по уборке и заготовке сельскохозяйственных продуктов. Созданы все необходимые условия для успешного проведения уборки урожая. «Успех уборки решит систематическое и повседневное руководство партийных организаций уборкой, вовлечение всей массы колхозников и рабочих совхозов в активную работу по уборке и использованию полностью всех машин и особенно комбайнов» (из резолюции пленума ЦК ВКП(б), принятой 7/VI т. г.).

Обработка полей после сева прошла в текущем году лучше, чем в прошлом: прополка зерновых колосовых культур на 5 июня на 25% выше прошлогодней; выполнение плана по прорывке сахарной свеклы на 1 июля т. г. составило 97,2% по совхозам Главсахара и 99,3% по колхозному и единоличному сектору; на тот же срок в прошлом году — соответственно 89,7% и 89,1%; первая обработка хлопка на 25 июня т. г. выполнена в размере 98,4% по сравнению с 91,0% в прошлом году, вторая — соответственно 89,0 и 47,7% и т. д. Паров поднято на 1 июля т. г. 95,7% намеченных площадей по сравнению с 87,6% плана в прошлом году.

Боевое, большевистское проведение в жизнь решений пленума обеспечит сведение к минимуму разрыва между так называемым биологическим урожаем и фактически собранным.

В свете успехов в области зерновых культур, по которым мы в текущем году подходим вплотную к выполнению заданий, запроецированных на последний год второй пятилетки, а также в свете достижений в области животноводства особенно заметным становится недостаточное продвижение по линии технических культур. Рост продукции технических культур имеет решающее значение для увеличения объема продукции легкой промышленности, играющей большую роль в решении одной из важнейших задач второй пятилетки — значительно повысить материальный уровень широких масс трудящихся.

Хотя сев технических культур проведен в текущем году лучше, чем в прошлом, и имеются сдвиги в обработке, все же этого недостаточно. Предстоит проделать еще большую работу, чтобы решить задачи, поставленные в этой области второй пятилеткой.

В связи с начавшимся значительным ростом поголовья скота огромное значение приобретает проблема кормов. Возрастающая потребность в кормах должна быть своевременно обеспечена. Между тем имеются показатели того, что борьба в этой области развертывается недостаточно энергично. Урожай трав в нынешнем году значительно выше прошлогоднего, но сеноуборка запаздывает. Плохо идет силосование — пока оно проходит на уровне более низком, чем в прошлом году: на 25 июня текущего года план выполнен в размере 8,4%, в прошлом году на тот же срок — 12,1%.

Начавшееся ускорение развертывания сельского хозяйства должно быть закреплено, отстающие участки должны быть подтянуты.

На протяжении истекшего полугодия шло дальнейшее техническое вооружение сельского хозяйства. Особое внимание уделяется механизации обработки технических культур.

На 1/VI 1935 г. в сельском хозяйстве было 278,4 тыс. тракторов мощностью в 4.460,9 тыс. лошадиных сил. За полугодие вновь поступило в систему НКЗ и НКСХ 48 тыс. шт. тракторов мощностью в 972,6 тыс. лошадиных сил, в том числе пропашных тракторов 4.649 шт. Комбайнов дано за первое полугодие 15.473 и общее число

их в сельском хозяйстве на I/VII составляет 49,2 тыс. В США в 1930 г. было 61 тыс. шт. Льнотеребилкок (широкоохватных) к I/VII завезено 1.210 шт., план первого полугодия перевыполнен. Систематически и непрерывно идет рост механизации обработки и уборки зерновых и технических культур. О масштабах работы, которую нужно проделать в текущем году, говорят такие задания: комбайнами МТС и зерносовхозов должно быть убрано около 8 млн. га по сравнению с 3,7 млн. га в прошлом году, льнотеребилками должно быть обработано 200 тыс. га против 25,6 тыс. га в прошлом году, свеклоподъемниками в МТС должно быть убрано 568 тыс. га против 52,7 тыс. га в прошлом году и т. д.

Развертывающееся социалистическое строительство требует от руководителей сельского хозяйства проведения большой и четкой работы по подготовке квалифицированных кадров и правильной расстановки сил для наиболее рационального использования значительной возрастающей в текущем году технической базы сельского хозяйства.

Годовой план капитальных вложений, по данным ЦУНХУ, охватывающим около 10,5 млрд. руб., за четыре месяца выполнен в размере 21,6% по всему СССР. Выполнение плана по ведомствам на 1 мая составило 22,2%. Доля выполнения плана в текущем году выше, чем в прошлом. На первом месте по степени выполнения плана НКТП, давший за четыре месяца 24,0% годового плана.

Положение со строительными материалами характеризуется тем, что при плане капитальных вложений, примерно равном фактическим вложениям прошлого года, производство цемента за пять месяцев возросло на 40,6%, стекла — листового и технического — на 49,3%, пиломатериалов — на 5,9%. Данные железнодорожного транспорта говорят о росте перевозок лесных строительных материалов на 6,5%, огнеупоров — на 27,5% и об объеме перевозок цемента примерно на уровне прошлого года.

Численность рабочих, занятых в строительстве, ниже прошлогодней. Снижение численности перекрывается ростом производительности труда.

Стоимость строительства в 1934 г. снизилась по ориентировочным расчетам на 2,8% по сравнению с 1933 г. По предварительным данным снижение стоимости продолжается и в первом квартале текущего года. Правда, по отношению к среднегодовой стоимости стоимость строительства в первом квартале дает еще некоторое повышение, но по отношению к первому кварталу прошлого года она снизилась на пять с лишним процентов. При всем этом стоимость строительства остается все еще слишком высокой.

Фактом огромной важности является значительный рост производительности труда в строительстве, вскрываемый данными о ходе строительства в первом квартале. Ориентировочный расчет показывает, что при росте заработной платы на 24,6% рост производительности труда составил около 40,0%. В этом росте производительности труда — причина снижения стоимости строительства в первую очередь.

Постановлением правительства утвержден план пуска новых предприятий в 1935 г. Общая стоимость новых предприятий, вводимых в эксплуатацию в текущем году, — 22,375 млн. руб., в том числе на долю НКТП приходится 7.326 млн. р., НКПС — 4.200 млн. р., НКЗ и НКСХ — 2.029 млн. руб., НКЛП — 732 млн. и т. д. Общая стоимость

вводимых в эксплуатацию новых предприятий превосходит впервые за ряд лет объем капитальных вложений.

Реализация постановления о пуске новых предприятий обозначает колоссальный рост производственной мощности ряда отраслей народного хозяйства, значительный шаг вперед в деле повышения материального и культурного уровня широких масс трудящихся. В области черной металлургии реализация постановления СНК обозначает рост мощности по чугуну почти на 2 млн. т и прирост продукции в 1935 г. на 638 тыс. т, прирост мощности по стали на 2,2 млн. т и прирост продукции в 1935 г. на 750 тыс. т и т. д. Выполнение постановления СНК обозначает ввод в эксплуатацию тысяч километров новых дорог. Десятки и сотни новых школ, кинотеатров, больниц и т. д. будут обслуживать широкие массы трудящихся — в дополнение к уже имеющимся. В соответствии с планом нового размещения производительных сил пускаются в ход все новые предприятия в отсталых прежде областях и на окраинах. Развертыванием капитального строительства подводится материальная база под хозяйственный и культурный рост этих областей.

Большая ответственность лежит на руководителях нашего строительства за выполнение возложенных на них задач, за пуск в срок намеченных предприятий, за сдачу хорошо построенных фабрик, заводов, школ, жилищ. Организация, дисциплина, борьба за снижение стоимости, борьба за повышение качества — необходимые условия выполнения грандиозного плана пуска новых предприятий, основная часть которого приходится на второе полугодие.

Истекший период прошел под знаком резкого улучшения работы железнодорожного транспорта. Работа транспорта, выраженная в среднесуточной погрузке, из месяца в месяц нарастала.

Среднесуточная погрузка (в двухосных вагонах)

Январь	50 661	Апрель	61 977
Февраль	56 101	Май	69 251
Март	59 163	Июнь	72 665

Погрузка в июне текущего года превышает июньскую погрузку прошлого года на 26%. В среднем в мае текущего года грузилось ежедневно на 12 тыс. вагонов больше, чем в прошлом году, в июне — на 14,8 тыс. вагонов.

Из 12 тыс. вагонов, на которые среднесуточная погрузка в мае текущего года превышает прошлогодною, около 6 тыс. приходится на такие грузы, как топливо, минеральные и лесные строительные материалы и хлебные грузы; остальные 6 тыс. — на «прочие» грузы. Наибольший рост погрузки дали в мае Южноуральская железная дорога, Юго-западные, Московско-белорусско-балтийская, Рязано-уральская.

Секрет успехов ж.-д. транспорта — в новых методах работы, внедряемых т. Л. М. Кагановичем, в ломке рутины и шаблона, упорно державшихся в этой отрасли народного хозяйства, в преодолении буржуазных теорий, мешавших по-революционному поставить вопрос об организации работы транспорта. Два узловых вопроса — борьба с авариями и ускорение оборота вагонов — были поставлены т. Кагановичем в центр внимания железнодорожников. Первые же месяцы работы по-новому позволили вскрыть и частично использовать огромные резервы.

Анализ работы ж.-д. транспорта выявляет те конкретные условия, которые привели к росту работы его. Возросла так называемая сред-

некоммерческая скорость, уменьшилось среднее расстояние оборота вагона, в результате — оборот груженого и порожнего вагона товарного парка, выраженный в сутках, сократился на 14—15% в мае текущего года по сравнению с маем прошлого года. Уменьшение среднего времени оборота вагона товарного парка произошло за счет снижения простоев, главным образом на станциях погрузки и выгрузки.

Известную роль в улучшении работы транспорта сыграло систематическое пополнение подвижного состава — промышленность выполняет свои обязательства по отношению к транспорту.

Одним из ярких показателей улучшения работы транспорта является показатель среднесуточного недогруза (в вагонах). При значительном снижении недогруза от февраля к маю резко изменилось соотношение в долях недогруза по вине железных дорог и клиентов: доля недогруза по вине железных дорог снизилась с 69,4% до 39,9% при соответственном росте недогруза по вине клиентов.

Рост работы речного транспорта с начала навигации по 1 июля по отношению к соответствующему периоду прошлого года составил 27%. В июне впервые за ряд лет речной транспорт выполнил план перевозок. Вместе с тем необходимо отметить, что число аварий попрежнему высоко и держится на уровне прошлого года, а использование флота недостаточно. Основная причина аварий — низкая трудовая дисциплина и неправильное управление судами. Рост перевозок грузов на судах морского торгового флота в июне составил 14,8% по сравнению с прошлым годом при выполнении плана за июнь в размере 93,4%.

Рост производства, рост заготовок при значительном улучшении работы ж.-д. транспорта обусловили увеличение розничного оборота. Розничный оборот за пять месяцев текущего года вырос по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 31,8% при выполнении квартального плана за апрель—май в размере 67,8%.

На протяжении года имели место дальнейшие сдвиги в структуре розничного оборота:

Структура розничного товарооборота
(доля участия систем в %)

	1934 г.		1935 г.	
	май	январь	январь	май
Госторговля НКВнуторга и НКПищепрома	43,9	37,3	37,3	35,3
ОРС (пяти наркоматов)	13,5	18,0	18,0	17,9
Потребительская кооперация	42,6	44,7	44,7	46,8
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0

Систематически нарастает доля потребительской кооперации. Доля ОРС, значительно возрастая от мая 1934 г. к январю 1935 г., осталась в дальнейшем почти без изменений.

Рост розничного оборота сопровождается одновременным снижением цен. Снижаются коммерческие цены; увеличивается список товаров ненормированной торговли, по которым производится снижение

цен специальными постановлениями. В связи с ростом привозов снижаются цены на колхозных рынках.

Наряду со снижением цен отмечаются значительные разрывы цен на одни и те же товары в пределах одной области. Разрывы базарных цен на сельскохозяйственные продукты являются следствием главным образом двух причин. Во-первых, они несомненно свидетельствуют о росте товарности сельского хозяйства; у колхозников накапливаются излишки, которые поступают на рынок. С другой стороны, сказываются неумение и недостаточная гибкость системы децентрализованных заготовок, которая не охватывает достаточно полно глубинные пункты. Излишки, не снимаемые заготовителями, давят на местные цены, снижая их, в то время как в других пунктах той же области ощущается нехватка тех же самых товаров и цены на них держатся более высокие.

Местами эти разрывы достигают больших размеров и — самое главное — при неповоротливости наших заготовителей используются спекулянтскими элементами.

Из курса на развитие советской торговли спекулянтские элементы пытаются сделать свои выводы. В газетах были сообщения о том, как спекулянты организованно «снимают» в универмагах целые партии товаров (костюмов и т. п.) и организованно же сбывают их втридорога через комиссионные магазины. Имеются сообщения, что на некоторых рынках продлевается то же самое по отношению к продуктам, привозимым колхозниками: продукты с ввозом скупаются перепродавцами, которые оттесняют потребителей и затем продают потребителям тут же, но уже с соответствующей «надбавкой», — явление, с которым нужно вести усиленную борьбу. Паразитические элементы, мешающие развитию советской торговли, должны быть устранены, широкие массы трудящихся должны иметь возможность воспользоваться успехами в области производства различных отраслей народного хозяйства.

Из других моментов, которые должны быть отмечены при характеристике выполнения плана за истекший период, укажем, что в области труда мы имели рост численности рабочих в крупной промышленности на 6,8% (апрель 1935 г. к апрелю 1934 г.), рост численности инженерно-технических работников на 10,7% при некотором незначительном снижении численности служащих. Численность занятых на ж.-д. транспорте возросла на 12,8% (апрель 1935 г. к апрелю 1934 г.); в строительстве численность ниже прошлогодней, как это отмечено выше. Количество работников в совхозах в первом квартале осталось примерно на уровне первого квартала прошлого года, но при этом произошли следующие структурные изменения, которые должны быть оценены положительно: возросло количество постоянных рабочих на 9,6%, агрономического и инженерно-технического персонала на 2,6% при снижении численности сезонных и временных рабочих.

Заработная плата в промышленности возросла на 29—30%. Средняя выработка на один отработанный человеко-день в мае текущего года по НКТП выше, чем в мае прошлого года, на 15,9%. Почти все основные отрасли тяжелой промышленности дают рост, кроме нефтеобрабатывающей. Рост производительности труда по отдельным отраслям колеблется от 3,1% по горнохимической и нефтедобывающей до 19,6% по черной металлургии, 37,8% — по цветной металлургии, 35,7% — по основной химии 56,5% — по Главсельмашу и т. д. Уровень производительности труда в легкой промышленности отстает от

уровня прошлого года, при резких колебаниях по отдельным отраслям. Выработка на один отработанный человеко-день в промышленности Наркомпищепрома была в апреле текущего года на 10,7% выше, чем в апреле прошлого года. Особенно высокий рост дала рыбная промышленность — 66,1% и консервная — 94,4%.

Рост производительности труда в СССР имеет крупное принципиальное значение в борьбе за построение бесклассового социалистического общества. Этот рост является конкретным выражением подъема производственной культуры в нашей стране, выражением успешности массового освоения техники и втягивания резервов промышленности. Со все большей наглядностью обнаруживается, какие неисчерпаемые возможности кроются в социалистическом освоении техники.

В области финансового и денежного обращения характерным является продолжающийся рост вкладов в сберегательные кассы. За пять месяцев текущего года вклады возросли на 73,9%.

Положительное сальдо баланса внешней торговли, снизившееся в апреле, снова возросло в мае до 11 млн. руб., составив за пять месяцев текущего года 29,4 млн. руб. Оборот внешней торговли увеличился в мае по сравнению с апрелем и превышает оборот каждого из четырех предшествующих месяцев текущего года.

Имеют место дальнейшие сдвиги в структуре экспорта и импорта в соответствии с ростом индустриализации СССР и усилением независимости от капиталистических стран по линии импорта. Позиции внешней торговли СССР укрепляются, и это находит свое выражение в получении Советским союзом требуемых им условий внешнеторгового оборота как по линии долгосрочных кредитов, так и в области развития экспорта. Значительно увеличилась доля экспорта машин в текущем году по сравнению с предшествующими годами.

Успехи выполнения народнохозяйственного плана за истекшие месяцы должны быть развиты, разгон, взятый в выполнении плана, должен быть использован. План на третий квартал намечает ряд ответственных заданий. Объем промышленной продукции должен возрасти на 28,7% и составить 11,5 млрд. руб. в ценах 1926/27 г., в том числе по НКТП — 6,4 млрд. руб., НКЛП — 1,2 млрд. руб., по местной промышленности — 1,7 млрд. руб. и т. д. В третьем квартале черной металлургии дано задание поднять выплавку стали и чугуна с тем, чтобы выплавка стали даже несколько превысила выплавку чугуна: 3.340 тыс. т стали и 3.315 тыс. т чугуна. Промышленность должна дать транспорту 23,4 тыс. товарных вагонов (в двухосном исчислении), сельскому хозяйству — 5 тыс. комбайнов и соответствующую часть из 29,2 тыс. тракторов. Среднесуточная погрузка на железнодорожном транспорте должна составить 70 тыс. вагонов. Объем капитальных вложений намечен в сумме 7,8 млрд. руб. Объем розничного оборота, включая общественное питание, должен составить в третьем квартале 21,3 млрд. руб. — примерно на 6 млрд. руб. больше, чем в третьем квартале прошлого года, и на 2 млрд. рублей больше, чем во втором квартале текущего года.

Выполнение большой программы третьего квартала требует дальнейшего роста производительности труда во всех отраслях народного хозяйства: выработка на одного рабочего по отношению к среднегодовому уровню 1934 г. должна возрасти по промышленности Наркомтяжпрома на 20,4%, Наркомлеса — на 21,6%, по эксплуатации НКПС — на 8%; рост выработки по предприятиям Наркомпищепро-

ма — на 12,2% к уровню третьего квартала прошлого года. Лишь огромное напряжение сил и систематическая борьба за мобилизацию резервов во всех областях социалистического строительства могут обеспечить выполнение этого плана.

Итоги истекших месяцев борьбы за выполнение плана третьего года второй пятилетки ставят в порядок дня следующие важнейшие задачи: 1) необходимо развернуть борьбу за урожай на основе постановлений июньского пленума ЦК ВКП(б) — строго выдержать сроки уборки различных культур по разным районам, полностью использовать тракторы, комбайны и прочие сельскохозяйственные машины, подготовить элеваторы и склады, организовать хлебосдачу и сдачу технических культур, организовать своевременную вывозку и т. д.; 2) нужно преодолеть сезонное снижение (июль—август) работы промышленности, для того чтобы обеспечить выполнение плана третьего квартала в области промышленного производства; 3) необходимо продолжить и развернуть, распространив на все отрасли народного хозяйства, борьбу за рентабельность, условием успешности которой является повышение качественных показателей; 4) должны быть подтянуты отстающие отрасли и в частности топливная; 5) должна быть подтянута черная металлургия — сталь и прокат — и реализовано указание т. Сталина о правильном соотношении между чугуном и сталью; 6) усиление борьбы за увеличение урожая технических культур должно создать предпосылки к дальнейшему развешиванию легкой и пищевой промышленности, по линии которых решается одна из главнейших задач второй пятилетки.

Первое полугодие 1935 г. явилось полугодием крутого подъема, подготовляющим еще более могучий рост производительных сил нашей социалистической родины. Это является еще одним показателем новой победы генеральной линии большевистской партии, руководимой вождем — т. Сталиным. Главное теперь заключается в том, чтобы по-большевистски реализовать сталинский лозунг «кадры решают все».

На данном этапе борьбы за социализм, когда мы создали передовую социалистическую индустрию и крупнейшее в мире механизированное сельское хозяйство, основная задача заключается в подготовке работников, овладевших техникой. Передовые предприятия тяжелой промышленности, как напр. Макеевский завод, показывают пример большевистской организации труда и мобилизации масс на техническую учебу. По этим передовым, лучшим предприятиям должны равняться все предприятия нашей промышленности. И каждый шаг по пути овладения новой техникой будет означать преодоление узких «технических норм» и выявление громадных внутренних резервов производства. И именно на этой основе реально выявилась уже возможность перевыполнения народнохозяйственного плана 1935 г. «Кадры решают все» в этой борьбе за перевыполнение плана текущего года.

О советских деньгах

Деньги, как известно, представляют собою исторический продукт многовекового развития товарно-капиталистического хозяйства. В капиталистическом обществе нет и не может быть никакой сознательно действующей и организующей силы, которая бы планомерно объединяла и направляла деятельность различных частных хозяйств. А между тем и в условиях товарно-капиталистического способа производства, покоящегося на широко развившемся общественном разделении труда, общественная связь между многочисленными и самостоятельными хозяйственными единицами, районами и даже целыми странами должна реализоваться. В противном случае существование капитализма было бы невозможно.

Что же создает возможность развития товарного общества и каким образом в нем реализуется общественная связь? «Основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является, — писал Ленин, — стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный»¹.

Каждое частное хозяйство, отдельное капиталистическое предприятие, будучи самостоятельным, автономным атомом единого общественного хозяйства, само, за свой страх и риск, решает, что и в каком количестве производить. Поэтому в товарном обществе индивидуальный труд не выступает в своем конкретном виде как труд общественный, он является трудом частным.

Общественное соприкосновение друг с другом частных хозяйств имеют только в обмене, на рынке, путем купли-продажи продуктов труда. Отдельные работы товаропроизводителей связываются одна с другой как звенья общественного труда через приравнение и отчуждение в процессе купли-продажи продуктов труда. Поэтому продукт труда становится товаром, вещью, обмениваемой на рынке на другую вещь. Тот факт, что люди работают друг на друга и каждая индивидуальная работа является одинаковой со всякой другой работой, частью единого общественного труда, в меновом обществе не выступает прямо, это обнаруживается косвенно, в процессе рыночного обмена товаров.

При этом выражение частных работ как одинаковых элементов единого общественного труда достигается здесь тем, что отдельные конкретные работы, воплощенные в разнообразных товарах, приравниваются к одному особо выделенному виду труда, воплощенному в особом денежном товаре, имеющем значение непосредственного воплощения общественного труда. Деньги, представляющие собой «сгусток общественного труда»², выступают в капиталистическом обществе как необходимая стихийная форма учета производства и распределения продуктов.

¹ Ленин, Очередные задачи советской власти, Соч., т. XXII, стр. 440.

² Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 293.

В товарном обществе «продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта, только принявши форму денег, т. е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношении. А учет этот производится за спиной производителя посредством рыночных колебаний»¹.

Будучи всеобщим эквивалентом, воплощением организованного через рынок общественного труда, деньги играют в стоимостном механизме капиталистического процесса воспроизводства важную экономическую роль, они являются необходимым элементом этого механизма. В функциях денег (как меры стоимости, орудия обращения, сокровища, платежного средства и мировых денег) находят свое выражение и движение специфические противоречия товарного производства.

Поэтому деньги являются, по меткому выражению т. Сталина, «инструментом буржуазного хозяйства».

Этот характер денег обнаруживается как в той роли, которую они играют в разложении мелкого товарного производства и в образовании капитала, так и в том, как последний (капитал) использует их для установления своего господства над наемным трудом и остатками мелкого производства. «Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая таким образом путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплуатации немущих, превращаясь в капитал»².

Исторически деньги выступают как орудие классового господства и эксплуатации сначала в руках купеческого и ростовщического капитала, затем — в эпоху промышленного капитала — в руках главным образом промышленной буржуазии и наконец в современную эпоху империализма в руках магнатов финансового капитала, подчинивших себе банковый и промышленный капитал.

Денежные системы капиталистических стран строятся и «регулируются» естественно также в полном соответствии с интересами буржуазных слоев. Вызванные резким обострением противоречий капитализма распады денежных систем, крахи валют империалистической буржуазии превращает в средство для добавочной эксплуатации рабочего класса и трудящихся масс. Это особенно ярко обнаруживается в фактах современного капитализма, когда например, вызванные условиями мирового экономического кризиса крахи валют (английского фунта, американского доллара, японской иены и т. д.) становятся исходным пунктом для проведения инфляционистской политики, всей своей тяжестью падающей на рабочий класс. В свою очередь и попытки правительств империалистических государств стабилизировать валюту посредством так называемой «экономии» на издержках производства делаются опять-таки за счет рабочего класса, так как эта «экономия» означает главным образом снижение зарплат. Таким образом как денежные системы буржуазных государств, так и их денежная политика направлены в пользу буржуаз-

¹ Л е н и н, Соч., т. I, стр. 293.

² Л е н и н, Экономическое содержание народничества, Соч., т. I, стр. 360—361 (разрядка моя.— И. М.).

ной верхушки и во вред рабочему классу и широким трудящимся массам.

Марксизм-ленинизм, как мы видели, учит нас пониманию денег — этого «инструмента буржуазного хозяйства» — как специфически исторической категории. Деньги безусловно необходимы при господстве в обществе буржуазных отношений. Как же согласовать с этим элементарным положением марксизма тот факт, что деньги и денежное обращение сохраняются в советской хозяйственной системе, принципиально отличной от капиталистической, и играют огромную роль в социалистическом строительстве?

Для уяснения вопроса о необходимости, особой природе и роли советских денег имеет огромное значение богатое диалектическим содержанием положение Ленина о том, что «остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе, и в обществе»¹. Для всех антиленинских теорий советских денег характерно то, что они, будучи насковзь механистическими, извращают факт использования новым советским строем остатков старого (денег, торговли, банков и т. п.). Наблюдая эти «остатки старого» в нашей экономике, сторонники антиленинских теорий либо отождествляют наши деньги и экономику с капиталистическими (буржуазные экономисты, контрреволюционный троцкизм и правые), либо отрицают наличие в советской экономике, особенно в период вступления в социализм, денег, сводя их к «расчетным знакам» или «трудовым талонам» (леваки).

Действительная диалектика развития, путь построения коммунистического общества ведет через всемерное использование пролетарским государством денег, как своего важнейшего рычага при одновременном, естественно, коренном изменении природы самих денег.

Дело сводится к следующему: уничтожение капитализма и переход к развернутому коммунизму представляют собой не единовременный акт, совершающийся в момент пролетарской революции и завершающийся вместе с утверждением диктатуры пролетариата. Переход к коммунизму есть длительный исторический процесс и содержит в себе ряд ступеней, этапов и переходов в развитии вновь возникающего коммунистического общества.

Не говоря о переходном периоде, в котором сохраняются еще остатки старых экономических укладов наряду с элементами новой социалистической экономики, деньги не могут быть уничтожены в течение продолжительного времени даже с вступлением в первую фазу коммунизма, в фазу социализма.

Деньги исчезают безусловно лишь на высшей фазе коммунизма, когда благодаря высокому развитию производительных сил и недоступному для капитализма повышению производительности общественного труда исчезнут все узкие горизонты буржуазного общества и в частности не будет необходимости в сохранении остатков буржуазного права.

На социалистической стадии развития буржуазное право уничтожается лишь по отношению к общественным средствам производства, но оно «остаётся в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»². При социализме каждый член общества получает из обще-

¹ Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI, стр. 438.

² Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI, стр. 435.

ственного продукта долю, соответствующую количеству и качеству его труда. Следовательно на социалистической стадии развития люди поставлены в равное положение лишь по отношению к средствам производства, но между ними остается неравенство по отношению к средствам потребления постольку, поскольку они обладают неравной количественно и качественно трудоспособностью и вынуждены при этом содержать неодинаковое количество членов семьи.

Поэтому Ленин и подчеркивал, что «учет и контроль — в о т г л а в н о е, что гребутся для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества»¹. «Социализм, — говорил Ленин, — это прежде всего учет»², ибо при нем в отличие от капитализма народное хозяйство должно работать «с правильностью часового механизма»³.

Деньги нужны даже на социалистической стадии развития именно как метод учета и контроля над общественным производством и распределением продуктов, как мера труда и мера потребления, потому что общество не может сразу, после уничтожения классов и построения бесклассового социалистического способа производства, наладить безденежную форму учета и контроля непосредственно в рабочем времени. Организовать для сотен миллионов людей учет и контроль над общественным производством и распределением продуктов непосредственно в рабочем времени есть задача, требующая огромных организационных и технических усилий и навыков, которые не могут упасть готовыми с неба, а создаются в ходе продолжительного опыта социалистического строительства, вырабатываются на живом опыте масс. «Еще до социалистической революции, — говорит Ленин, — социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги... И мы не могли отменить денег сразу, мы говорим: пока деньги остаются и довольно долго останутся в течение переходного времени от старого капиталистического общества к новому социалистическому»⁴. Ту же мысль развил т. Сталин в 1927 г. в беседе с делегацией иностранных рабочих. «Нам нужно, — говорил он, — наладить такой передаточный распределительный аппарат между городом и деревней, который был бы способен учесть и удовлетворить потребности города и деревни всей страны, так же, как каждый человек учитывает у себя свой бюджет, свои расходы и доходы. И когда мы добьемся всего этого, надо полагать, что наступит время, когда не будет уже нужды в деньгах. Но до этого еще далеко»⁵. И наконец, подвергая уничтожающей критике взгляды «левых» уродов» об отмирании денег в связи со вступлением СССР в период социализма, Сталин на XVII съезде партии снова подчеркнул, что «деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма — социалистической стадии развития».

Левацкие «теории» об отмирании денег, о переходе к прямому продуктообмену и т. д. находятся между прочим в тесной связи с тем,

¹ Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI, стр. 440.

² Ленин, Из речи на заседании ВЦИК. Ответ на запрос левых эсеров. Соч., т. XXII, стр. 45.

³ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 420.

⁴ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 293.

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 308, изд. 9-е.

что в нашей литературе обычно необходимость денег в советской экономике выводили из многоукладности последней. При этом рассуждали следующим примитивным образом. Так как мол мелко-товарный и капиталистический уклады входят составными элементами в единую переходную экономику, причем этим укладам присуща определенная форма экономической связи — денежная форма, — то тем самым и экономическая связь между социалистическим и частным секторами не может быть налажена без посредства товарно-денежной формы. Недопустимость выведения необходимости денег в СССР из многоукладности советской экономики видна уже из того, что хотя в нашей стране социалистический уклад стал господствующим, а к концу второй пятилетки превратится в единственный способ производства, деньги при этом не только не отмирают, а, напротив, усиливают свою роль в деле организации социалистического учета и контроля над производством и распределением продуктов.

Очевидно, что деньги в нашей хозяйственной системе имеют более глубокую основу, что действительная причина сохранения денег у нас заложена в отношениях самого обобществленного хозяйства. Это так, несмотря на то, что при планомерном направлении производства диктатурой пролетариата в обобществленном хозяйстве отсутствуют те противоречия, которые порождают деньги в товарном хозяйстве.

Очевидно, что необходимость денег в советской экономике основывается на иных по сравнению с товарным хозяйством предпосылках. К чему же последние сводятся?

Капитализм на высшей ступени своего развития создает необходимые материальные условия для перехода к новому социалистическому способу производства. При этом однако социалистические отношения не находят своего развития в рамках капитализма, подобно тому, как в недрах феодализма развились и пустили глубокие корни капиталистические отношения в производстве и обмене. Поэтому если в задачу буржуазной революции входили главным образом свержение власти феодальной земельной аристократии и передача ее в руки буржуазии, то социалистическая революция должна не только установить новую власть, диктатуру пролетариата, но кроме того на основе последней впервые строить и укреплять новые социалистические производственные отношения, активно борясь за ликвидацию остатков капитализма и за социалистическую переделку мелкого товарного производства.

Диктатура пролетариата, впервые открывающая «возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельное участие в самостоятельном строительстве нового общества»¹, естественно не может в короткий срок создать совершенно новые методы организации учета и контроля над хозяйством. Организационные формы хозяйства не могут быть декретированы или надуманы: они могут сложиться лишь в результате живой практики масс как проверенная обобщенная форма этой практики. Поэтому Ленин подчеркивал необходимость использования организационных форм капитализма: «...организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции, академии и прочее; нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран»². Ещё ярче Ленин выразил эту

¹ Ленин, Очередные задачи советской власти, Соч., т. XXII, стр. 441.

² Ленин, Удержат ли большевики государственную власть, Соч., т. XXI, стр. 263—264.

мысль в следующих словах: «... во всем своем историческом творчестве пролетариат берет свое оружие у капитализма, а не «выдумывает», не «создает из ничего»¹.

Именно, исходя из этих положений, можно понять, что присущее диктатуре пролетариата планомерное руководство развитием всего народного хозяйства, плановое строительство социализма не исключает денежную форму связей, а, напротив, превращает ее в один из своих мощных рычагов. Наличие денег в советском хозяйстве является необходимой предпосылкой для организации и управления социалистическими предприятиями на началах хозрасчета, стимулирующего предприятия к выполнению плановых заданий в области повышения производительности труда, снижения себестоимости, развития накоплений и т. д. Поэтому недопустимо противопоставлять, как это делают правые и «левые» оппортунисты, хозрасчет, денежное обращение, советскую торговлю и т. д. принципу планового развития советской экономики.

План пролетарского государства использует деньги не только в качестве основы хозрасчетного метода ведения обобществленного хозяйства, но и как форму связи, метод контроля над всеми сферами буржуазных отношений и пережитков как в экономике, так и в сознании людей, причем конечно денежная форма здесь является орудием ликвидации капитализма, социалистической переделки мелкого товарного производства, орудием победы социализма.

До тех пор пока не будет достигнут такой высокий уровень коммунистического производства, когда труд превратится из необходимости в первейшую жизненную потребность, до тех пор останется необходимость в установлении строгого и точного общественного контроля над мерой труда и мерой потребления. Поскольку же и до тех пор пока будут отсутствовать организационные и технические условия, требующиеся для проведения этого контроля путем учета затрачиваемого труда непосредственно в единицах рабочего времени, постольку и до тех пор орудием учета и контроля над мерой труда и мерой потребления останутся деньги. Поэтому программа партии указывает, что «пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег невозможно».

Вопрос о природе и сущности той или другой системы хозяйства решается в зависимости от того, какой класс владеет орудиями производства, является господствующим, какой класс следовательно руководит и управляет всей хозяйственной жизнью страны.

Также сущность и роль советских денег можно понять, только исходя из той новой хозяйственной системы, которая возникла в результате Октябрьской революции. Последняя создала диктатуру пролетариата, которая является не только политической, но и экономической силой. Обобществляя производство, сознательно осуществляя строительство социализма, диктатура пролетариата определяет все движение нашей экономики.

Поэтому роль советских денег не может быть понята вне зависимости от факта наличия пролетарского государства, ибо последнее организует и руководит всем процессом общественного производства.

¹ Ленин, Удержат ли большевики государственную власть, Соч., т. XXI, стр. 262.

Осуществляя в процессе ожесточенной классовой борьбы перестройку всей хозяйственной системы на социалистических началах, пролетарское государство, руководимое коммунистической партией, не «отменяет» торговли и денег, а использует их в интересах построения коммунистического общества. Поэтому роль денег и торговли в нашей хозяйственной системе меняется коренным образом. Мы имеем иные деньги и иную торговлю, советские деньги и советскую торговлю. Сущность и роль наших денег определяются теми функциями и назначением, которые пролетарское государство дает деньгам. «Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму»¹.

Мы видим таким образом, что деньги, выросшие на почве буржуазного строя производства и являющиеся в рамках последнего орудием буржуазии, орудием подчинения труда капиталу, превращаются в пролетарском государстве в свою противоположность, становясь орудием социалистического строительства, орудием борьбы с капиталом.

Эту свою новую роль деньги выполняют лишь благодаря тому, что их обращение регулируется диктатурой пролетариата. «Покончить с ней (денежной монополией буржуазии. — И. М.), — писали Маркс и Энгельс, — он не может, не овладев государственной властью»². Диктатура пролетариата в СССР с успехом использовала деньги для разрешения исторической проблемы «кто кого».

В чем же конкретно проявляется сущность денег как орудия диктатуры пролетариата?

Уяснение этого вопроса требует рассмотрения роли денег в связи с тремя сторонами диктатуры пролетариата. По блестящему определению Сталина «диктатура пролетариата есть: 1) не ограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков, 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без ущерба исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают полное и законченное понятие диктатуры пролетариата»³.

Если взять первую сторону диктатуры пролетариата, заключающуюся в подавлении буржуазии, то нетрудно установить, что деньги действительно выступали на разных этапах советского развития именно как орудие диктатуры пролетариата по ограничению и подавлению буржуазии. Об этом особенно красноречиво свидетельствует например денежная политика советской власти в период военного коммунизма. В этот период денежная по-

¹ Из речи Сталина на XIV съезде партии. См. «Стенографический отчет», стр. 496.

² Маркс — Энгельс, Соч., т. IX, стр. 175.

³ Сталин, Вопросы и ответы — речь в Свердловском университете 9/VI 1925 г., Вопросы ленинизма, стр. 164, изд. 9-е.

литика советского государства была в первую очередь направлена к подрыву остатков денежной мощи буржуазно-помещичьих элементов. Путем инфляции происходила экспроприация скрытых денежных капиталов буржуазии и помещиков.

В дальнейшем в связи с изменением классовых отношений, когда в интересах социалистического строительства произошел переход к нэпу и были допущены частнокапиталистические элементы в экономике страны, денежная политика своим острием направляется сначала к ограничению, а затем к вытеснению и ликвидации капиталистических слоев города и деревни. Для понимания этих изменений в нашей денежной политике по отношению к буржуазии следует исходить из того, что денежная политика, так же как и общеэкономическая политика, представляет собой отношение классов. Денежная политика при капитализме служит господству буржуазии над рабочим классом, денежная политика советского государства служит, напротив, укреплению господствующей роли рабочего класса и ликвидации капиталистических элементов. При этом использование диктатурой пролетариата денег как орудия борьбы с капиталистическими элементами происходит, понятно, на базе твердого учета соотношения классовых сил.

В первый период нэпа, когда в силу почти полного отсутствия государственного торгового оборота и слабости кооперативной системы частный капитал играл важную роль в установлении торговой связи между городом и деревней, когда перед советской властью стояла задача регулирования сферы товарного и денежного обращения, наша денежная политика по отношению к буржуазии могла быть направлена лишь к ограничению ее поползновений стать господствующей силой и занять прочные позиции во всей экономике страны. В этом ограничении буржуазии методами нашей денежной политики мы опирались на такие рычаги, как кредит банковской системы, централизованный в руках советского государства, и налоговая система. Регулируя систему кредитования таким образом, что львиная доля кредитов на более благоприятных условиях направлялась в распоряжение государственных и кооперативных организаций при соответственном ухудшении кредитных позиций частного капитала, с одной стороны, и снимая сливки с прибылей частных предпринимателей и торговцев путем высокого налогового обложения их — с другой, советское государство тем самым использовало денежный рычаг для ограничения эксплуататорских стремлений буржуазии.

В последующее время, когда на основе политики ограничения частного капитала выросли и окрепли государственная и кооперативная торговые системы, когда соотношение сил в сфере товарооборота изменилось в пользу социализма и против капитализма, советское государство направляет свою денежную политику к вытеснению, а затем и к ликвидации капиталистов. Наряду с другими рычагами соответствующим образом приводятся в движение кредит и налоги (полный отказ от кредитования частника, резкое повышение ставок обложения и пр.).

Денежная система используется советской властью далее как форма руководства рабочего класса по отношению к крестьянству, как способ укрепления их союза. С особой яркостью эта сторона денег и советской денежной политики как орудия диктатуры пролетариата проявилась со времени проведения денежной реформы 1922—1924 гг. Стабилиза-

ция рубля, которой Ленин придавал решающее значение, явилась исходным пунктом для налаживания правильного товарооборота между городом и деревней. Политика советской власти при проведении денежной реформы исходила в частности из того, чтобы дать крестьянину твердый, устойчивый рубль как основу его хозяйственной деятельности, способную стимулировать товарность его производства. Это нашло свое отражение например в «Письме ЦК партийным организациям о денежной реформе» (весной 1924 г.), в котором указывалось, что переход к твердой денежной единице создает «мост между городом и деревней» и уничтожает ту «валютную стену», которая была воздвигнута между ними в период падающего совзнака.

Налаживание торговой смычки между городом и деревней на основе твердого рубля было необходимым предварительным условием для перехода в дальнейшем к установлению между ними и производственной смычки при социалистической переделке мелкого товарного производства.

При этом и в деле социалистической реорганизации сельского хозяйства деньги и денежная политика советской власти сыграли и продолжают играть огромную роль как форма руководства пролетариата в отношении крестьянства. Поворот бедняцко-середняцких масс крестьянства в сторону социалистического земледелия, материальной основой чего явились успехи генеральной линии партии в области социалистической индустриализации страны, нашел себе соответствующую поддержку и со стороны нашей денежной политики. Обслуживая процесс социалистической переделки трудящихся масс крестьянства, наша денежная политика и в этом отношении конечно опиралась на кредитный и налоговый рычаги. Исходя из ленинского учения о том, что ни один новый общественный строй не возникал без финансовой поддержки господствующего класса, партия и советская власть создали и проводили систему кредитования сельского хозяйства, по срокам и другим условиям наиболее благоприятную для колхозного сектора и тем самым естественно стимулировавшую крестьян к организации коллективной формы своего производства. С другой стороны, и сельскохозяйственный налог строится так, что он максимально поощряет тот же процесс коллективизации.

Следует при этом подчеркнуть, что роль наших денег не ограничивается только тем, что они обслуживают переход трудящихся крестьян к социалистическим формам производства. После этого перехода, теперь, когда колхозы стали господствующей формой в нашем сельском хозяйстве, а колхозники прочной опорой советской власти, роль советского рубля как орудия диктатуры пролетариата по руководству колхозным крестьянством не только не ослабляется, а, напротив, значительно усиливается, получая новое содержание. Достаточно указать на то значение, которое приобретает теперь контроль рублем, внедрение хозрасчета в деле решения важнейшей задачи—организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Являясь рычагом социалистического строительства уже постольку, поскольку они служат ликвидации остатков капитализма и социалистической смычке между рабочим классом и крестьянством, советские деньги наконец выступают в руках пролетарского государства в качестве орудия социалистического строительства и непосредственно, поскольку они служат делу развития социалистических предприятий промышленности и сельского хозяйства, являясь основной хозрасчетного метода управления ими.

Деньги в частности служат методом контроля над мерой труда и мерой потребления всех участников социалистического производства. Благодаря советским деньгам достигается правильная организация системы заработной платы, которая особенно в настоящее время «превращается в основной регулятор, а ее повышение — в решающий стимул для рабочих и служащих»¹. Дифференцированное построение заработной платы в денежной форме, выплата ее по качеству и количеству затрачиваемого труда обеспечивают соответствующую организацию труда и повышение его производительности в социалистических предприятиях в борьбе с мелкобуржуазными тенденциями, рвачеством, текучестью рабочей силы и т. п.

Служа основой контроля рублем над работой каждого трудящегося, деньги вместе с тем являются орудием контроля хозяйственной деятельности самых социалистических предприятий. Деньги служат здесь целям учета всех затрат и результатов работы предприятий, они служат основой правильно поставленной калькуляции себестоимости и цен. В деньгах наконец выражаются связи и между всеми социалистическими предприятиями, работающими на началах хозрасчета. Развертывание советской торговли, новый ее подъем в настоящее время свидетельствуют об этом достаточно красноречиво.

Контроль рублем как основа хозяйственного расчета и развертывания советской торговли — вот в чем заключается главная роль советских денег на современном этапе социалистического строительства. Это конечно не означает отмены роли денежной политики в борьбе с остатками разгромленной буржуазии и по руководству крестьянством. Но теперь, когда буржуазия пошла ко дну и в городе и в деревне, когда бедняцко-средняцкие массы крестьянства прочно встали на путь социалистического земледелия, роль денег как орудия социалистического строительства в руках пролетарского государства выступает естественно на передний план. Деньги призваны теперь служить делу укрепления социалистических производственных отношений в нашей стране.

Коренное отличие сущности советских денег от капиталистических находит свое выражение в том, что и функции советских денег в корне отличны от функций капиталистических денег.

Главной функцией денег при капитализме является функция меры стоимости. В капиталистическом обществе деньги как мера стоимости являются средством стихийного учета затрат общественного труда.

В советском хозяйстве, развивающемся на основе плана пролетарской диктатуры, деньги естественно перестают играть роль стихийного измерителя затрат общественного труда. Советские деньги несут в первую очередь функцию планового учета общественного труда и его распределения между отдельными отраслями народного хозяйства. Отсутствие необходимых условий для организации учета затрат труда непосредственно в рабочем времени (о чем говорилось выше) делает необходимым использование денег в советском хозяйстве как метода косвенного учета. Но этот косвенный денежный учет в советском хозяйстве в корне отличен от косвенного учета при капитализме, поскольку учет в советском хозяйстве организуется планомерно, тогда как при капитализме он не-

¹ В. Молотов, В борьбе за социализм, Партиздат, 1935 г., Стр. 580.

сит неизбежно стихийный характер. Поэтому советские деньги как орудие учета не выступают, как это имеет место при капитализме, в качестве формы стихийного превращения частного труда в общественный труд, а являются формой планового учета непосредственно общественного труда, поскольку труд в советской хозяйственной системе обобществлен и затрачивается планомерно.

Деньги как орудие планового учета несут эту свою функцию как в пределах отдельных предприятий, так и во всем народном хозяйстве. В самом деле, каким образом происходит у нас учет деятельности отдельных предприятий? Он совершается, как известно, в денежной форме. Всесторонний учет результатов деятельности хозяйственных организаций находит свое выражение в их балансах, которые не могут составляться без участия единого измерителя, дающего возможность планирующим и регулирующим органам, равно как и самим предприятиям, контролировать ход работы по снижению себестоимости, выполнению плана накоплений и т. д.

Деньги как орудие планового учета выступают и по отношению ко всему народнохозяйственному процессу в целом. Несмотря на то, что в руках планирующих органов имеются такие важные формы натурального учета, как например хлебо-фуражный баланс, баланс топлива, металлов и другие материальные балансы, установление необходимых пропорций во всем народном хозяйстве, выражение общих связей в экономике страны требуют в качестве своего необходимого условия единого денежного измерителя, поскольку непосредственно трудовая форма учета не может быть еще использована для этих целей.

Советские деньги служат не только учету труда, но и планомерному его перераспределению между отдельными отраслями хозяйства и предприятиями. Обеспечение определенных участков хозяйственного строительства необходимой рабочей силой осуществляется пролетарским государством не без участия денежного рычага, поскольку например для наиболее важных участков хозяйства устанавливается относительно более высокий уровень заработной платы, стимулирующий соответствующий прилив рабочей силы.

Советские деньги обнаружили плановую природу своей учетно-распределительной функции не только по отношению к труду в обобществленном производстве, но и по отношению к труду в необобществленном производстве. Так например путем политики цен, их повышения или понижения на отдельные виды сельскохозяйственных продуктов советское государство стимулировало приложение труда мелких производителей в соответствии с задачами народнохозяйственного плана. В зависимости от того, какие сырьевые и продовольственные ресурсы были необходимы для успешного выполнения плана всего народного хозяйства, государство путем регулирования цен стимулировало переход крестьян от одних отраслей сельского хозяйства к другим (например от пшеницы к хлопку и т. п.).

Таким образом если при капитализме колебание цен является выражением стихийного распределения труда между отдельными отраслями хозяйства, то в СССР, наоборот, установление цен предшествует распределению труда, оказывая на него плановое воздействие. Совершенно очевидно, что функция советских денег как орудия планового учета и распределения труда в корне отличается от функций капиталистических денег как меры стоимости.

Советские деньги далее выполняют функцию орудия товаро-

о б о р о т а. Здесь также следует подчеркнуть коренную противоположность этой функции советских денег функции денег как орудия обращения при капитализме. Деньги как орудие обращения при капитализме являются стихийной формой выражения его противоречий, способствуя в свою очередь их дальнейшему углублению. Бумажные деньги ни в коей мере не устраняют для товарного производства необходимости действительных денег (золота) как мерил стоимости. Цена есть стихийное выражение стоимости товара именно в золоте, и лишь на основе этого выражения возможно установление цен в бумажных деньгах, что также происходит совершенно стихийно. Регулирование цен государством при капиталистической системе производства невозможно.

Напротив, обобществление производства, осуществленное в СССР, дает в распоряжение пролетарского государства «громadные количества товарных масс, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам»¹. Пролетарское государство планирует как производство, так и обращение и следовательно может регулировать рыночные цены. Поэтому лишь в условиях советского развития действительными деньгами становятся бумажные деньги; попытки буржуазных экономистов освободить производство от «золотых границ» остаются совершенно несбыточной мечтой в условиях капиталистического развития, где бумажные деньги могут быть только знаками золота.

В советской системе хозяйства деньги в первой своей функции выступают не как стихийно действующее мерило стоимости, но как сознательно применяемое орудие планового регулирования цен. Благодаря этому деньги используются пролетарским государством как орудие контроля «над мерой труда и мерой потребления», как форма социалистического учета. Равным образом вместо стихийно действующей функции средства обращения деньги выступают у нас как орудий регулирования товарооборота. Движение как товарных, так и денежных потоков в советском хозяйстве осуществляется под непосредственным регулирующим воздействием государственных планирующих органов.

В условиях товарного производства функционирование денег как средства обращения развивает абстрактную возможность кризисов. Если за Т-Д (продажей товаропроизводителем своего товара) не следует Д-Т (покупка им товаров других производителей), то реализация товара другого производителя становится невозможной. Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, обостряющееся на антагонистической основе капиталистического способа производства, и обусловливаемое им противоречие между производством и потреблением превращают эту возможность в действительность: капитализм периодически потрясается кризисами перепроизводства.

Напротив, в условиях советского развития кризисы невозможны, поскольку у нас уничтожены противоречия капитализма; это конечно не исключает известных в нашей практике заминок в сбыте отдельных товаров, что является следствием наших недостатков в области регулирования производства и товарооборота, устранение которых зависит от нас самих.

Принципиальная противоположность советских денег капиталистическим ярко проявляется в их функции орудия накопления.

¹ С т а л и н, Из доклада на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7/1 1933 г.

Функция денег как сокровища, обслуживая при капитализме накопление и расширенное воспроизводство капитала, играет важную роль в механизме стихийного регулирования денежного обращения. Полная свобода накопления денег в руках отдельных капиталистов или банков является необходимым условием функционирования капиталистической денежной системы. Только свободный отлив денег из обращения в сокровище и обратный прилив из сокровища в обращение дают возможность стихийно устанавливать соответствие между товарной и денежной массой. Очевидно, что необходимость действия этого механизма вытекает исключительно из стихийной природы капиталистического способа производства. Но этот механизм требует от капиталистических стран колоссальных и совершенно непроизводительных затрат на образование ежегодно возрастающих золотых запасов.

Попытка буржуазных реставраторов и правых оппортунистов навязать этот механизм нашей экономике означала не что иное, как требование восстановления всех тех условий, при которых этот механизм может и должен действовать. Еще Маркс указал, что «если бы производство внутри каждой страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено»¹. Диктатура пролетариата, обобществление производства в СССР создали все необходимые предпосылки для превращения этой гениально предсказанной Марксом возможности в действительность и для создания совершенно особого «механизма» регулирования денежного обращения, соответствующего новым условиям производства.

Деньги используются советским государством как орудие планового социалистического накопления постольку, поскольку учет и контроль над этим накоплением осуществляется у нас как на отдельных социалистических предприятиях, так и во всем народном хозяйстве в денежной форме. Накопление во всем народном хозяйстве (распределение народного дохода между фондом потребления и фондом накопления) организуется именно в денежной форме, обеспечивая у нас в настоящее время максимальную обозримую и мобильную форму всех ресурсов хозяйства страны.

В свою очередь и включение известной части растущих доходов трудящихся масс (их сбережений) в сферу социалистического накопления происходит также в денежной форме (займы, вклады в сберкассы).

Советские деньги далее функционируют как платежное средство, поскольку ими погашаются долги, возникающие на почве кредитных и финансовых отношений. Но и эта функция в корне отличается от одноименной функции денег при капитализме. В условиях обобщественного производства отпадает то противоречие, которое скрыто за функцией платежного средства в условиях капитализма, и деньги в этой функции становятся также орудием регулирования производства и обращения пролетарским государством через систему кредитных и финансовых связей (платежи по займам, налогам, погашение задолженности банкам и т. д.).

«Выходя за пределы сферы внутреннего обращения, деньги стирают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы масштаба цен — формы монеты, разменной монеты, знаков стоимости — и

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, гл. XXXII, стр. 370, изд. 1932 г.

опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов. На арене мировой торговли товары универсально развертывают свою стоимость. Поэтому и здесь самостоятельное воплощение их стоимости противостоит им в качестве денег, мировых денег»¹.

Действительными мировыми деньгами является золото или серебро. Поскольку все капиталистические страны входят в систему мирового хозяйства, постольку для развития мировой торговли необходимо постоянное превращение внутренней валюты в мировую — в золото. Но мировую торговлю ведут отдельные капиталисты или монополистические объединения, а не государства.

Анархичность, стихийность внутреннего производства и обращения обуславливает естественно такой же характер и мирового обращения. Отсюда необходимость золотого стандарта внутри капиталистических стран, при котором только и возможно свободное превращение внутренних денег в мировые деньги, нормальный экспорт и импорт.

Напротив, при диктатуре пролетариата обобществление и вытекающая отсюда плановая организованность внутреннего производства необходимо требуют плановости и организованности и внешнеторговых связей, монополии внешней торговли. А при этой предпосылке оказывается вполне возможным и необходимым плановое построение платежного баланса и использование золота на основании валютного плана исключительно для погашения сальдо платежного баланса. Такая система осуществилась и функционирует в СССР.

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 89, изд. 1932 г.

Единая цена

I

Принципиальное отличие советской цены от цены в условиях капитализма заключается в том, что она устанавливается директивным планом пролетарского государства. На всем протяжении переходного периода (несмотря на большое различие отдельных его этапов) имеет место плановый в основном характер советской цены. Это вытекает из того, что развитие советской экономики подчинено плановому началу. Принципиально иной является классовая природа советской цены: она является мощным орудием экономической политики пролетарской диктатуры, одним из важнейших элементов и орудий народнохозяйственного планирования, орудием хозрасчета и контроля рублем, инструментом распределения и перераспределения народного дохода в интересах социалистического строительства.

Розничная цена советского товара отражает в известной мере издержки производства. Устанавливая цену на тот или иной товар, пролетарское государство учитывает при этом состояние себестоимости, уровень издержек производства, давая оценку их в денежном выражении.

Однако цена каждого отдельного товара не совпадает и не может совпасть с издержками производства, поскольку при установлении цены учитывается целый ряд других моментов. Планом пролетарского государства устанавливаются пропорции обмена между отдельными товарами, необходимые в интересах социалистического строительства в соответствии с общими задачами политики пролетариата на каждом этапе. Планово-директивный характер советской цены является одной из важнейших ее специфических черт. Устанавливая цены, государство меняет старые и определяет новые пропорции обмена между товарами.

Отрицание планово-директивного характера советской цены характерно для правых оппортунистов. Советская цена не может являться и не является предвосхищением отношений, складывающихся на рынке.

Учитывая в известной мере движение спроса и предложения товара в стране, располагая мощными рычагами для решающего воздействия и на спрос и на предложение, советское государство при установлении цены на тот или иной товар исходит из интересов народного хозяйства в целом, из задач стимулирования производства данного товара, повышения качества и улучшения ассортимента, задач социалистического накопления, перераспределения народного дохода. В журнале

ошибочными являются при этом утверждения, что при установлении цены на отдельные товары государство должно исходить или исходит из довоенных пропорций обмена между отдельными товарами.

Цены в государственно-кооперативной и цены в колхозной торговле являются советскими ценами. Однако мы имеем и существенное различие между ними. В отличие от цен государственно-кооперативной торговли цены колхозно-крестьянской торговли не устанавливаются непосредственно государством, а складываются на колхозно-крестьянском рынке и регулируются государством. Цена эта следовательно складывается отнюдь не стихийно, а под руководящим воздействием пролетарской диктатуры, которая держит в своих руках рычаги для решающего воздействия на уровень базарных цен.

Возможности и эффективность планирования и регулирования цен Советским государством неуклонно нарастают по мере укрепления социалистических форм в производстве и в обращении. Однако было бы в корне неверно трактовать это как возможности для государства произвольно устанавливать любые цены на товары.

Каковы критерии при определении советской цены?

1. При определении цены государство учитывает в той или иной степени состояние себестоимости, уровень издержек производства, отражающий состояние производительности труда, учитывает необходимость стимулировать производство, улучшение качества и ассортимента товаров. Было бы неверно отрывать цены отдельных товаров от уровня издержек производства по этим товарам. Такой отрыв и игнорирование материальной основы советской цены характерны для троцкистов, рассматривавших цену внутри государственного сектора как чисто счетную величину, лишенную материального содержания, а также для «лево»-оппортунистических теорий, имеющих в корне троцкистскую же концепцию. Было бы также неверным сведение цены товара только к издержкам производства и определение цены товара как денежного выражения издержек производства.

2. При установлении цены учитывается состояние потребительского спроса на данный конкретный товар, его возможности и границы при том или ином уровне цен, учитывается материальный уровень жизни рабочих и колхозников.

3. Весьма важное значение при установлении цены имеет проведение классовой линии в системе цен (дифференциация цен, цены городские и сельские, цены закрытой и открытой торговли). Наличие системы дифференцированных цен характерно лишь для отдельных этапов переходной экономики. В частности существующая на данном этапе система дифференцированных цен постепенно заменяется системой единых цен.

4. При установлении цены и соотношения цен между различными товарами исключительно большое значение имеет задача распределения и перераспределения народного дохода (налог с оборота, бюджетные и специальные накидки, дифференциация ставок налога с оборота и доли бюджетных и специальных накидок по отдельным товарам и т. д.). Устанавливая в плановом порядке уровень цен на товары, пролетарское государство исходит из своей классовой политики распределения народного дохода, изменяет для различных классов их долю в совокупном общественном продукте. Вместе с тем планирование цен играет исключительно важную роль в определении той

доли общественного продукта, которую реально получает каждый трудящийся в обмен на деньги.

Исключительное значение перераспределительных моментов в структуре розничной и оптовой цены может быть проиллюстрировано на государственном бюджете 1935 г. Объем и удельный вес налога с оборота, который в конечном счете реализуется через товарооборот и цены, в госбюджете 1935 г. составляет 51,8 млрд. руб., или 81,8% к общей сумме бюджета. Вместе с тем в структуре цены удельный вес налога с оборота (свидетельствующий о роли перераспределительных моментов в структуре цены товара) представляет значительную величину, а по ряду товаров превышает удельный вес издержек производства в цене данного товара. Необходимо подчеркнуть, что удельный вес издержек производства в структуре оптовой и розничной цены несомненно будет возрастать по мере успехов в области освоения новой техники, повышения качественных показателей, увеличения количества производимых товаров и т. д. Процесс распределения общественного труда по отраслям народного хозяйства и внутри их в условиях СССР ни на одном из этапов социалистического строительства не происходит на основе рыночного механизма, не определяется динамикой цен, а определяется директивным планом. Цена в СССР ни на одном из этапов не является универсальным способом распределения трудовых ресурсов. Это однако не исключает того, что в отдельные периоды пролетарское государство косвенным путем, путем изменения соотношения цен на различные товары, добивалось перераспределения труда в необобществленной части хозяйства в нужном направлении (изменение соотношения цен между зерновыми и техническими культурами и т. п.). В восстановительный период цена использовалась планом как орудие косвенного воздействия на мелкотоварное крестьянское хозяйство. Устанавливая заготовительные цены на том или ином уровне и изменяя соотношение цен между отдельными с.-х. товарами, государство при помощи косвенных рычагов осуществляло перераспределение труда между отдельными отраслями сельского хозяйства в интересах народного хозяйства в целом (изменение соотношения цен между зерновыми и техническими культурами и т. п.).

На современном этапе, когда мы имеем безраздельное господство социалистических форм, в сельском хозяйстве резко выросли возможности прямого воздействия плана на распределение материальных ресурсов сельского хозяйства,

Большое значение имеет цена на современном этапе как фактор, стимулирующий повышение производительности труда, снижение себестоимости как необходимое условие хозрасчета, контроль рублем над производством и обращением товаров. Актуальным на современном этапе является указание февральского (1927 г.) пленума ЦК о том, что «в нашей хозяйственной системе политика снижения цен и есть то средство, с помощью коего рабочий класс воздействует на снижение себестоимости, заставляет хозяйственные организации увеличить свою маневроспособность, подталкивает к рационализации производства и этим самым создает действительно здоровые источники социалистического накопления».

Установление правильного, обеспечивающего стимулирование роста социалистических производительных сил, соотношения цен на промышленные и с.-х. товары является необходимой предпосылкой укрепления экономической связи между промышленностью и сельским хо-

зайством. Уровень цен определяет в известной мере структуру потребления. Цена играет крупную роль в деле повышения материального благосостояния трудящихся города и деревни. Все это подчеркивает значение цены как одной из важнейших категорий советской экономики.

«Политика цен, являясь узловым пунктом всей хозяйственной политики советского государства, в конечном счете определяет: а) темп и перспективы развития промышленности и емкость рынка ее продукции; б) темп развития с.-х. производства; в) темп социалистического накопления; г) рамки ограничения частнокапиталистического накопления; д) силу покупательной способности червонца, т. е. всю валютную политику советского государства; е) реальный уровень зарплаты рабочих и т. д. и т. п.»¹.

Реализация политики партии в вопросах цен проходила в упорной борьбе как против правых, так и против «левых». Отрицая возможность построения социализма в одной стране, исходя из неизбежности столкновения пролетариата с основными массами крестьянства, троцкисты в противовес линии партии предлагали свою линию на экономическое ограбление крестьянства путем неуклонного повышения промышленных цен. Троцкистские предложения в вопросах цен вели к срыву союза рабочего класса с трудовым крестьянством, этим самым и к срыву социалистического строительства; они вели к подрыву сырьевой базы всей промышленности, к сокращению емкости рынка промышленности, к падению реальной зарплаты; вместе с тем они не только не мобилизовали промышленность на борьбу за устранение недостатков в организации производства, но, наоборот, ослабляли стимулы к снижению себестоимости и повышению производительности труда.

Троцкистским установкам в вопросах цен партия дала решительный отпор как путем теоретического разоблачения их сущности, так и в борьбе за практическое осуществление генеральной линии партии в вопросах цен.

Борьба против линии партии в вопросах цены характерна и для объединенного троцкистско-зиновьевского блока, где требование повышения отпускных цен промышленности выдвигалось в качестве одного из основных пунктов платформы. Вскрывая капитулянтскую сущность платформы троцкистско-зиновьевского блока в целом, т. Сталин дал сокрушительную критику предложениям о курсе на повышение цен на промтовары. «Партия не будет и не может терпеть того, чтобы оппозиция продолжала и впредь подрывать основы смычки рабочих и крестьян, основы союза рабочих и крестьян, пропагандируя идею повышения отпускных цен..., пытаясь «сконструировать» отношения между пролетариатом и крестьянством не как отношения экономического сотрудничества, а как отношения эксплуатации и крестьянства пролетарским государством»².

II

Историческое решение ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК об отмене нормирования по хлебу и некоторым другим продуктам представляет собой крупнейший шаг на пути устранения системы двойных

¹ Из резолюции февральского пленума ЦК 1927 г. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 2, стр. 328.

² Сталин, Заключительное слово на XV партийной конференции. «Стенографический отчет», стр. 754.

цен в государственно-кооперативной торговле, на пути перехода к единой цене. Этим самым подчеркивается, что переход к единой цене является неразрывной органической частью перехода к развернутой культурной советской торговле. Введение и развитие системы дифференцированных цен в государственно-кооперативной торговле тесно связаны с наличием нормирования, карточной системы, закрытых форм снабжения. И наоборот, унификация цен тесно связана и обусловлена переходом от нормирования к открытой развернутой советской торговле.

Введение двойных цен в государственно-кооперативной торговле было тесно связано с введением хлебной карточки в 1928/29 г. Хлебные ресурсы в руках государства были в этот период ограничены, что было обусловлено определенной социальной структурой хлебного производства, анализ которой был дан т. Сталиным в его беседе со слушателями ИКП — «На хлебном фронте». Нельзя было ставить социалистическую индустрию и рабочего в зависимость от вольного рынка, где держались спекулятивно высокие цены. По линии частной торговли мы имели резкое усиление темпов роста цен, при почти стабильных (до середины 1931 г.) ценах обобщественной торговли. Уже в годы, предшествовавшие первой пятилетке, разрыв цен обобщественной и частной торговли (в основном по с.-х. товарам) нарастал в высоких темпах, как это видно из следующих данных:

**Отношение общего индекса розничных цен частной торговли
к общему индексу розничных цен обобщественной торговли**

1923/24 г.	103,0
1924/25 г.	107,2
1925/26 г.	110,9
1926/27 г.	118,8
1927/28 г.	132,6

В период первой пятилетки, по мере сужения базы для частной торговли, разрыв цен обобщественной и частной торговли резко обострился. Задачи государственного регулирования розничных цен в условиях недостатка товаров и обострившейся классовой борьбы значительно усложнились, особенно по линии с.-х. товаров. В период первой пятилетки увеличившееся производство товаров широкого потребления отставало от роста платежеспособного спроса населения. Влияние товарного дефицита на темпы повышения цен частной торговли сказалось сильнее по с.-х. товарам и в меньшей мере по промышленным товарам.

Цены частного рынка по с.-х. товарам в процентах к 1928 г. составили в 1929 г. — 146,3, в 1930 г. — 359,7 и в 1931 г. — 630,0.

По отдельным товарам повышение розничных цен частного рынка за этот же период составило:

Динамика городских розничных цен частного рынка по отдельным товарам (в % к среднегодовым ценам 1928 г.)

Название товара	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Мука ржаная	225,0	350,0	525,0
Картофель	160,0	280,0	520,0
Говядина	125,4	358,7	663,5
Масло коровье	201,3	602,1	978,6
Яйца	134,0	330,0	572,0

В разрыве цен, в ажиотаже, в спекулятивном взвинчивании цен мы имели определенные формы проявления классовой борьбы, формы сопротивления капиталистических элементов развернутому социалистическому наступлению.

Усиление темпов повышения цен в частной торговле совпало с периодом кулацкой хлебной «забастовки». Повышение цен частной торговли на основные хлебные культуры оказывало прямое влияние на рост цен частной торговли по линии всей сельскохозяйственной продукции. Городские базарные цены по пяти важнейшим с.-х. товарам (мука, картофель, говядина, масло и яйца) увеличились к концу 1932 г. по сравнению со среднегодовыми ценами 1928 г. в 13,2 раза. Разрыв цен обобщественной и частной торговли на всем протяжении первой пятилетки неуклонно возрастал. Разница между низкими ценами государственно-кооперативной торговли и непомерно вздутыми ценами частного рынка была бы присвоена в основном кулаком и перекупщиком. Сохранение в неизменном виде открытых форм торговли и единой цены в государственно-кооперативной торговле при резком и все нараставшем разрыве цен обобщественной и частной торговли грозило снижением уровня реальной зарплаты, разбазариванием фондов обобщественной торговли, перекачкой значительной их части в каналы частной торговли.

Введенная почти одновременно с хлебной карточкой система двойных цен в государственно-кооперативной торговле была подкреплена в дальнейшем организацией закрытых форм торговли — закрытых распределителей, закрытых кооперативов, отделов рабочего снабжения. Несмотря на резкое повышение цен систематически вытесняющейся частной торговли, цены обобщественной торговли вплоть до 1931 г. оставались почти стабильными. Лишь в конце первой пятилетки — в 1931 г., а в основном в 1932 г. — было осуществлено в плановом порядке повышение цен по ряду товаров в государственной и кооперативной торговле. Повышение цен в обобщественной торговле в 1931—1932 гг. было проведено главным образом путем выделения особых, так называемых коммерческих фондов, выполнявших функцию классового перераспределения доходов и влиявших на уровень базарных цен. В меньшей степени повышение коснулось товаров нормированного снабжения: около $\frac{1}{4}$ всего повышения цен было произведено за счет повышения цен на некоторые нормированные товары.

Необходимость повышения цен в 1931—1932 гг. была вызвана в первую очередь невыполнением промышленностью качественных показателей пятилетнего плана (по производительности труда и особенно — себестоимости), что создавало непосредственную угрозу выполнению всего финансового плана. В условиях невыполнения плана качественных показателей промышленности и резкого перерасхода фондов зарплаты сохранение стабильных цен при возросшей в ряде отраслей промышленности себестоимости означало необходимость сокращения финансирования промышленности, т. е. невыполнения намеченных темпов строительства и производства. Чтобы не допустить сокращения капитального строительства (а размер вложений был увеличен по сравнению с планом) и выполнить программу строительства и расширения производства, пролетарское государство должно было прибегнуть к дополнительному распределению народного дохода через рычаг цен.

Отсюда следует, что произведенное в конце первой пятилетки повышение цен явилось мероприятием, обеспечившим известное пере-

распределение между фондом накопления и фондом потребления и сыграло активную роль в отношении реализации плана финансирования промышленности и выполнения намеченной пятилеткой производственной программы социалистической промышленности. Последнее же в свою очередь является важнейшей предпосылкой снижения цен в дальнейшем, что и находит отражение в плане и итогах первых лет второй пятилетки. Система дифференцированных цен государственно-кооперативной торговли, как и карточная система, сыграла огромную положительную роль, активно содействуя осуществлению политики партии на быструю индустриализацию страны, на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Система двойных цен обеспечила перераспределение народного дохода в пользу индустриализации в интересах социализма. На товары, выделявшиеся для коммерческой реализации, устанавливались бюджетные и специальные наценки, а также значительно более высокие ставки налога с оборота, чем на товары нормального фонда (так в 1932 г. ставки налога с оборота по коммерческому фонду превышали ставки налога с оборота по нормальному фонду: по крупе в 2,2 раза, по мясопродуктам и рыбе примерно в 2 раза, по обуви резиновой в 2,5 раза и т. д.). Средства, получавшиеся с налога с оборота и бюджетных и специальных накидок, направлялись через госбюджет в соответствии с народнохозяйственным планом на финансирование социалистической промышленности, на финансовую помощь колхозному строительству, на культурно-бытовое обслуживание трудящихся.

Поступления в госбюджет от налога с оборота составили в период 1931—1934 гг. 79,6 млрд. руб., а вместе с доходами от коммерческой торговли — 95,7 млрд. руб.¹

Перераспределение средств через госбюджет было особенно необходимо, поскольку на первых порах заново построенная тяжелая промышленность, созданный колхозный строй нуждались в финансовой поддержке государства и поскольку собственные накопления их были незначительны.

По мере успехов в области освоения техники, повышения качественных показателей — роста производительности труда и снижения себестоимости, роста собственного накопления в тяжелой промышленности и социалистическом сельском хозяйстве — государство получает возможность уменьшить долю налогов и наценок в цене на единицу товара. Этот процесс уже начался. Так, тяжелая промышленность увеличила сумму своих прибылей с 475 млн. руб. в 1931 г. до 1 571 млн. руб. в 1934 г.

Начиная с 1933 г. и особенно с 1934 г. тяжелая промышленность имеет крупные успехи в деле снижения себестоимости, освоения новой техники и новых производств. Повышаются качественные показатели работы социалистического сельского хозяйства, в первую очередь в результате первых успехов организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Вместе с тем неуклонный рост товарных масс в руках государства, увеличение количества товаров, выпускаемых легкой, пищевой и другими отраслями промышленности, позволяют уменьшение ставок налога с оборота и наценок осуществить без уменьшения общей суммы средств, идущих в бюджет. Так, за период с 1932 по 1934 г. снизились размеры бюджетной и специальной наценки на единицу товара по мылу хозяйственному (на 30%), по ниткам (на 53%), по обуви и некоторым другим товарам.

¹ «Финансы СССР», отчет НКФ VII съезду советов, Госфиниздат, 1935 г., стр. 13.

По мере успешного выполнения задач второй пятилетки по линии освоения техники, качественных показателей, расширения производства товаров, государство получает возможность дальнейшего снижения доли налогов и наценок в цене товара, возможности дальнейшего снижения цен в открытой торговле. Под этим углом зрения особую актуальность имеет усилившийся в 1935 г. в тяжелой промышленности процесс борьбы за снижение себестоимости, за безубыточную работу, за отказ от государственных дотаций, за рентабельность, а также установление большего соответствия между ценами и издержками производства по ряду отраслей тяжелой промышленности.

Однако значение системы двойных цен отнюдь не исчерпывается ролью фактора дополнительного перераспределения народного дохода между отраслями народного хозяйства, между отдельными отраслями промышленности. В системе цен, в соотношении цен на различные товары и различных цен на одинаковые товары находила свое отражение классовая борьба вокруг политики цен, проводившаяся партией и советским государством. Система дифференцированных цен в государственно-кооперативной торговле в конкретных исторических условиях последних 6—7 лет являлась мощным орудием государственного нормирования, снабжения и потребления не только в порядке установления норм отпуска того или иного товара номенклатуре, но и нормирования через потребительский бюджет, через цену, через рубль.

Система двойных цен сыграла большую роль в ограничении бюджета от влияния цен частной спекулятивной торговли в реализации классово-производственного принципа снабжения, в обеспечении первоочередного и преимущественного снабжения по низким ценам участников социалистического строительства важнейших категорий населения. Она явилась мощным орудием в борьбе за повышение реальной зарплаты, за рост материального уровня трудящихся города и деревни, за дифференциацию снабжения, в зависимости от качества и результатов труда.

Система двойных цен в государственно-кооперативной торговле, как и картонная система, имеет временный характер, наличие ее специфично лишь для определенных этапов переходной экономики.

Существование двойных цен связано с рядом отрицательных моментов, которые сказываются во всех областях и отраслях народного хозяйства. Нормированная цена ряда товаров по ряду отраслей промышленности не отражала в достаточной мере уровня издержек производства и реализации товаров, не обеспечивала рентабельности, а благодаря этому потеряла свое стимулирующее значение для производства, не могла оказывать необходимого воздействия на ускорение процесса производства и обращения товаров, на улучшение ассортимента и качества товаров и т. п.

Далее в условиях двойных цен усложнились и стали необычайно громоздки учет и планирование во всех отраслях и областях народного хозяйства, а особенно в области товарооборота. Трудно сопоставлялись показатели работы различных торговых систем, двойная система питала и подталкивала развитие злоупотреблений и спекуляции и в значительной мере подрывала функции советского рубля. Двойные цены осложняют проведение политики снижения цен, внедрение хозрасчета, контроля рублем над производством и обращением товаров и т. д.

III

К основным факторам, обеспечившим возможность начала унификации цен в государственно-кооперативной торговле, необходимо отнести прежде всего рост товарных фондов в руках пролетарского государства, создание организационных предпосылок линии товарооборота. Основные моменты, подготовившие отмену карточной системы, в то же время явились и факторами подготовки перехода к единой цене. Наряду с ростом товарных фондов здесь необходимо отметить:

а) Рост товарооборота и торговой сети государственно-кооперативной торговли.

б) Развитие коммерческой торговли, повышение удельного веса открытых форм торговли в общем товарообороте страны.

в) Рост децентрализованных форм заготовок и снабжения.

г) Расширение каналов советской торговли, широкое развитие колхозной торговли, соревнование торговых систем.

д) Завершение процесса обобществления товарооборота.

е) Сближение цен открытой государственно-кооперативной торговли и колхозной торговли, сближение цен нормированной и открытой торговли.

Уже 1933 год явился переломным годом в движении цен базарно-колхозной торговли. Однако, поскольку базарные цены вплоть до октября держались на высоком уровне и лишь IV квартал дал резкое снижение их, среднегодовой уровень базарных цен в 1933 г. не дал снижения по сравнению с 1932 г., а наоборот, даже повысился. Тем не менее уже в 1933 г. с марта происходило снижение базарных цен. Индекс базарных цен по 11 важнейшим продовольственным товарам снизился от марта до декабря 1933 г. на 40,4%. 1934 год дал безусловное закрепление тенденции к снижению цен базарной торговли. Уровень их на всем протяжении 1934 г. был значительно ниже, чем уровень цен в соответствующие месяцы 1933 г., в результате среднегодовой уровень базарных цен в 1934 г. на 31,5% ниже среднегодового уровня цен в 1933 г.

Отмена карточек по хлебу и некоторым другим товарам и переход к единой цене безусловно оказали положительное влияние на развитие и оживление колхозной торговли, содействовали росту базарных привозов с.-х. продуктов и дальнейшему снижению базарных цен, а в ряде случаев сдерживали их сезонный рост. Привоз главнейших с.-х. продуктов на колхозные базары в I квартале 1935 г. по сравнению с I кварталом 1934 г. по 28 крупнейшим городам увеличился на 26,2%, в том числе по мясной группе — на 46,3%, по яйцам — на 45,9%, по картофелю — на 34,3% и т. д. Вместе с тем унификация цен и систематическое снижение цен ненормированной государственной торговли давили на уровень базарных цен в сторону их снижения.

Снижение базарных цен в % к соответствующему периоду 1934 г.

Д а т а	Хлебная группа	Мясная группа	Молочная группа	Яйца	Овощи
Январь 1935 г. . . .	30,3	14,7	24,0	17,7	34,7
Февраль 1935 г. . . .	37,2	17,0	27,4	18,9	37,5
Март 1935 г.	40,3	15,0	27,5	27,0	39,7

В апреле продолжалось дальнейшее снижение цен базарно-колхозной торговли. Так, например, индекс цен базарной торговли по 64 городам составлял (по сравнению с соответствующим периодом 1934 г.) по 15 продуктам широкого спроса: в марте — 75,7%, а в апреле — 71,9; соответственное по 5 хлебным товарам: в марте — 59,7%, в апреле — 57,0%; по трем овощным товарам: в марте — 60,3%, в апреле — 52,3%. Индекс базарных цен по 13 животноводческим продуктам соответственно снизился с 80,0 до 77,1%. Индекс базарных цен по 64 городам по 25 товарам составил в апреле 1935 г. 72,9% по сравнению с апрелем 1934 г. Еще больший размер снижения базарных цен выявляется при сопоставлении уровня цен в апреле 1935 г. с весной 1933 г., с периодом наиболее высокого уровня базарных цен и начала широкой продажи хлеба и других продтоваров из коммерческих магазинов. Так, в апреле 1935 г. по сравнению с мартом 1933 г. индекс базарных цен по 15 продуктам широкого спроса по 10 городам снизился на 53,7%, по хлебной группе соответственно — на 75,6%, по овощной группе — на 68,8, по мясной группе — на 48,7, по молочной группе — на 54,8, по яйцам — на 56,9%.

Снижение цен базарно-колхозной торговли в январе—апреле 1935 г., в тот период, когда обычно цены на сезонные товары (овощи, картофель и т. д.) резко возрастали на рынке, свидетельствует о преодолении сезонных колебаний цен, являясь показателем усиления планирования цены пролетарским государством и правильности перехода к единой цене.

Большое значение в деле понижения цен базарно-колхозной торговли имело систематическое проводившееся с 1933 г. снижение цен в ненормированной торговле, особенно усилившееся в 1935 г., как это видно из следующих данных ЦУНХУ (см. таблицы на стр. 38 и 39). Значительно снизились также розничные цены на с.-х. товары из децентрализованных заготовок. Так, в 1934 г. (по сравнению с 1932 г.) розничные цены на с.-х. товары из децентрализованных заготовок снизились: по картофелю — на 20,7%, по овощам свежим — на 33,5, по овощам соленым и квашеным — на 22,1, по яйцам — на 20,2, по молочным продуктам — на 22,2, по мясным — на 11,5%, и т. д.

В итоге произошло значительное сближение цен колхозной и государственно-кооперативной торговли, цен децентрализованных заготовок и базарной торговли, цен открытой и нормированной торговли. В Москве и Ленинграде соотношение цен на ржаной кислый хлеб в закрытой торговле к ценам коммерческим составляло весной 1933 г. 1 : 20, затем снизилось в первой половине 1934 г. до 1 : 8 и во второй половине 1934 г. — до 1 : 4. По маслу животному соотношение нормированных и коммерческих цен в 1933 г. в Москве и Ленинграде равно было 1 : 6,3, а в 1934 г. разрыв уменьшился в первой половине года до 1 : 4,5 и во втором полугодии до 1 : 4. По сахару разрыв цен коммерческой и нормальной торговли уменьшился с 1 : 6 в 1933 г. до 1 : 3 в начале 1935 г.

Значительные сдвиги имели место и в соотношении коммерческих и нормальных цен по ряду промышленных товаров широкого потребления.

Процесс сближения цен нормального и коммерческого фонда промтоваров можно проиллюстрировать следующими данными: по хлопчатобумажным тканям (ситец набивной крашенный № 3) соотношение цен нормального фонда (принятого за единицу) и коммерческого фонда составляло в 1931 г. 1 : 7,7, а в 1934 г. разрыв снизился до 1 : 1,4; по бязевой группе разрыв за этот период уменьшился с 1 : 7

Снижение розничных цен в ненормированной торговле в 1933—1935 гг.

Наименование товаров	1/1 1933 г.	1/1 1934 г.	31/XII 1934 г.	1/III 1935 г.
Товары коммерческого фонда				
Продовольственные				
Хлеб печеный (цены марта 1933 г. = 100)	—	70,0	70,0	44,0
Масло животное (цены мая 1933 г. = 100)	—	72,8	62,5	62,5
Молоко (цены апреля 1933 г. = 100)	—	120,0	100,0	80,0
Колбасные изделия (цены марта 1933 г. = 100)	—	100,0	92,3	92,3
Картофель (цены сентября 1933 г. = 100)	—	62,5	62,5	62,5
Сахар	100	100,0	49,8	49,8
Маргарин нерасфасованный (цены апреля 1934 г. = 100)	—	—	85,0	85,0
Масло подсолнечное (цены апреля 1933 г. = 100)	—	81,1	72,1	72,1
Кондитерские изделия (цены июля 1933 г. = 100)	—	80,7	71,9	48,2
Сухие фрукты и орехи (цены февраля 1934 г. = 100)	—	—	100,0	62,5
Свежие фрукты (цены февраля 1934 г. = 100)	—	—	100,0	61,5
Непродовольственные				
Грубосуконные ткани	100	100,0	84,7	84,7
Тонкосуконные ткани	100	100,0	74,8	74,8
Трикотаж шелковый	100	100,0	90,4	90,4
Обувь на монолитной подошве	100	100,0	81,3	81,3
Мыло хозяйственное	100	75,0	75,0	75,0
Мыло туалетное	100	100,0	76,3	76,3
Нитки	100	56,8	39,8	39,8
Товары «нормального фонда»				
Платки выработки шерстяной промышленности	100	100,0	80,0	80,0
Мебель	100	86,3	86,3	86,3
Музыкальные инструменты	100	70,0	70,0	70,0
Шелковые ткани государственной промышленности Грузии и Азербайджана и промкооперации Средней Азии и ЗСФСР	100	75,4	75,4	75,4

до 1:1,5; по бельевой группе с 1:6 до 1:1,7; по одежной группе разрыв цен, составлявший в 1931 г. по отдельным товарам от 1:4 до 1:6, уменьшился в 1934 г. примерно до 1:1,3. Такое сближение цен нормального и коммерческого фонда несомненно облегчает и подготавливает процесс унификации цен по этим товарам.

Переход к единой цене означает установление одинаковой цены в государственно-кооперативной торговле на однородные товары одинакового качества, на данной территории. В этом смысле переход к единой цене не означает перехода к этикетной цене, под которой подразумевается указанная на этикетке товара розничная цена, одинаковая по уровню для всех торгующих организаций, одинаковая по всей территории СССР. Этикетные цены существуют в данное время по следующим товарам: махорка, табак, папиросы,

**Снижение розничных цен в ненормированной торговле
(по состоянию цен на 15/V 1935 г.)**

Наименование товаров	Размеры снижения цен в %	Наименование товаров	Размеры снижения цен в %
Хлеб ржаной	39,4	Мороженое	25,0
» пшеничный	48,0	Колбасные изделия и сви- нокопчености	15,9
Макароны	16,3	Рыба (парная, семга, лосо- сина)	до 40,0 ⁹
Крупа и бобовые	40,8	Консервы рыбные первого сорта	до 20,0 ¹
Геркулес и толокно	38,3	Картофель	20,0
Кофе, какао	до 22,0 ¹	Махорка	50,0
Кондитерские изделия	36,2	Нитки	14,3
Фрукты	38,0	Мыло хозяйственное	до 12,5
Масло животное	до 15,4 ²	Мыло туалетное	20,2
Молочно-кислые продукты:	18,0		
Молоко натуральное	35,8		
Сгущенное молоко	22,2		

Примечание. Помимо товаров, указанных в таблице, с 10/III 1935 г. были снижены коммерческие цены по ДВК: на масло животное на 20—25%, масло растительное—на 22%, сыр—на 7—24% и на некоторые другие товары.

чай, ученические тетради, электролампы, спички, хлебное вино. К условиям, определяющим возможность установления этикетной цены, одинаковой на всей территории Союза, в первую очередь относятся однородность и стандартность товара и относительно небольшой удельный вес в структуре цены транспортных и торговых расходов.

При унификации цен на хлебобудничные продукты решением правительства вся территория СССР была подразделена на восемь поясов по ценам на хлеб.

К первому поясу, с наиболее низкими ценами, по постановлению СНК отнесены хлопководческие районы Средней Азии, что необходимо для стимулирования производства хлопка и укрепления хлопководческого хозяйства. Наиболее высокие цены установлены для Дальневосточного края, поскольку завоз хлеба в этот край требует больших транспортных расходов, и где зарплата стоит на наиболее высоком по сравнению с другими районами уровне.

Установленная с 1 января 1935 г. единая цена на хлеб составляла в среднем 62,8% к коммерческой цене 1934 г., а по сравнению с уровнем коммерческих цен начала 1933 г. — 44%. Снижение цен на пшеницу составляло в начале 1935 г. от 52 до 30% по различным территориальным поясам Союза. Процесс унификации цен охватил и другие продовольственные и непродовольственные товары и значительно подвинулся вперед. В январе 1935 г. осуществлен переход к единой цене по кондитерским изделиям (со снижением на 40% против коммерческой цены); в марте 1935 г. завершена унификация цен по туалетному мылу; с 10 апреля проведена унификация цен на хлопчатобумажные нитки и ниточные изделия (со снижением цен против коммерческих на 15%); в мае 1935 г. осуществлена унификация цен на консервы (со снижением против коммерческих цен по отдельным сортам от 15 до 38%), а также на махорку (со снижением цен на 50% против коммерческих) и на шерстяные ткани. В июне осуществлена унификация цен на сыр, а с июля — по чаю и яйцам.

¹ По отдельным сортам.

² С 20/V 1935 г. по отдельным сортам и по поясам СССР.

⁹ Указано снижение коммерческих цен, произведенное в марте—апреле; с 13/V вся поступившая в продажу во втором квартале парная, а также рыба ледовой и мокрой морозки реализуется по нормальным ценам;

Таким образом процессом унификации цен охватывается все более широкий круг товаров.

Унификация цен осуществляется постепенно, поскольку при переходе к единой цене должен быть разрешен целый ряд сложных вопросов, должны быть обеспечены интересы как потребителя, так и интересы социалистического накопления.

IV

Какие новые моменты выдвигает унификация цен в характеристике советской цены, как одной из важнейших категорий советского хозяйства?

Если введение двойных цен в государственно-кооперативной торговле осуществлялось в обстановке систематического нарастания разрывов цен государственно-кооперативной и базарной торговли, то сейчас переход к единым ценам осуществляется в обстановке неуклонного сближения цен государственно-кооперативной и базарной торговли. Коренным образом изменился облик субъекта базарной торговли — сейчас это в основном колхозы и колхозники. Несмотря на отличие колхозных цен от цен государственно-кооперативной торговли, они являются советскими ценами, регулируются государством, располагающим в этих целях мощной системой рычагов. Уровень цен в открытой государственно-кооперативной торговле является, как правило, верхним лимитом для цен колхозной торговли. Последние, как правило, могут быть ниже цен открытой государственно-кооперативной торговли (с учетом различия в качестве товаров, в чистоте, в гарантии доброкачественности товара и т. д.), но ниюдь не выше их.

Поэтому переход к единой цене в государственно-кооперативной торговле означает по существу переход к единому уровню цен во всем народном хозяйстве.

Здесь находят отражение решающие успехи, достигнутые в деле ликвидации многоукладности советского хозяйства, победа социализма, решение проблемы «кто—кого» в городе и деревне, превращение социалистического уклада в безраздельно господствующую, единственно командующую силу во всем народном хозяйстве. Унификация цен безусловно повышает возможности воздействия через цены на производство, обращение и потребление. Переход к единой цене повышает роль цены как активного фактора воздействия на все элементы ценообразования, стимулирует снижение себестоимости и издержек обращения, повышение внутривидового и внутриторгового накопления и с этой стороны создает новые возможности для снижения цен. Унификация цен устраняет двойственность в учете труда, громоздкость и сложность планирования в производстве и особенно в товарообороте, укрепляет базу народнохозяйственного планирования, усиливает значение контроля рублем, этим самым открывая новый этап в борьбе за хозяйственный расчет. Отмена нормирования и унификация цен оздоровят взаимоотношения торговли и промышленности, укрепят систему хозрасчетных отношений между ними. Усилится давление потребления на товаропроводящую сеть, что в свою очередь будет стимулировать активизацию торгового аппарата. Это в частности нашло отражение в договорной кампании 1935 г. между промышленностью и торговыми организациями в смысле повышения ответственности промышленных предприятий за качество и ассортимент поставляемых товаров, усиления бракеража недоброка-

чественных и неполноценных товаров как в промышленных предприятиях, так и в торговых организациях, в усилении претензионной работы, связанной с невыполнением договоров поставщиками в части количества и качества и т. д.

Отмена нормирования и унификация цен резко поднимают роль цены в стимулировании повышения производительности труда, в реализации принципа оплаты по количеству и качеству труда, создают новые стимулы для производственных и торговых организаций к борьбе за всестороннее и дифференцированное обслуживание многообразных запросов потребителя, за повышение качества работы.

Отмена хлебных карточек оказала существенное влияние на взаимоотношения отдельных отраслей народного хозяйства с госбюджетом, поскольку отпускная и розничная цена на товары не должна была повыситься, несмотря на рост издержек производства в отдельных звеньях промышленности. Эта задача и разрешается в госбюджете на 1935 г.

Рост издержек производства в отдельных звеньях промышленности, связанный с отменой хлебных карточек и унификацией цен, как и все дополнительные расходы внутри обобщественного сектора, полностью перекрыт бюджетом как путем снижения налога с оборота, так и прямыми бюджетными ассигнованиями. Это нашло отражение в изменениях в структуре налога с оборота по отдельным отраслям промышленности в 1935 г. по сравнению с 1934 г. Так, по легкой промышленности в связи с ростом заготовительных цен на с.-х. сырье, увеличением зарплаты и стоимости гужа (поскольку это вызвано отменой хлебных карточек и отоваривания) произведено снижение ставок налога с оборота. Общая сумма налога с оборота по линии товаров производства Наркомлеглапрома, несмотря на общий рост продукции, уменьшилась с 3,9 млрд. руб. в 1934 г. до 2,4 млрд. руб. в 1935 г. В это же время налог с оборота по Комитету заготовок увеличился с 7,7 млрд. руб. (сумма налога с оборота в пайковой и коммерческой торговле хлебом в 1934 г.) до 24 млрд. руб. в 1935 г.

Останавливаясь на объяснении позиции в отношении налога с оборота по Комитету заготовок, по каковой статье наиболее ярко сказываются перераспределительные моменты внутри обобщественного сектора, вызванные унификацией хлебных цен, т. Гринько отмечает: «Такой рост налога с оборота по торговле хлебными продуктами объясняется тем, что, отменив карточки и отоваривание заготовок с.-х. сырья, мы пошли на установление единой цены на хлеб для всех без исключения как рыночных, так и вне рыночных потребителей. В соответствии с этим мы увеличили зарплату на 5,1 млрд. руб., т. е. несколько больше, чем было решено пленумом ЦК, повысили заготовительные цены на с.-х. сырье и оплату крестьянского гужа примерно на 3,9 млрд. руб., увеличили расходы по закрытым учреждениям и некоторые другие примерно на 1 млрд. руб. Кроме того мы покрыли промышленности дополнительную стоимость ее сырья, Наркомату обороны — возросшую стоимость поставок ему хлебных и фуражных продуктов, животноводческим совхозам — возросшую стоимость зерновых кормов и некоторые другие статьи, в общей сложности около 6 млрд. руб.

Таким образом все расчеты в процессе составления бюджета полностью подтвердили заявление т. Молотова на пленуме ЦК в ноябре 1934 г. о том, что мы не ставили своей задачей получение каких-либо дополнительных доходов от отмены хлебных карточек и установле-

ния единых поясных цен на хлеб, что вся эта операция проводится нами «так на так»¹.

Эти данные дают яркую иллюстрацию огромного влияния унификации цен на сдвиг в ценовых соотношениях внутри обобществленного хозяйства, на отражение этого влияния в госбюджете 1935 г. и на сложность задач, которые должны быть решены при унификации цен (в частности при предстоящей в дальнейшем унификации цен по таким важнейшим товарам, по которым еще сохраняется нормирование, как мясо, масло, сахар и некоторые другие).

Унификация цен имеет исключительно важное значение для укрепления советского рубля во всех его функциях, в особенности в функциях рубля как средства обращения, средства накопления, орудия контроля над мерой труда и мерой потребления, контроля над производством и обращением советских товаров. Вместе с тем унификация цен создает новые возможности для дальнейшего повышения покупательной силы советского рубля. «Политика повышения ценности нашего рубля, которую проводили партия и правительство, встречала препятствие, вытекавшее из карточной системы. Ликвидация карточек, развитие товарооборота и торговли ведет к решительному и быстрому укреплению ценности нашего рубля»².

Переход к единой цене означает переход к экономически более обоснованной (по сравнению с нормированной) цене, которая более полно учитывает уровень издержек производства и обращения, а также задачи социалистического накопления, перераспределения, учитывает состояние потребительского спроса, соотношение спроса и предложения и ряд других моментов. Единая цена обеспечит возможность широко развернуть культурную советскую торговлю и оказывать систематическое и решающее воздействие на уровень базарных цен в сторону их снижения, подрывает экономическую базу для развития спекуляции. Унификация цен открывает новые возможности в реализации поставленной во втором пятилетнем плане задачи снижения среднего уровня розничных цен на 35% по сравнению с 1933 г. и снижения в 3-4 раза цен базарно-колхозной торговли. Развитие колхозной торговли и движение цен в ней в первом полугодии 1935 г. показывают, что задача второй пятилетки о снижении базарных цен в 3-4 раза (в 1937 г. по сравнению с 1933 г.) может быть выполнена не только полностью, но и досрочно. Необходимо иметь в виду, что тот уровень, на котором осуществляется унификация цен, не является застывшим и неизменным. Так, в отношении хлеба т. Молотов в докладе на ноябрьском пленуме отмечал, что уровень единой цены будет в дальнейшем понижаться — «дорогу к снижению цен укажет установление единой государственной цены на хлеб, муку, крупу». «Можно также не сомневаться в том, что мы получим возможность и дальнейшего снижения цен, устанавливаемых теперь на хлеб, муку, крупу» (разрядка моя. — Г. Н.).

В новых условиях создаются также прочные предпосылки для дальнейшего снижения цен и на промышленные товары, по которым, «поскольку дело идет о коммерческих и рыночных ценах, мы безусловно будем иметь снижение цен» (Молотов).

Резолюция ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК подчеркивает значение унификации цен для дальнейшего роста материального уровня

¹ Из доклада т. Гринько на I сессии ЦИК СССР 7 февраля 1935 г., „Известия“ от 9/11 1935 г.

² Каганович, из доклада на московском активе об итогах ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК.

трудящихся города и деревни. «Ликвидация карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам и повсеместный переход к широкой хлебной торговле по единым твердым государственным ценам, а также безусловная возможность в дальнейшем дополнительного снижения этих цен и вместе с тем снижения цен на промышленные товары создают благоприятные условия для дальнейшего роста благосостояния рабочих и крестьянских масс».

Таким образом с унификацией цен создается твердая база для дальнейшего снижения цен как на продовольственные, так и на промышленные товары.

Процесс снижения уровня единой цены по продовольственным товарам начался. Так, уже в 1935 г. дважды произведено снижение унифицированных цен на крупу, в июне 1935 г. понижен уровень единой цены на муку, с июля снижен уровень единых цен на хлебофураж. В дальнейшем возможности снижения уровня единой цены на продовольственные товары несомненно возрастут, и процесс этот пойдет в более интенсивных темпах.

Намеченное в плане второй пятилетки снижение цен в государственно-кооперативной торговле опирается на запроектированное во втором пятилетнем плане повышение качественных показателей промышленности, на снижение издержек производства и издержек обращения. Поэтому реализация такой важнейшей задачи второй пятилетки, как снижение розничных цен, требует объединенных усилий всех участков народного хозяйства — и промышленности и торговли.

Переход к единой цене связан с изменениями соотношения цен между отдельными товарами и товарными группами, которые сложились в условиях системы двойных цен. Самое снижение цен не может осуществляться механически в одинаковой мере по всем товарам и товарным группам. Снижение цен по отдельным товарам требует тщательного анализа всех элементов ценообразования и должно осуществляться с учетом движения себестоимости производства, интересов социалистического накопления, степени насыщенности рынка тем или иным товаром, соотношения спроса и предложения и т. д.

К вопросу о равномерном размещении производительных сил

Для анализа процесса освобождения промышленности от местных границ очень важное значение имеет знаменитое высказывание Энгельса по поводу открытия М. Дебре передачи электроэнергии на большие расстояния. «И новейшее открытие Дебре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей силы могут передаваться по простой телеграфной проволоке... и быть примененными на конечном пункте — дело это находится еще в зародыше, — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно»¹.

Центральным пунктом этого высказывания является положение о том, что развитие электрификации (одним из важнейших моментов которой выступает рост дальних передач электроэнергии) есть важнейший фактор освобождения производства от местных границ.

Отсюда нельзя еще делать вывода о том, что электрификация (и в частности развитие дальних передач электроэнергии) является непосредственным источником равномерного размещения производства. Необходимо четко разграничить два процесса: освобождение от местных границ и равномерное размещение производства. Первый процесс является одним из выражений роста производительной силы труда. Освобождение от местных границ знаменует собой ослабление зависимости производства от естественных, не поддающихся воздействию человека сил. Иными словами, этот процесс выражает усиливающуюся власть человека над природой, растущую возможность выбора большего количества пунктов для размещения одного и того же производства, усиление свободы маневрирования при решении практических проблем размещения.

Будучи неразрывно связана с развитием крупной промышленности, тенденция к освобождению от местных границ выступает на весьма ранних ступенях развития капитализма.

Было бы ошибочно считать, что только развитие производства и транспорта электроэнергии освобождает производство от местных границ. Энгельс в «Анти-Дюринге» подчеркивает огромную роль паровой техники в развитии этого процесса. «Научив нас преобразовывать в технических целях молекулярное движение, которое можно получить более или менее везде, в движение масс, крупная промышленность в значительной мере освободила производство от местных рамок. Сила воды была связана с местом, сила пара — свободна. Если

¹ «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1, стр. 342, изд. 3-е, 1930 г.

сила воды, находящейся в деревне, неизбежно связана с нею, то сила пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капиталистическое применение концентрирует ее предпочтительно в городах и преобразует фабричные села в фабричные города»¹.

До введения паровой машины одним из важнейших источников двигательной силы была гидравлическая энергия. Пищевая, металлообрабатывающая, бумажная, лесопильная, металлургическая, отчасти текстильная промышленность широко использовали водную энергию. В связи с этим размещение промышленности в XVII и XVIII вв. в значительной мере зависело от размещения источников гидравлической энергии.

Из этого нельзя сделать вывода о том, что в эту эпоху энергетический фактор играл определяющую роль в размещении производства. При слабом развитии транспорта производство могло развиваться в более значительных размерах лишь в тех пунктах, где существовало благоприятное сочетание различных сырьевых материалов, необходимых для данного производства. Так например металлургия могла развиваться в районах нахождения руд, топлива и водной энергии, лесопильная — в районах нахождения лесов и водной энергии и т. д. Необходимость обязательного сочетания разных сырьевых и энергетических ресурсов в одном пункте крайне ограничивала возможности свободного размещения промышленности. В этих условиях весьма трудно дифференцировать влияние отдельных естественных условий на размещение производства и устанавливать примат энергетического фактора.

Развитие паровой техники означало целый переворот в технических условиях размещения, ибо оно заменило нетранспортабельный энергетический ресурс (водную энергию) транспортабельным (топливом). Иными словами, развитие паровой техники создает возможность пространственного отрыва промышленности от местонахождения естественных энергетических ресурсов.

Наличие последних в том или ином пункте перестает быть обязательным условием развития промышленности в этом пункте. При наличии паровой техники освобождение от местных границ происходит еще в довольно узких рамках в отношении отраслей, являющихся большими потребителями топлива, ибо паровая техника связана с потреблением высококалорийного топлива, которое имеется лишь в ограниченном числе районов, паровая техника не допускает дальних передач механической энергии.

Переход от паровой техники к электрической означает значительное усиление процесса освобождения от местных границ. С известным основанием можно утверждать, что развитие электрификации придает этому процессу наиболее законченную, наиболее завершенную форму. Недаром Энгельс в приведенной выше цитате об открытии Дебре подчеркивает, что дальняя передача энергии «окончательно (разр. моя. — *И. В.*) освобождает промышленность почти от всех (разр. моя. — *И. В.*) местных границ».

Из сказанного ясно, что нельзя отождествлять процесс освобождения от местных границ и процесс равномерного размещения производства. Процесс освобождения от местных границ развивается уже в недрах капитализма, начиная с развития паровой техники, т. е. с конца XVIII столетия. Этот процесс получает весьма развитые формы при капитализме на базе электрификации и в частности на базе дальних передач электроэнергии.

¹ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 281, 1931 г.

Этот процесс имеет разную экономическую природу в капиталистической и социалистической экономике. Для лучшего уяснения данного вопроса необходимо учесть, что освобождение от местных границ есть экономический процесс. Последний выражает не только технические сдвиги, не только техническую возможность размещения данного предприятия в разных пунктах. Освобождение от местных границ прежде всего выражает рост экономической возможности выбора разных вариантов размещения, рост числа вариантов размещения, которые являются экономически выгодными, целесообразными при данном способе производства. Но сам критерий экономической выгоды, целесообразности, эффективности различен для разных способов производства. В связи с этим освобождение от местных границ имеет качественно иную природу при капитализме, нежели в нашей экономике.

При капитализме критерием экономической целесообразности является высота прибыли, получаемой капиталистом. Капиталистическое размещение подчиняется принципу наибольшей прибыли. Отдельные предприятия размещаются в тех пунктах, которые обеспечивают более высокую прибыль. Но этот принцип размещения, вытекающий из того, что законом движения капитализма является закон прибавочной стоимости, не может не вступать в противоречие с требованиями рационального и равномерного размещения. Высота прибыли находится в зависимости от капиталистических издержек производства (равных $c+v$), которые не совпадают с действительными издержками производства (равными стоимости). В связи с этим освобождение от местных границ при капитализме проявляется прежде всего в усилении возможности размещения предприятий в районах с низкой заработной платой, с отсталым рабочим движением, т. е. в районах, допускающих большие возможности эксплуатации рабочих, хотя действительные издержки производства в этих районах могут быть более высокие. Далее, капиталистические издержки для отдельного предприятия, как правило, не совпадают с действительной стоимостью потребленного в производстве постоянного и переменного капитала. Местные расхождения между стоимостью и ценой отдельных элементов постоянного капитала закрепляются таможенной, железнодорожнотарифной, налоговой политикой и т. д. В связи с этим при капитализме весьма часто является рентабельным размещать предприятия в тех районах, где действительные издержки производства являются весьма высокими. Получается своеобразная «свобода» от местных границ, связанная с отклонениями цены от стоимости, с воздействием экономической политики. Этот процесс особенно усиливается в эпоху империализма, когда монополии пытаются использовать все имеющиеся в их распоряжении методы (в частности воздействие государства) для установления размещения, наиболее соответствующего их интересам.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма» (Ленин). Размещение при капитализме неизбежно осуществляется как неравномерное размещение. Это прежде всего проявляется в неравномерном развитии, в неравномерной индустриализации отдельных районов. Эта неравномерность проявляется в пространственном отрыве перерабатывающей промышленности от пунктов добычи сырья и топлива. Эта неравномерность проявляется также в неравномерном размещении внутри отдельных районов, в усилении противоположности между городом и деревней. При капитализме каждый новый район неизбежно выступает как антаго-

нист старых районов. Развитие отдельных районов сопровождается непрерывной борьбой их друг с другом. Освоение нового района всегда связано с большими капитальными затратами, которые окупаются в течение длительного срока. Это обстоятельство в условиях капитализма усиливает экономические позиции старых районов. Индустриализация новых районов и стран развивается достаточно быстро только тогда, когда последние опираются на собственные мощные капиталы, имеющие достаточную самостоятельность. На различных этапах капитализма качественное изменение неравномерности развития получает свое выражение и в характере неравномерности размещения.

Необходимо отметить, что в капиталистических условиях процесс освобождения от местных границ в огромной мере усиливает неравномерность размещения производства. Это можно проследить по ряду линий. Так, развитие транспорта позволяет пространственно отрывать переработку сырья от добычи последнего. Развитие узкой односторонней специализации колониальных и полуколониальных стран, превращение целого ряда стран в аграрные и сырьевые придатки метрополией стало возможным только на базе освобождения от местных границ, на базе усиливающихся возможностей концентрированной переработки дальнопривозного сырья. На этой же базе значительно усиливается дифференциация аграрных и промышленных районов внутри одной и той же страны.

Развитие дальних передач электроэнергии становится орудием усиления энергетической зависимости одних стран от других. На этой почве обостряется борьба между отдельными странами, усиливается неравномерность развития отдельных стран. Электроэнергия становится объектом демпинга. Так, при средней продажной цене энергии в юго-западной пограничной полосе Германии в 3 пф. за киловаттчас электрический ток передавался из тех же районов за границу по 2 пф. за киловаттчас. Наряду с развитием электрического демпинга мы имеем и развитие электрического протекционизма. Так, накануне современного экономического кризиса Франция и Италия обложили высокой, по существу запретительной, пошлиной дешевую электроэнергию, передаваемую в эти страны из Швейцарии.

Тенденция к освобождению от местных границ позволяет экономически более сильным странам, районам и предприятиям тормозить развитие производства у своих конкурентов, хотя бы последние располагались в более благоприятных естественных условиях. Без учета этого процесса нельзя было бы объяснить живучесть и сопротивляемость старых капиталистических районов, располагающих большими капиталами и являющихся весьма часто опорными базами крупнейших капиталистических монополий. Недостающие сырьевые и энергетические ресурсы старые районы заменяют привозными. С другой стороны, быстрое выдвижение в эпоху империализма новых стран и районов становится возможным на основе того, что современная техника облегчает отдельным районам при помощи разных методов восполнение тех сырьевых ресурсов, которые отсутствуют в этих районах (например путем производства синтетического сырья, использования разных отходов, привлечения к производству совершенно нового сырья и т. д.).

Последнее обстоятельство (создание новых промышленных районов в связи с растущим процессом освобождения от местных границ) дало повод многим буржуазным экономистам для утверждений о том, что основной тенденцией современного капиталистического размещения является тенденция к более равномерному размещению. Наиболее вы-

пукло эта точка зрения выражена у Торпа: «Мы располагаем еще одним лишним свидетельством постепенного, более равномерного распределения промышленности. Во-первых, за это время развилось производство в отсталых районах и происходило снижение производства в очень развитых районах. Во-вторых, происходило развитие производства в сельских местностях и снижалась роль городов. И, в-третьих, произошло крушение локальной концентрации в исторических для данных отраслей центрах. Очень вероятно, что все эти процессы означают более эффективное производство. В самом деле, перемены приводят к значительным сбережениям в стоимости перевозок, к ускорению погрузок. Кроме того такое развитие влечет за собой уничтожение зависимости районов от одного типа производственной деятельности. Разнообразие видов производства означает менее резкие депрессии и более интенсивный подъем конъюнктуры»¹. Приблизительно такую же формулировку равномерного размещения промышленности при капитализме мы встречаем у Эдгара Салина², Ричля³, Шумахера⁴ и др.

В приведенной выше цитате из работ Торпа очень ярко выступает апологетическая сущность этой концепции. Торп связывает этот процесс фиктивного усиления равномерности размещения с изменением цикла, с ослаблением депрессии, с улучшением положения рабочих и т. д. Для Торпа и др. характерен крайне упрощенный подход к проблеме равномерного размещения. Равномерность ими усматривается в увеличении количества индустриальных районов, в большей территориальной разбросанности предприятий отдельных отраслей. Очевидно, что тут выхолащиваются все специфические особенности индустриального развития, связанные с капиталистическими производственными отношениями.

При такой сплошной постановке под общей маской индустриального развития смазывается дифференциация в развитии отдельных районов. Наиболее ведущие и ответственные отрасли (металлургия, машиностроение) концентрируются лишь в определенных районах. В других районах промышленное развитие получает весьма односторонний и неполный характер. Торп иллюстрирует равномерность капиталистического размещения на примере перемещения текстильной промышленности на юг США. Сам этот пример является весьма характерным по двум основаниям. С одной стороны, одной из предпосылок для этого перемещения на юг является процесс освобождения от местных границ, в частности на базе развития электрификации. В новой Англии (т. е. в старых текстильных районах США) текстильные фабрики первоначально строились в районе гидравлических установок. Текстильные фабрики скоро переросли масштабы этих гидравлических установок. С развитием паровой техники текстильные фабрики переходят в угольные районы. Предел, исследовавший процесс передвижения текстильной промышленности США на юг, указывает, что в настоящее время, когда исключительная роль угля ослаблена вследствие развития электрификации и нефтяной промышленности, в США нет ни одного района, в котором развитие текстильной про-

¹ Сборник «Новейшие изменения в экономике САСШ», т. I, стр. 293.

² Статья «Strukturverschiebungen der deutschen Wirtschaft» в сборнике «Strukturwandlungen der deutschen Wirtschaft», 1928, S. 103—104 (в частности о роли электрификации).

³ Статья «Reine und historische Dynamik des Standortes der Erzeugungszweige», «Schmollers Jahrbuch», 1927, 6 Heft, S. 43.

⁴ Статья «Die Wandlungen der Grossindustrie in Deutschland und in der Vereinigten Staaten», «Schmollers Jahrbuch», 1910.

мышленности могло бы быть затруднено вследствие неблагоприятного положения с энергетическими ресурсами.

В частности на юге США текстильные фабрики в большинстве случаев питаются электроэнергией из высоковольтной сети (между тем в Новой Англии обычно фабрики имеют свои установки). Широкое развитие дальних передач электроэнергии на юге США, имеющем обширные площади под посевами хлопка и богатом гидравлическими ресурсами, позволило создать там множество текстильных фабрик в маленьких городах и селах¹. Это позволило фабрикантам юга вовлечь в эксплуатацию наиболее темную, забитую и отсталую часть населения. Здесь выступает перед нами новая сторона, ярко иллюстрирующая особенности капиталистической «равномерности» размещения. Текстильный капитал направляется на юг США не для того, чтобы поднять индустриальный уровень этих районов, а для того, чтобы использовать отсталость этих районов в целях получения большей прибавочной стоимости. Основная ставка делается на нищенскую зарплату, на неорганизованность, отсталость негров и так называемых «белых бедняков», на трудности вовлечения их в стачечную борьбу, на неразвитость рабочего движения в этих районах и т. д.

Аналогичные примеры можно привести и из других стран. Ориентация на вовлечение в эксплуатацию наиболее отсталых слоев рабочих объясняет переход некоторых отраслей, например конфекционной, из крупных центров (например Берлин) в окружающие сельские районы (например Браденбург) или шелковой промышленности из Лиона в мелкие города и деревни². Этим и объясняется, что капиталисты часто строят машиностроительные заводы, не считаясь с транспортными расходами на перевозку металла, в районах нахождения более дешевой и отсталой рабочей силы и поэтому очень часто выбирают сельскую местность³. Эти примеры на первый взгляд как будто говорят о процессе сглаживания противоположности между индустриальными и аграрными районами. В действительности основанием и движущим стимулом для капиталистов направлять свои капиталы именно в эти аграрные районы является культурная, хозяйственная и политическая отсталость последних. Само капиталистическое развитие аграрных районов осуществляется в таких формах, которые должны закрепить надолго эту отсталость.

Тенденция освобождения производства от местных границ осуществляется и при капитализме и при социализме, но в разных общественно-экономических формациях она имеет иную природу и в связи с этим играет разную роль. При капитализме эта тенденция является экономической предпосылкой усиления и обострения неравномерности размещения, при социализме эта тенденция является предпосылкой равномерного размещения производства, ибо равномерность размещения производства есть социалистический принцип производства, обусловленный социалистическими производственными отношениями. В связи с этим и роль электрификации в размещении выступает в разном свете при господстве разных способов производства. Только при господстве социалистических производственных отношений электрификация становится важнейшим техническим фактором равномерного размещения производства.

¹ P r e d ö h l, Die Südwanderung der amerikanischen Baumwollindustrie, «Weltwirtschaftliches Archiv», Band 29, Heft I, S. 108.

² K a r l W e g n e r, Die Arbeitsorientierung als Standortfaktor, «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik».

³ R o s e h r, Die Standort der eisenverarbeitenden Industrie am Oberrhein, 1912, S. 27.

Это различие вытекает из того, что социалистическое размещение подчиняется совершенно иным законам, нежели капиталистическое размещение. Основным законом движения в нашей экономике является диктатура пролетариата, ставящая своей задачей построение социалистического общества. В связи с этим социалистическое размещение является плановым размещением, оно подчинено задачам наибольшего роста и укрепления социалистического сектора. Это основной принцип социалистического размещения. Но последний конкретизируется в ряде производных принципов. Среди последних одним из важнейших является принцип равномерного размещения промышленности по стране. Этот принцип выражает линию на ликвидацию отсталости национальных районов, на ликвидацию и отсталости и отставания сельского хозяйства, на создание пролетарского стержня на базе индустриализации в наиболее отсталых районах. Тов. Сталин подчеркнул огромное политическое значение равномерного размещения: «Создать промышленные очаги в советских республиках Востока, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса. Вы знаете, что это дело уже начато, и оно будет идти вперед по мере хозяйственного роста Советского союза. Наличие разного рода сырья, имеющегося в этих республиках, является порукой тому, что дело это со временем будет доведено до конца»¹. Интересы укрепления социалистического хозяйства требуют подведения мощной материальной базы под социалистические производственные отношения во всех районах, во всех частях Союза. Решение этой задачи невозможно без развернутой всесторонней индустриализации всех районов, без превращения сельского хозяйства в отрасль индустрии, без ликвидации противоположности между городом и деревней.

Равномерное размещение органически связано с требованием рационального размещения, т. е. такого размещения, которое обеспечивает наилучшее использование производительных сил, наибольший народнохозяйственный эффект. Принцип рационального размещения не всегда на первых порах совпадает с принципом минимальных издержек производства. Необходимо учитывать, что освоение новых районов может быть связано с такими затратами, которые в первое время приводят к росту издержек производства в новых районах. Но в конечном счете рациональное размещение производства, обеспечивая наиболее экономные формы использования естественных ресурсов, должно привести к наибольшему снижению издержек производства. Одной из важнейших форм рационального размещения является приближение промышленности к сырью. Ленин в своем «Наброске плана научно-технических работ» указывает, что в план экономического подъема страны должно входить «рациональное размещение промышленности с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта»².

Равномерное размещение требует развития отдельных районов в таких формах, которые обеспечивают наиболее эффективное использование производительных сил этих районов.

Равномерное размещение предполагает и включает в себя моменты производственной специализации отдельных районов. Конкретный характер специализации последних определяется рядом условий, среди которых весьма важную роль играют особенности сырьевой базы.

¹ «Вопросы ленинизма», стр. 167, 1930 г.

² Ленин И., собр. соч., т. XXII стр. 434.

Комплексная переработка местного сырья составляет основную ось, важнейшее звено тех производств, которые создаются в отдельных районах. Требования приближения к сырью неизбежно совпадают в основном с интересами равномерного размещения, ибо последнее прежде всего осуществляется на основе создания ряда новых сырьевых баз, широко разбросанных по территории страны. В действительности последовательное осуществление принципа приближения промышленности к сырью сообщает качественную определенность равномерному размещению, придает известные конкретные формы последнему. Равномерное размещение выступает прежде всего как равномерное использование (в смысле общего технического и экономического уровня) сырьевых баз, равномерно размещенных по стране¹.

Рост освобождения от местных границ создает материальные предпосылки для разрешения проблем размещения на основе учета не отдельных естественных условий (например местонахождения сырья, топлива), а всего комплекса условий, которые имеют значение для социалистической экономики. Поэтому не может быть и речи о наличии у нас какой-то транспортной, сырьевой, энергетической, «рабочей» ориентации и т. д. В основе этих «теорий» лежит не только непонимание того, что все вопросы социалистического размещения могут быть разрешены лишь на основе единого критерия которому подчиняется все — интересов социалистического строительства, — но и непонимание значимости технического развития. Последнее освобождает размещение производства от принудительной привязанности к одному преобладающему фактору, например к сырью, энергии, рабочей силе и т. д.

Освобождение от местных границ является итогом всех сдвигов, происходящих в области производительных сил. Энгельс в «Анти-Дюринге» подчеркивает значение для этого процесса растущей квалификации рабочего класса: «Капиталистическая промышленность уже стала относительно независимой от тесных рамок, в которых находится местное производство необходимых для нее сырых продуктов... Освобожденное от пут капиталистического производства, общество сможет пойти еще дальше в этом направлении. Порождая новое поколение всесторонне развитых производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и изучающих практически, каждый в отдельности, весь ряд отраслей производства от начала до конца, оно может создать новую производительную силу, которая с избытком покроет расход по перевозке из самых отдаленных пунктов сырья и горючих материалов»².

Наряду со сдвигами, происходящими в отношении главной производительной силы — рабочего класса, — на освобождение от местных границ оказывают крупнейшее влияние сдвиги, происходящие в области техники. На размещение особое влияние оказывают сдвиги, происходящие в трех направлениях: в области сырьевой базы, методов переработки сырья и условий транспортирования сырья, полу-

¹ Весьма отчетливо взаимосвязь принципов равномерного размещения производства и приближения к сырью сформулирована в резолюции X съезда ВКП (б) по докладу т. Сталина о национальном вопросе: «...Первой задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех областях общественной и хозяйственной жизни и прежде всего планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизстан, Кавказ — текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.)». Перенос фабрик к источникам сырья рассматривается как средство планомерного насаждения промышленности на окраинах и ликвидации всех остатков национального неравенства.

² Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 282, изд. 1931 г.

фабрикатов и готовых продуктов. Поскольку процесс освобождения от местных границ имеет в социалистической экономике иную природу, нежели при капитализме, постольку относительная роль и влияние отдельных технических моментов, воздействующих на освобождение от местных границ, различны для разных способов производства. В условиях социалистической экономики, для которой характерно господство принципа приближения промышленности к сырью, важнейшим техническим фактором освобождения от местных границ являются сдвиги в сырьевой базе общества, которые ведут к расширению географических рамок таковой. Последнее выражается в том, что сырье (под сырьем мы понимаем всякий предмет труда, включая и топливо) для отдельных производств начинает получаться в новых районах, в которых оно прежде или вовсе не получалось или не использовалось.

Географическое расширение рамок сырьевой базы осуществляется прежде всего на основе развертывания геологоразведочных работ, приводящих к значительному увеличению запасов разведанных естественных ресурсов. Те огромные достижения, которые имеются в этой области в СССР, являются яркой иллюстрацией совершенно исключительной роли этого момента. Так например увеличение за первую пятилетку разведанных каменноугольных запасов почти вдвое (с 550 млн. т до 1 млрд. т) является условием развития во второй пятилетке ряда новых каменноугольных районов: Караганды, Печоры, районов Дальнего Востока (Бурея) и т. д. С повышением разведанных запасов железной руды за первую пятилетку в 4 с лишним раза (с 450 млн. т до 1900 млн. т в 1932 г.) созданы предпосылки для крупных изменений в размещении черной металлургии и т. д. Число этих иллюстраций можно значительно увеличить. Другим методом расширения географических рамок сырьевой базы является непосредственное создание сырья в новых районах, в которых оно прежде отсутствовало. Это имеет место в отношении органического сырья. Так, развитие агротехники делает возможным перенос культур многих растений в новые районы, развитие зоотехники вызывает такие же сдвиги в области животноводства. В результате получается значительно более широкое географическое распространение разных видов растений и животных. Это придает органической сырьевой базе более повсеместный характер, усиливает растительные и животные ресурсы районов, находящихся в менее благоприятных климатических условиях, усиливает возможности равномерного размещения легкой (например текстильной, кожевенной и др.) и пищевой (например сахарной) промышленности.

Указанные выше методы расширения географических рамок сырьевой базы отдельных производств связаны с новыми условиями получения сырья. Наряду с этим указанные рамки расширяются и в связи с новыми методами переработки сырья. Это прежде всего проявляется в промышленном использовании совершенно новых видов сырья, которые прежде вовсе или почти не подвергались промышленной переработке. Здесь прежде всего следует отметить низкосортное сырье, которое в силу своей засоренности и частично благодаря своей более сложной структуре требует иных методов переработки, нежели стандартное сырье. Одной из наиболее ярких иллюстраций этого процесса является использование низкосортного топлива (например подмосковного угля, челябинского угля, сланцев, торфа и т. д.), которое выражает создание ряда новых энергетических баз и тем самым предпосылок для развития новых районов. Вовлечение в промышленную

переработку этих видов сырья означает огромное расширение сырьевой базы общества и материальную предпосылку более равномерного размещения.

Специфическую роль в расширении географических рамок сырьевой базы играет промышленное использование отходов или вторичных сырьевых ресурсов. Это позволяет создать новые сырьевые базы для ряда отраслей. Так, использование водорода коксовых газов методом глубокого охлаждения означает создание новых условий размещения азотной промышленности. С использованием обжиговых газов, содержащих сернистый ангидрид, серноокислотная промышленность получает новую сырьевую базу. Общий итог всех этих процессов состоит в том, что разные отрасли получают большее количество сырьевых баз, находящихся в разных пунктах; с другой стороны, тенденция к переходу от узколокальных видов сырья к более широко распространенным означает возможности использования богатых сырьевых ресурсов во всех районах.

Выше мы показали, что новые методы переработки расширяют круг сырьевых материалов, которые могут быть потреблены в отдельных производствах. Наряду с этим следует отметить, что новые методы переработки, дающие возможность более полного и комплексного использования сырья, увеличивают транспортабельность сырья и тем самым в ряде случаев создают экономические предпосылки для переработки данного сырья в другом пункте, вдали от его местонахождения. Необходимо отметить, что грань между высокосортным и низкосортным сырьем является весьма подвижной. Эта грань определяется господствующими техническими методами переработки данного сырья.

Переход к более глубоким методам переработки, промышленное использование отходов вносят радикальное изменение в существующее положение. Так например некоторые бурые угли, представляющие значительно меньшую энергетическую ценность по сравнению с каменным углем, являются часто более ценным сырьем для химических производств, например для газификации и т. д. В связи с этими сдвигами в характере использования низкосортного сырья меняется и радиус возможного использования последнего. Обычно низкосортное сырье определяют как местное сырье. Этим подчеркивается, что низкосортное сырье имеет местное значение в силу своей нетранспортабельности. Более полное (и в частности более комплексное) использование сырья делает и эту грань подвижной, позволяя «местное» сырье превращать в сырье не только местного значения. Конечно различие между радиусами использования отдельных видов сырья остается в зависимости от особенностей этих видов, ценности продукции, которая может быть получена из них, и т. д. Но общая тенденция технического развития состоит в раздвигании радиусов экономически целесообразного использования для всех видов сырья.

Эта тенденция, выражающая другую сторону процесса освобождения от местных границ, дополняет первую сторону этого процесса, выражающуюся в географическом расширении рамок сырьевой базы. Использование целого ряда новых видов сырья (в особенности тех, которые имеют более сложный химический состав, в частности низкосортных видов) обычно требует комплексного использования сырья. Развитие последнего связано с созданием сложного комплекса производств, из которых одни представляют непосредственную форму переработки данного сырья, а другие являются дополняющими производствами, снабжающими основное производство вспомогательными

материалами. Развитие комплексного использования требует включения в комбинат некоторых производств, которые базируются на привозном сырье. Реализация методов комплексного и более полного использования сырья повышает транспортабельность сырья, снижая потери в весе при переработке. Это делает целесообразным в некоторых случаях организацию переработки сырья не в месте нахождения последнего.

Возможности использования в комбинатах привозного сырья (а тем самым формы переработки и местного сырья) в огромной степени зависят от транспортабельности последнего. Эта транспортабельность в значительной мере зависит от методов переработки сырья (от процента потерь на неиспользуемые отходы), но прежде всего и раньше всего она зависит от развития транспорта во всех его многообразных формах (включая не только железнодорожный и водный транспорт, но и всякие специальные виды, как нефтепроводы, продуктопроводы, газопроводы, электронный транспорт и т. д.). Создание более мощного транспорта, облегчающего массовые перевозки, удешевление перевозок, ускорение перевозок, лучшая подготовка груза к перевозке (например улучшение упаковки, создание специальных мер для сохранения доброкачественности скоропортящихся товаров при помощи холодильников и т. д.) — вся эта система методов снижает транспортные издержки, облегчает свободный выбор размещения производства, освобождает от обязательной привязанности производства к естественным ресурсам, делает возможным большее маневрирование в смысле выбора разных пунктов размещения, разных методов переработки, разных масштабов производства.

Наряду с указанными выше моментами, обуславливающими развертывание процесса освобождения от местных границ (рост квалификации рабочих, технические сдвиги в направлении расширения сырьевой базы, изменение методов переработки сырья и условий транспортировки продуктов), следует отметить влияние третьего момента, выражающегося в росте обобществления труда, в росте концентрации производства, комбинирования и специализации. Все эти процессы, выражающие рост обобществления, с одной стороны, усиливают освобождение от местных границ, а с другой стороны, сообщают этому процессу некоторые новые особенности.

На первый взгляд рост концентрации производства влияет в противоположном направлении, не способствуя равномерному размещению производства, а задерживая последнее. Укрупнение предприятий при сохранении прежних масштабов производства в данной отрасли связано с уменьшением общего числа предприятий. Тем самым как будто бы затрудняется более широкое распространение данного производства в разных районах. Рост пространственной концентрации означает большое сгущение производства в отдельных пунктах и тем самым затрудняет более равномерное размещение производств по всей территории. Рост концентрации производства усиливает требования к концентрации сырья, т. е. к тому, чтобы сырьевые ресурсы в определенном пункте оказались достаточно мощными для развертывания крупного предприятия. Вследствие этого значение ряда местных ресурсов как будто снижается в связи с их недостаточными масштабами. Огромное потребление некоторых повсеместных элементов производства (например воды) превращает условия снабжения этими элементами в лимит развертывания производств в ряде пунктов. Получается вследствие этого, что техническое развитие как будто бы оказывает двойственное и в известной мере противоречивое влияние на

равномерное размещение: с одной стороны, последнее базируется на этом техническом развитии, с другой стороны, оно задерживается через усиление концентрационных процессов в своем росте.

Такое представление является неправильным. Рост концентрации производства является необходимым условием развития всех моментов, определяющих процесс освобождения от местных границ. Как правило, местное низкосортное сырье требует для экономически рентабельной переработки наличия более крупных предприятий, нежели высокосортное сырье. Комплексное использование сырья как более сложная форма использования может быть реализовано лишь в более крупных предприятиях. Концентрация производства связана с укрупнением перевозок. Это создает предпосылки для усовершенствования транспорта, для создания транспорта, приспособленного к массовым перевозкам (сверхмагистраль, электрифицированные железные дороги и т. д.), что в свою очередь должно способствовать снижению транспортных издержек. Рост концентрации производства является совершенно необходимым моментом равномерного размещения производства. Последнее состоит не только в том, что увеличивается количество предприятий в разных районах. Равномерность размещения предполагает и осуществление высокого технического уровня в разных районах. А одним из важнейших условий высокого технического уровня является высокий уровень концентрации производства. Создание множества карликовых предприятий на основе деконцентрации производства не означало бы подлинного равномерного размещения, хотя бы эти предприятия были разбросаны по всей территории страны. Ибо такое размещение было бы формой не роста производительных сил, а их снижения, оно выражало бы техническую деградацию. Оно выражало бы нивелировку не на основе подтягивания отсталых районов к передовым, а на основе приближения передовых районов к техническому уровню отсталых районов.

При разрешении практических вопросов размещения поэтому необходимо учитывать и интересы внедрения данных производств в большем количестве районов и интересы создания достаточно мощных предприятий. Противоречие между этими двумя задачами оказывается неразрешимым лишь в условиях простого воспроизводства. Расширение масштабов общественного производства в условиях социалистической экономики легко разрешает это противоречие, поскольку одновременно разворачиваются и процесс увеличения числа предприятий и процесс укрупнения отдельных предприятий. Поэтому оба процесса разворачиваются одновременно, хотя в известной мере они ограничивают друг друга. С одной стороны, необходимость создания мощных предприятий ограничивает рост числа предприятий и тем самым рост числа районов, в которых могут быть созданы новые предприятия данной отрасли. С другой стороны, необходимость более равномерного размещения данного производства ограничивает масштабы чрезмерной концентрации (конечно в тех рамках, которые обеспечивают достаточно высокий уровень производительности труда). На эту сторону обратил внимание т. Молотов в своем докладе на XVII партсъезде: «Концентрацию промышленности нельзя смешивать с болезнью, именуемой «гигантоманией» в строительстве. Особенно об этом необходимо помнить теперь, когда одной из важнейших задач нового строительства является развертывание промышленности в новых районах, создание промышленных предприятий в малопромышленных областях и приближение промышленности к источникам сырья и топлива. Исходя из этого, мы признали например необходи-

мым развертывать строительство не одного-двух новых автозаводов, а четырех автозаводов в разных областях СССР».

Концентрация производства является одним из моментов рационального размещения, поскольку она обеспечивает более эффективное использование производительных сил. Ленин в своей заметке «О плане научно-технических работ» наряду с требованием приближения промышленности к сырью указывает на необходимость осуществлять «рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях». Но концентрация производства является лишь одним из моментов рационального развития и размещения производства, а не самодовлеющим принципом. Поэтому вопрос о масштабах отдельных предприятий не может быть решен на основе учета лишь динамики издержек производства данного предприятия. Этот вопрос требует учета всего народнохозяйственного плана, интересов развития всего народного хозяйства, в том числе и требования осуществления равномерного размещения. «Оптимальный размер» отдельного предприятия определяется всей совокупностью интересов социалистической экономики, а не только данного предприятия. Отсюда вытекает указанный выше вывод, что концентрация производства, выступающая как момент, усиливающий равномерное размещение, вместе с тем и ограничивается последним.

Необходимость известной территориальной концентрации не может быть устранена. Дело в том, что концентрация производства связана с известной территориальной концентрацией, т. е. со сгущением производства в определенных пунктах. Но по мере технического развития усиливается возможность создания более гибких и эластичных форм связи между концентрацией производства и необходимостью территориального сгущения производства в отдельных пунктах. Развитие концентрации производства не требует обязательного роста территориального сгущения, оно может сочетаться с ростом пространственной децентрализации. Техническое развитие позволяет устанавливать технологические связи между пространственно отдаленными предприятиями. Техническое развитие делает требование пространственного сближения технологически связанных производств менее категорическим, расширяет локальные рамки, внутри которых возможно осуществление технологического единства. Отдельные заводы комбината могут находиться на расстоянии около десятка и больше километров.

Особую роль в расширении пространственных рамок предприятий комбинатов и комплексов играет развитие всяких специальных видов транспорта, приспособленных к передаче лишь определенных видов продуктов или энергии (например электропроводов, теплопроводов, газопроводов и т. д.). Во-первых, эти виды транспорта делают возможной передачу таких продуктов, передача которых невозможна при обычных формах транспорта (например газов, энергии). Во-вторых, эти виды транспорта обеспечивают непрерывную связь между соответствующими производствами. В-третьих, эти виды транспорта имеют специализированный характер, приспособленный к особенностям того продукта, который они передают. В данном случае связь между транспортом и производством проявляется особенно ярко: транспорт выступает как непосредственное звено производственного процесса. Сам транспорт организуется так, чтобы наилучшим образом обеспечить все свойства транспортируемого полупродукта (например его температуру, влажность и т. д.).

Необходимо отметить, что рост концентрации производства создает предпосылки для большей пространственной децентрализации. Так например укрупнение масштабов обслуживающих промышленный узел предприятий (например производящих некоторые строительные материалы, вспомогательные материалы и т. д.) делает целесообразным выделение их в самостоятельные мощные предприятия, которые могут быть размещены вдали от соответствующего узла. Такое выделение получает особый смысл, когда данное мощное предприятие начинает обслуживать ряд промышленных узлов. Вокруг такого выросшего предприятия, которое раньше играло подчиненную роль в системе промышленного узла, создается новый промышленный узел.

По мере усиления отдельного производственного узла растет потребность в местных сырьевых материалах. Это стимулирует значительный рост геологоразведочных работ в районе данного узла, это стимулирует создание новых промышленных пунктов, дающих ряд сырьевых материалов и концентрирующих частичную переработку последних. Эти новые промышленные пункты, тяготеющие к крупному промышленному узлу, создают вместе с ним единый районный комплекс. Сам процесс географического расширения рамок сырьевой базы как в пределах всего Союза, так и внутри отдельных районов связан с созданием новых промышленных узлов.

По мере развития транспорта (автомобильного и электрифицированного) усиливается возможность более свободного размещения населения в районе. Концентрация производства может сочетаться с более децентрализованным расселением в данном районе. Сам факт такого децентрализованного расселения способствует углублению связей между промышленным узлом и рядом населенных пунктов, тяготеющих к нему.

На основе всех указанных процессов происходит создание глубоких и интенсивных связей (часто технологического характера) между пространственно отдаленными производствами. Это позволяет расширять территориальные рамки отдельных предприятий, комбинатов, промышленных узлов. По мере того как промышленный узел охватывает многосторонними связями кооперирования прилегающие и тяготеющие к нему промышленные пункты, по мере перестройки сельского хозяйства в отрасль индустрии, кооперирующуюся по ряду линий с основным промышленным ядром, происходит формирование районных комплексов.

Процесс расширения территориальных рамок отдельных предприятий, комбинатов и промышленных узлов, процесс развития более свободных и гибких форм концентрации производства создает материальные предпосылки для более рационального размещения производства. Дело в том, что чрезмерное нагромождение в отдельных пунктах производств, хотя бы и связанных между собой, приводит к снижению эффективности капитальных затрат, к необходимости целого ряда дополнительных капитальных затрат, которые могут быть избегнуты при меньшей плотности размещения. В первую очередь в качестве лимита чрезмерного нагромождения производств в отдельных пунктах выступает ограниченность в ряде пунктов водных ресурсов. Для преодоления этих трудностей требуются в ряде случаев большие гидротехнические сооружения. Другим лимитом чрезмерного нагромождения является состояние транспорта, который сталкивается с огромными трудностями при слишком высокой концентрации. Далее, лимитирующим фактором выступает характер площадок нового стро-

ительства, связанный с рядом естественных условий (с состоянием грунтов, с характером рельефа и т. д.). Мы не говорим уже о санитарно-гигиенических условиях, которые требуют более разреженного размещения. Кроме того нужно учитывать, что чрезмерное нагромождение производств в отдельных пунктах представляет ряд неудобств с точки зрения обороны.

В условиях социалистической экономики процесс освобождения от местных границ, совершающийся на основе не только технического развития, но и всей совокупности сдвигов, происходящих в области материальных производительных сил, в том числе и процессов обобществления труда, является материальной предпосылкой равномерного размещения. Последнее осуществляется в двух основных формах. С одной стороны, оно выступает в форме равномерного развития разных районных комплексов. Эта форма конкретизируется прежде всего в равномерном размещении крупных промышленных узлов, являющихся формирующими центрами районных комплексов. С другой стороны, равномерное размещение производства проявляется в равномерном размещении производств внутри районного комплекса. Первая форма равномерного размещения ликвидирует характерную для капитализма противоположность между индустриальными и аграрными районами. Вторая форма равномерного размещения ликвидирует противоположность между городом и деревней, ликвидирует характерную для капитализма тенденцию усиления противоположности между городом и деревней, тенденцию чрезмерного скопления производств в отдельных промышленных узлах при все усиливающемся отставании окружающей их сельскохозяйственной периферии.

Развитие промышленности искусственного волокна в СССР

Промышленность искусственного волокна в СССР является детищем первой пятилетки. За истекшие годы у нас освоено производство вискозного и отчасти также и медноаммиачного волокна. Текстильная и трикотажная промышленность Союза в основном научилась перерабатывать искусственное волокно в самых различных комбинациях. Спрос на искусственное волокно растет с каждым днем, и потребность различных отраслей текстиля остается в значительной мере неудовлетворенной. Это объясняется совершенно недостаточными темпами развития у нас этой новой отрасли народного хозяйства, несмотря на наличие достаточных предпосылок для ее форсированного развертывания.

В настоящее время огромные задачи, стоящие перед текстильной промышленностью как по значительному увеличению выпуска текстильных изделий, так и по улучшению их ассортимента и качества, придают особую актуальность проблеме развития в СССР искусственных волокон. Наши плановые органы приступают к составлению первых контуров народно-хозяйственного плана 1936 г. Именно это обстоятельство делает своевременным обсуждение на страницах нашей экономической прессы основных вопросов, связанных с дальнейшим развитием производства искусственных волокон в СССР. При этом большой интерес представляет ознакомление с опытом и техническими достижениями капиталистических стран.

I

Развитие промышленности искусственного волокна в капиталистических странах относится к XX веку и теснейшим образом связано с эпохой монополистического капитализма.

Промышленность искусственного волокна с самого начала зародилась в форме крупных предприятий акционерного типа. Успехи этой отрасли неразрывно связаны с развитием новейшей химии. Громадное количество изобретений и патентов, реализованных в промышленности искусственного волокна, требовали значительных средств для их приобретения и были под силу лишь крупным концернам. Строительство и оборудование фабрик искусственного волокна вследствие высокой органической структуры капитала связаны были со значительными капиталовложениями. Вот почему в этой отрасли мы имеем дело с крупнейшими концернами, очень быстро монополизировавшими производство искусственного волокна. Уже до войны основная роль принадлежит крупным концернам отдельных стран (Курто в Англии, Глянцштоф в Германии, Тюбиз в Бельгии, Энка в Голландии и др.). Очень характерно, что, несмотря на молодость новой отрасли и техническое ее несовершенство, в этот первый период ее существования были приняты попытки к установлению международных связей и к разделу рынков. Первое соглашение о ценах и квотах, как это можно судить по отрывочным данным специальной литературы, относится еще к 1913 г.¹ Владение

¹ Проф. Герцог, Искусственный шелк, Гостехиздат, 1929 г.

основными патентами являлось могущественным рычагом монополистической экспансии крупных концернов и создания ими дочерних предприятий за пределами своих стран. К числу этих основных патентов, сыгравших огромную роль в развитии промышленности искусственного волокна, относятся патенты Cross и Bewan (получение ксантогената), германский патент Мюллера (так называемая мюллеровская ванна в качестве прядильной ванны для вискозного шелка), патент Thiele (прядение медноаммиачного шелка с вытяжкой) и другие.

Однако, несмотря на бурные темпы развития и значительный интерес со стороны текстильной промышленности, абсолютные размеры производства искусственного волокна до мировой войны были сравнительно невелики. Удельный вес новых волокон среди других текстильных волокон был ничтожен. Все производство искусственного шелка в 1913 г. оценивается всего лишь в 12 тыс. *т*.

В этом периоде своего существования искусственное волокно рассматривается главным образом как заменитель натурального шелка, чем и объясняется его название: «искусственный шелк». Невысокое качество искусственного шелка в первые годы и высокая его себестоимость тормозили широкое его внедрение в хлопчатобумажных и трикотажных изделиях. Искусственный шелк до войны применялся главным образом в шелкоткачестве, галантерее, декоративных тканях и т. п.

Первым видом искусственного шелка был нитратный шелк (шелк Шардонне). Дорогое исходное сырье — хлопковый линтер, импортировавшийся в Европу главным образом из Америки, высокие цены на спирт, особенно в Германии, при отсутствии рекуперации растворителей, огнеопасный характер производства и большая трудоемкость отдельных операций обработки обусловили значительные издержки производства и высокие цены на нитрошелк. Лучше было положение фабрик нитрошелка в Бельгии благодаря низким ценам на спирт. Особенно успешно развивалось общество Тюбиз, открывшее ряд дочерних предприятий, в том числе в б. русской Польше.

Не лишено интереса внимание, проявленное до мировой войны со стороны немецкого генерального картеля взрывчатых веществ и пороховых заводов к производству нитрошелка. В 1902 г. этим картелем было создано специальное общество «Julich» для производства шелка по нитро-целлюлозному способу. Появление медноаммиачного шелка (медноаммиачные растворы целлюлозы), более дешевого и более высококачественного, несмотря на то же исходное сырье, быстро привлекло к себе внимание.

Новую эпоху в развитии искусственного волокна открывает производство искусственного шелка по вискозному методу. Вискозный шелк представлял огромный интерес не только благодаря его дешевизне, но и вследствие возможности его развития почти в любой стране на базе внутреннего дешевого сырья и химикалий (древесная целлюлоза, едкий натр, сероуглерод, серная кислота). Эти преимущества вискозного шелка обусловили и исключительно быстрые темпы его развития. Уже в 1913 г. удельный вес вискозного шелка составил 20% всего мирового производства искусственного волокна.

Начало мировой войны оказалось весьма неблагоприятным для производства искусственного шелка. Фабрики нитрошелка были частично использованы для производства порохов. Что же касается медно-аммиачных и вискозных фабрик, то они лишь с большим трудом продолжали производство в ограниченных размерах. Положение изменилось, особенно в Германии, по мере усиления блокады. Резкий недостаток натуральных волокон вынудил Германию применять впервые искусственное волокно не только в качестве заменителя шелка-сырца, но и взамен хлопка и шерсти.

К этому времени относится и появление в Германии искусственного волокна в форме штапельного волокна, т. е. в виде коротких волокон, подлежащих в дальнейшем процессу прядения в смеси с шерстью или хлопком. Несмотря на то, что на первых порах штапельное волокно не обладало высоким качеством, оно оказало большие услуги германскому хозяйству военного периода. Из него изготовлялись не только гражданские ткани, но и ткани для армии.

Точные цифры о размерах производства искусственного шелка в период мировой войны в воюющих странах отсутствуют. Однако очень любопытен тот факт, что прекращение импорта искусственного шелка в США способствовало развитию там этой отрасли. Все производство искусственного волокна в США до войны составляло всего лишь около 700 *t*, а в 1917 г. оно превышает уже 3 тыс. *t*. По данным «The Rayon Industry» все мировое производство искусственного шелка в 1917 г. составляло около 16 тыс. *t*, в странах Европы едва поддерживался довоенный уровень. Быстрое развитие искусственного волокна начинается после мировой войны.

Развитие искусственного волокна в крупнейших капиталистических странах
(в тыс. *t*)

Наименование страны	1913 г.	1925 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
США	0,7	23,5	55,5	52,3	63,7	59,4	94,0	95,3
Италия	0,2	14,0	32,3	27,1	34,3	32,1	37,0	48,0
Германия	3,5	11,3	25,0	26,3	24,9	26,8	30,0	41,5
Англия	3,0	13,5	25,8	22,2	24,5	32,9	38,0	40,4
Япония	—	1,3	14,0	15,2	21,1	31,6	44,4	68,3
Франция	1,5	6,5	16,8	17,8	17,1	21,8	25,5	29,5
Прочие	3,3	16,4	30,8	25,8	28,4	26,4	33,1	35,0
Все производство капиталистических стран . .	12,2	86,5	200,2	186,7	214,0	231,0	302,0	358,0

Таким образом в 1934 г. мировое производство искусственного шелка составило 358 тыс. *t* против 12,2 тыс. *t* в 1913 г. и против 86,5 тыс. *t* в 1925 г. Первое место в мире сохраняется и поныне за США, хотя в 1934 г. по американским данным («Chemical and Metallurgical Engineering», январь 1935 г.), правда не совпадающим с данными специальной прессы («Silk and Rayon», май 1935 г.), имеет место небольшое снижение производства.

Необычайный рост производства искусственного волокна за последние годы наблюдается в Японии, которая за 5 лет (1929—1934) увеличила производство его в 4 с лишним раза и уже в 1933 г. вышла на второе место, далеко обогнав Англию, Германию и Италию. Ниже мы подробнее остановимся на причинах этого роста. В остальных крупнейших капиталистических странах производство искусственного волокна также растет сравнительно быстрыми темпами.

Важнейшими причинами, обусловившими огромный рост промышленности искусственного волокна, явились значительное улучшение его качества и снижение издержек производства в результате ряда технических изобретений и усовершенствований в этой молодой отрасли, в особенности в производстве вискозного шелка. Рост производства искусственного волокна идет неравномерно по отдельным его видам. Наиболее бурно развивается производство вискозного шелка, сохраняющего и поныне свое господствующее положение.

Удельный вес различных видов искусственного волокна в мировом производстве (в % к итогу) ²

	1913 г.	1925 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Вискозный шелк	20	88	87	87	88,7	88,9	88,4	87,8
Ацетатный шелк	—	3	6	7	7,2	7,9	7,8	7,7
Медноаммиачный шелк	40	1,5	4	4	2,6	3,3	3,2	4,0
Нитратный шелк	40	7,5	3	2	1,5	0,9	0,6	0,5
	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Из этой таблицы видно, что старейший вид искусственного волокна — нитрошелк — окончательно сошел со сцены. Наряду с вискозным довольно усиленно растет, особенно в последние годы, производство ацетатного шелка, появление которого относится к послевоенному периоду и связано было с демобилизацией промышленности в Англии. Английское правительство во время войны вложило огромные капиталы в производство ацетил-целлюлозы и ацетил-целлюлозных лаков для снабжения Антанты. После войны для спасения вложенных капиталов был осуществлен переход на производство из ацетил-целлюлозы искусственного шелка, получившего широкую известность под названием шелка-целлянез и завоевавшего широкий рынок благодаря своим высоким качествам. Основным монополистом в этой области и поныне является английский концерн «Целлянез», распространивший свое влияние далеко за пределы Англии (дочерние предприятия в Америке и других странах). Особенно растет производство ацетатного шелка в США, несмотря на более высокие цены на него, чем на вискозный шелк, что объясняется в первую очередь высокоразвитой сырьевой базой. Для производства ацетатного шелка требуются хлопковый линтер и значительные количества уксусной кислоты и уксусного ангидрида. Высокие издержки производства ацетатного шелка, связанные с дороговизной продуктов, применяемых при его изготовлении, в последнее время резко снизились в результате эффективных методов регенерации уксусной кислоты. Удельный вес ацетатного шелка в мировом производстве в последние годы проявляет тенденцию к неуклонному росту, причем в известной степени этот рост происходит даже за счет вискозного шелка. Явление это заслуживает внимания советского читателя и специального изучения в свете перспектив развития искусственного волокна в СССР.

Одновременно за последние годы наблюдается, правда небольшое, но систематическое увеличение (за три года вдвое) продукции медноаммиачного шелка. Это производство в основном сконцентрировано в Германии (концерн Бемберг) и отчасти в Америке и Японии, где имеются дочерние предприятия концерна Бемберг.

Данные о развитии промышленности искусственного волокна (см. таблицы) показывают, что рост искусственного волокна за исключением одного лишь 1930 г. имел место даже в условиях жесточайшего мирового кризиса, охватившего капиталистические страны начиная с 1929 г. Это явление представляет тем больший интерес, что именно в эти годы натуральные волокна — хлопок и шерсть — испытывали глубочайший кризис сбыта. Излишне останавливаться на общеизвестных фактах сокращения посевных площадей, прямого уничтожения запасов и катастрофического падения цен (в 3—4 раза) на хлопок, а также на шерсть на мировых текстильных рынках.

Причины роста искусственного волокна даже в условиях кризиса несомненно достаточно сложны и вряд ли могут быть объяснены только одними

связями с военной промышленностью. Огромную роль здесь несомненно сыграла валютная и таможенная политика капиталистических стран в связи с нарушенным мировым денежным обращением. Резкое обесценение ряда валют и рост конкуренции усилили тенденции к хозяйственной автаркии и созданию собственных сырьевых баз, не только обеспечивающих внутреннее потребление текстиля, но и возможности бросового экспорта. Типичным примером является Япония, не имеющая собственного хлопководства и овцеводства и в то же время развивающая бешеный экспорт текстиля в порядке демпинга не только за счет импортных натуральных волокон, но и в очень сильной степени за счет растущего потребления искусственного волокна.

Не менее существенное значение для роста промышленности искусственного волокна имели и те огромные потенциальные возможности, которые были заложены в самом технологическом процессе производства искусственного шелка. Широко проведенная рационализация технологического процесса, в частности переход на высокие скорости прядения, сокращенную отделку шелка на бобинах и куличах, укрупнение аппаратуры и ускорение процесса в химическом цехе, имели своим результатом значительное снижение издержек производства. В том же направлении действовало снижение расходных норм химикалий в результате более полной регенерации и рекуперации.

Промышленность искусственного шелка принадлежит еще и сейчас к числу весьма трудоемких отраслей. Это определяло и структуру издержек производства искусственного шелка. По данным инж. Аврама об американской промышленности искусственного шелка, структура издержек производства вискозного шелка в США для предкризисного периода рисуется в следующем виде: сырье и материалы — 25%, заработная плата — 53%, прочие издержки — 22%.

По данным Р. Морга¹, во французской промышленности искусственного шелка удельный вес сырья составлял в докризисный период 32%, а зарплаты — 39%. Несколько иную картину представляет структура издержек производства в Японии по данным 1928 г.: сырье и химикалии — 36%, зарплата — 25%, прочие издержки — 39%. Трудоемкость производства искусственного волокна и большой удельный вес зарплаты в условиях кризиса явились источником для снижения себестоимости путем жестокого нажима на материальный уровень жизни рабочих, что в промышленности искусственного волокна, помимо общих причин, облегчалось значительным процентом женского труда.

В результате всех этих причин в годы кризиса достигается значительное снижение себестоимости искусственного шелка. По данным английского журнала «Rayon Record», основанным на анализе балансов японских концернов искусственного волокна, за период 1929—1932 гг. себестоимость искусственного шелка снизилась больше чем в 2 раза — со 130 иен за 100 англофунтов в 1929 г. до 60 иен в 1932 г. При этом следует учесть (чего не делает упомянутый источник), что за этот же период иена в свою очередь резко обесценилась. В других странах за годы кризиса себестоимость искусственного шелка также значительно снизилась.

То, что это снижение себестоимости в огромной степени явилось результатом жесточайшего нажима на заработную плату, видно из резкого снижения ее удельного веса в издержках производства искусственного волокна в настоящее время. Так например удельный вес зарплаты во Франции упал до 29%, а в Японии даже до 12—13% в 1934 г.

¹ Р. М о р г, Производство вискозного шелка, перевод с франц., изд. Госхимтехиздата, 1933 г.

В силу этого резкое падение цен на искусственный шелк, имевшее место, несмотря на концентрацию промышленности в руках монополистических концернов, сравнительно легко было воспринято промышленностью и не отразилось сколько-нибудь заметно на размерах производства. Падение цен за годы кризиса носило чрезвычайно интенсивный характер.

Цены в Германии и США на вискозный шелк

	1928 г.	1930 г.	1932 г.	1934 г.
Германия				
За 1 кг вискозного шелка 120 денье ¹ (в марках)	11,75	6,74	5,08	5,00
С Ш А				
За 1 англофунт вискозного шелка 150 денье (в ам. долларах)	1,30	0,95	0,55	0,55—0,60

По мере снижения цен на искусственное волокно и параллельно с улучшением его качества возрастала и его конкурентоспособность с натуральными волокнами. Если в довоенные и первые послевоенные годы искусственный шелк играл в значительной мере роль заменителя натурального шелка, то за последние 10—12 лет искусственное волокно получило широчайшее применение также и в трикотажной и хлопчатобумажной промышленности. Это объясняется постепенным сближением цен вискозного шелка с ценами на хлопчатобумажную пряжу высоких номеров и значительным улучшением внешнего вида изделий с участием искусственного шелка.

Английские цены на вискозный шелк и хлопчатобумажную пряжу (в зол. марках)

	1913 г.	1934 г.
Вискозный шелк 1 кг 120 денье	12,15	5,00
Х/б. пряжа № 60 египетская 1 кг	3,35	2,00
Разница	8,80	3,00

При этом следует учесть, что цены на германский искусственный шелк в связи с рядом мероприятий германского правительства по стимулированию его производства и дефицитом в натуральных волокнах в Германии в 1934 г. были выше, чем в других странах Европы, и значительно выше японских цен. Так например цена за 1 англофунт вискозного шелка в Японии в настоящее время составляет 0,65 иены, или в пересчете на золотые марки немногим больше одной золотой марки за 1 кг.

Таким образом цена вискозного шелка в Японии значительно ниже европейских и американских цен на хлопчатобумажную пряжу высоких номеров из египетских хлопков. Этим между прочим объясняется и тенденция к утонению денье искусственного волокна, наблюдающаяся в мировом производстве и особенно с США, так как по мере утонения искусственного волокна повышается его конкурентоспособность с хлопчатобумажной пряжей аналогичных высоких номеров. Все это делает понятным широкое внедрение искусственного волокна в трикотажной и текстильной промышленности, особенно в хлопчатобумажной.

¹ Денье — весовая единица, равная 1 г; служит для определения веса нити постоянной длины (9000 м).

**Распределение искусственного шелка в мировой трикотажной и текстильной промышленности
(в процентах)**

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Хлопчатобумажная промышленность	32	35	37	39
Шелковая промышленность	12	19	21	21
Шерстяная "	3	6	7	9
Трикотажная "	51	38	33	29
В том числе: а) верхний	14	7	6	4
б) бельевой	20	15	16	16
в) чулки	17	16	11	9
Прочие потребители	2	2	2	2
	100%	100%	100%	100%

Приведенная таблица свидетельствует о непрерывной тенденции к увеличению роли всех видов ткачества в мировом потреблении искусственного волокна при одновременном систематическом из года в год снижении удельного веса трикотажной промышленности как потребителя искусственного волокна.

Чрезвычайно интересно сопоставить потребление искусственного волокна с потреблением натуральных волокон в США за ряд лет¹.

Потребление волокон в США (в млн. англофунтов)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Хлопок	3 426	2 608	2 657	2 458	3 031
В % к итогу	85,5	85,0	82,7	84,1	83,7
Шерсть	366	269	321	241	324
В % к итогу	9,1	8,7	10,0	8,2	8,9
Натуральный шелк	82	77	79	74	62
В % к итогу	2,1	2,5	2,4	2,5	1,7
Искусственный шелк	131	117	157	152	207
В % к итогу	3,3	3,8	4,9	5,2	5,7
В с е г о	4 005	3 071	3 214	2 925	3 624
	100%	100%	100%	100%	100%

Нельзя не отметить, что в 1920 г. удельный вес искусственного шелка составлял в США всего лишь 0,3% при общем потреблении всех волокон в 3 150 млн. англофунтов.

Таким образом в среднем за годы 1930, 1931 и 1932 в США потребление искусственного волокна составляло: по отношению к хлопку 1 : 19, к шерсти 1 : 2 и к натуральному шелку 2 : 1. В 1933 г. картина значительно меняется, и отношение искусственного волокна составляет: к хлопку 1 : 15, к шерсти 2 : 3, к натуральному шелку 3:1. Все вышеотмеченные тенденции в основном имеют место и в 1934 г.

Таким образом искусственный шелк завоевывает себе все более и более прочное место в хлопчатобумажной промышленности, что объясняется все большим сближением цен на хлопчатобумажную пряжу и искусственный шелк при одновременном значительном повышении крепости и улучшении внешних свойств последнего. В шелкоткачестве за последние 2—3 года

¹ Данные взяты из «Ragoh and Synthetic Jarh Hand book», изд. 1934 г. Нью-Йорк.

наблюдается значительный рост применения искусственного шелка. Это объясняется прежде всего утонением общего денье и переходом на тонковолокнистый вискозный шелк, а также ростом выработки высококачественного ацетатного шелка, наиболее приближающегося по внешнему виду к натуральному шелку.

Большую роль играет и выпуск матового и полуматового искусственного шелка, вытесняющего прежний искусственный шелк с его неприятным блеском. Не меньшее значение повидимому имеют и успехи текстильного машиностроения, выпускающего ряд типов автоматизированных ткацких станков специально для переработки искусственного шелка, сокращающих ряд трудоемких операций.

Что касается применения искусственного шелка в шерстяной промышленности, которое имеет место главным образом при выработке фасонных тканей, то приведенные цифры не являются достаточно характерными, так как мировая статистика до настоящего времени не учитывает еще все растущего производства штапельного волокна. Между тем именно шерстяная промышленность является крупным потребителем штапельного волокна.

В трикотаже искусственный шелк завоевал себе прочное место в бельевых изделиях. Следует однако отметить падение удельного веса применения искусственного волокна в чулочных изделиях и особенно в верхнем трикотаже. Последнее вероятно связано со значительным снижением цен на натуральную шерсть, которое имело место за период 1929—1933 гг. включительно, когда цены на шерсть упали в 3—4 раза.

Отмеченные нами успехи в развитии производства искусственного волокна и его освоения в текстильной промышленности имели место в основном за счет использования мощностей предприятий, выстроенных до 1929 г. Это увеличение выработки главным образом явилось результатом усовершенствований технологического процесса — перехода на повышенные скорости прядения и ускоренную отделку.

Новое строительство за годы кризиса повидимому имело место только в Японии. Помимо причин, о которых мы говорили выше, здесь крупную роль сыграла и военно-инфляционная конъюнктура последних лет в этой стране. Хотя не все еще резервы на старых предприятиях промышленности искусственного волокна полностью исчерпаны (средние скорости прядения в 1934 г. не превышали 80 м в минуту при технически возможной скорости прядения для бобинного метода 100 и выше м в минуту, а для центрофугального — до 100 м в минуту), однако в 1934 г. наметился и некоторый перелом в отношении нового строительства. Не говоря уже о Японии, где, по английским и американским данным, уже в декабре 1934 г. должны были вступить в эксплуатацию 8 новых фабрик искусственного волокна, исключительный интерес к развитию этой отрасли в 1934 г. проявила и Германия.

В ряде специальных немецких журналов («Angewandte Chemie», «Kunstseide» и др.) были сделаны попытки дать «плановые наметки» развития промышленности искусственного волокна под углом зрения создания собственной сырьевой базы и максимального освобождения от импорта натуральных волокон.

Развитие производства искусственного волокна всячески поощряется фашистским правительством Германии, о чем свидетельствуют выступления Гитлера и Шахта. Насколько далеко идут эти «планы», видно из того, что в ближайшие несколько лет имеется в виду довести производство до 200 тыс. т волокна, в том числе 100 тыс. т штапельного волокна.

Не лишен интереса помещенный в журнале «Melliand Textilberichte», № 1 за 1935 г., доклад о значении штапельного волокна для германской текстильной промышленности. Автор приходит к выводу, что развитие классической натуральной шерсти в Германии — шерсти и льна — потребует

длительного периода времени, больших затрат и связано со значительными изменениями в структуре германского сельского хозяйства.

Развитие хлопка в Германии автор считает невозможным. Что же касается новых лубяных волокон, то они не смогут заменить хлопка и шерсти, да к тому же освоение их в текстильной промышленности потребует значительных затрат на ее техническую реконструкцию. В результате автор приходит к выводу, что задача создания сырьевой текстильной базы может быть разрешена в первую очередь в плоскости форсированного производства искусственных волокон. Особый упор делается на развитие штапельного волокна как наиболее дешевого сырья для загрузки свободных прядильных мощностей германской текстильной промышленности. Действительно, при значительно улучшившемся качестве штапельное волокно в 2—3 раза дешевле вискозного шелка. Несомненно, что намечаемый размах промышленности искусственного волокна является составной частью подготовки германской промышленности к войне.

Однако и в других странах, где специфические особенности предвоенной конъюнктуры не столь ярко выражены, также отмечается строительство новых фабрик искусственного волокна. Так например (по данным «Silk and Rayon», № 3 за 1935 г.) крупнейший английский и мировой концерн Курто строит две мощных фабрики — одну штапельного волокна и другую искусственного шелка, с годовой производительностью 20 млн. англофунтов каждая. Тот же концерн намечает строительство крупной ацетатной фабрики, что свидетельствует об обострении существующей конкуренции между двумя английскими монополистами (Курто и «Целлянез»). Имеются данные о строительстве фабрик искусственного волокна и в ряде других стран.

Таким образом тенденции дальнейшего развития промышленности искусственного волокна в капиталистических странах идут по линии форсированного развития штапельного волокна, усиления роли ацетатного шелка при сохранении на ближайшие годы ведущей роли за вискозным шелком. Производство медноаммиачного шелка очевидно сохранит свою устойчивость без особо заметных колебаний в его удельном весе.

II

«У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь».

(*Сталин*. Итоги первой пятилетки, доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.).

«Новое в развитии нашей промышленности состоит, между прочим, в том, что мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую и легкую индустрию». (*Сталин*. Политический отчет Центр. Комитета XVI съезду).

Громадные успехи социалистического строительства в нашей стране уже в период первой пятилетки вызвали к жизни ряд новых отраслей промышленности. К их числу относится промышленность искусственного волокна, как бы стоящая на грани химической и текстильной промышленности и неразрывно связанная с крупнейшими успехами нашей советской химии.

Дореволюционная Россия оставила нам в наследство мелкую, полукустарную фабрику в Мытищах, годовая производительность которой составляла около 150 т вискозного шелка. После революции фабрика была пущена в 1925 г., а к началу первой пятилетки было приступлено к коренной рекон-

струкции и расширению ее, в результате чего годовая производительность фабрики выросла до 700 *t* в год.

В начале первой пятилетки Советом труда и обороны было принято постановление о строительстве новых крупных фабрик искусственного волокна на более высоком техническом уровне. Ввиду новизны дела, слабого знакомства с технологией синтетического волокна, отсутствия собственных достаточно подготовленных кадров строительство осуществлялось на базе иностранной технической помощи. Таким путем были выстроены фабрики Ленинградская, Могилевская и Клинская — все три по вискозному способу, причем Ленинградская и Могилевская — по центрифугальному методу прядения, а Клинская — по бобинному. Фабрики были введены в эксплуатацию начиная с 1930 г.

Последующие годы были посвящены освоению технологического процесса и преодолению «детских болезней» роста. За эти годы созданы значительные квалифицированные кадры технологов, проектировщиков и опытных рабочих. Качество волокна из года в год непрерывно улучшается, налаживается производство тонковолокнистого шелка, ставятся в фабричном масштабе работы по ускорению и сокращению технологического процесса, обещающие значительный техно-экономический эффект. Проектная мощность фабрик в настоящее время значительно превышена, и выпуск волокна в 1935 г. превышает 6 тыс. *t*. Необходимо отметить, что помимо вискозного шелка в СССР в настоящее время освоено и производство штапельного волокна.

Наряду с этим велись экспериментальные работы по изучению и освоению также и прочих видов искусственного волокна: медноаммиачного, ацетатного и нитрошелка на специально созданных для этого крупных опытных установках в составе Научно-исследовательского института искусственного волокна (НИИВ).

Параллельно с этим за истекшие пять лет велись работы по широкому внедрению и освоению искусственного волокна в текстильной и трикотажной промышленности. Совершенно недостаточные размеры производства искусственного волокна в СССР обусловили несколько своеобразное распределение его по различным отраслям текстиля:

Удельный вес различных отраслей в потреблении искусственного шелка по плану 1935 г.

Трикотажная	47,00	Хлопчатобумажная	7,00
Шелкоткацкая	23,50	Шерстяная	7,00
Галантерейная	11,75	Промкооперация и проч.	3,75

Главным потребителем искусственного волокна у нас является трикотажная промышленность. Значителен удельный вес шелкоткацкой промышленности. Совершенно ничтожно потребление искусственного волокна в хлопчатобумажной промышленности, несмотря на большие успехи наших передовых предприятий в качественном освоении его (Трехгорка, фабрика им. Желябова, Кохомская мануфактура) и на огромные потенциальные возможности по переработке искусственного волокна в нашей хлопчатобумажной промышленности. Это объясняется исключительно только слабым развитием промышленности искусственного волокна в СССР.

Насколько мы отстали в этой области, показывает тот факт, что удельный вес искусственного волокна в потребляемых нашей текстильной промышленностью натуральных волокнах (хлопок, шерсть, натуральный шелк, не считая льна, пеньки и прочих волокон) составляет всего лишь 1% против 5,7% в США. При этом особенно низок удельный вес искусственного шелка в потреблении нашей хлопчатобумажной промышленности, где он составляет 0,10—0,15% против 4—5% в хлопчатобумажной промышленности капиталистических стран. Что касается трикотажа и шелкоткачества, то

и здесь, не говоря уже о возможностях значительно увеличить потребление искусственного волокна, положение нельзя признать удовлетворительным в связи с отсутствием ацетатного и медноаммиачного шелка, необходимого для выработки высококачественных и наиболее ценных изделий.

Огромное значение, с точки зрения замены дефицитных шериносовых и полугрубых шерстей, имеет факт освоения нашей шерстяной промышленностью штапельного волокна в камвольном прядении в смесках с шерстью, а также искусственного шелка для выработки крученых камвольных и тонкосуконных тканей.

И в текстильных отраслях за эти годы освоены сложные технические проблемы, связанные с применением искусственного волокна, и в свою очередь преодолены «детские болезни», о чем наглядно свидетельствовали последние выставки тканей в Москве, где среди экспонатов было немало высококачественных тканей из искусственного волокна.

Проблема дальнейшего развития промышленности искусственного волокна в СССР приобретает в настоящее время большую остроту. XVII съезд партии поставил перед текстильной промышленностью гигантские задачи дальнейшего количественного роста и улучшения ассортимента и качества текстильных изделий. Непрерывный рост благосостояния и культурного уровня трудящихся не только города, но и деревни в результате победы колхозного строя предьявляет с каждым днем все более и более повышенные требования к качеству и внешнему виду текстильных изделий. «Нынешний рабочий, наш советский рабочий хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей... Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия» (С т а л и н).

Постепенное уничтожение вековой противоположности между городом и деревней стирает грани между городским и деревенским ассортиментом текстиля. Наш городской и колхозный потребитель требует от ткани не только прочности и носкости, но и высокого художественного оформления. В этом направлении громадную роль должно сыграть искусственное волокно, применение которого, в особенности в хлопчатобумажной промышленности, придает значительный эффект и красоту тканям.

Если развитие промышленности искусственного волокна в СССР должно в значительной степени помочь разрешению проблемы качественного и количественного роста текстиля, то, с другой стороны, усиленное строительство фабрик искусственного волокна является составной частью плана работ по химизации нашего народного хозяйства.

В отличие от условий первой пятилетки, когда строительство фабрик искусственного волокна осуществлялось на базе иностранной технической помощи и лимитировалось в большей степени недостатком сырья, химических, собственного машиностроения и отсутствием кадров, в настоящее время, в результате огромных побед в деле индустриализации страны, мы имеем все предпосылки, для того чтобы и на этом участке в кратчайший исторический период догнать и перегнать капиталистические страны.

Сырьевая база для основного вида волокна—вискозного—обеспечивается ростом нашей лесобумажной промышленности, имеющей исключительно благоприятные предпосылки для развития производства вискозной целлюлозы. Наиболее подходящим материалом для сульфитной целлюлозы является северная ель. Вот почему производство специальных вискозных целлюлоз имеет место главным образом в северных странах — Канаде, Швеции, Норвегии и Финляндии, являющихся мировыми поставщиками этого продукта. Огромные массивы северной ели в СССР полностью обеспечивают развитие промышленности искусственного волокна. Уже в 1935 г. должен быть введен в эксплуатацию Камский лесобумажный комбинат, в составе

которого имеется цех специальной сульфитной целлюлозы большой мощности.

Если Япония строит свою промышленность искусственного волокна на ввозной целлюлозе, если в Германии целлюлоза является узким местом, то в СССР проблема сырья стоит лишь в плоскости организационно-технических мероприятий. Эти мероприятия должны быть направлены в сторону выработки целлюлозы, высокого качества и дальнейшего роста ее производства.

Вполне возможное технически повышение в течение ближайших нескольких лет нынешнего уровня производства вискозного волокна у нас до уровня США, т. е. до 70 тыс. *т* в год, потребовало бы около 90 тыс. *т* сульфит-целлюлозы, что не может представить особых затруднений для нашего народного хозяйства.

Что касается хлопкового линтера, являющегося основным сырьем для всех прочих видов искусственного волокна, то и в этом отношении при всей дефицитности линтера имеются довольно значительные перспективы. С одной стороны, независимо даже от все растущих сборов хлопка, съем линтера может быть увеличен минимум в 2 раза путем более целесообразной организации этого дела на маслобойных заводах, как об этом свидетельствует пример США. С другой стороны, у нас имеются значительные ресурсы в виде делинта, т. е. наиболее коротких волоконцев, остающихся на хлопковой шелухе и вполне пригодных для производства искусственного волокна, как это показали опыты НИИВ. Получение делинта у нас пока еще совершенно не налажено, между тем при надлежащей организации можно получить минимально около 20 тыс. *т* этого волокна в год. Таким образом и для развития прочих видов искусственного волокна (медноаммиачного, ацетатного) в СССР имеются соответствующие сырьевые предпосылки.

Основные химикалии, потребляемые в процессе производства вискозного волокна (едкий натр, сероуглерод, купоросное масло, сернокислый цинк и т. д.), принадлежат к числу наиболее дешевых и общеупотребительных продуктов. Мощное развитие химической промышленности Союза обеспечивает промышленности вискозного волокна достаточную химическую базу. При доведении выработки вискозного волокна в СССР до 70 тыс. *т*, т. е. до уровня США, потребность в серной кислоте, с учетом регенерации осадительной ванны, составит 100 тыс. *т*, т. е. небольшую величину в сравнении с намечаемым вторым пятилетним планом развитием сернокислотного производства (2 млн. *т*).

При указанной большой программе развития искусственного волокна по вискозному методу потребность в каустической соде, при целесообразно поставленной регенерации отжимных щелоков, составит 90 тыс. *т*. Это потребление настолько значительно, что создаст необходимость более форсированного роста производства каустической соды.

Несколько сложнее вопрос о сероуглероде. В настоящее время промышленность искусственного волокна является основным потребителем сероуглерода. Развитие сероуглеродного производства осложняется у нас недостаточной еще пока добычей серы. Основные залежи натуральной серы находятся у нас в Средней Азии (Каракум и Шор-Су), откуда перевозки представляют некоторые трудности и обходятся довольно дорого.

Однако в дальнейшем сероуглерод не сможет лимитировать мощного развития промышленности искусственного волокна, так как уже в настоящее время намечаются разработка серы в районе Средней Волги и кроме того получение серы путем уловления из отходящих серных газов. По второму пятилетнему плану в 1937 г. будет добыто около 150 тыс. *т* серы, между тем как потребность для 70 тыс. *т* вискозного волокна соста-

вляет всего лишь около 23 тыс. т. Прочие химикалии применяются в вискозном производстве в относительно небольших размерах.

Химическая база для ацетатного шелка, представляющего большой интерес для текстильной промышленности, значительно менее благоприятна, чем для вискозного производства. Баланс уксусной кислоты и уксусного ангидрида, необходимых для производства ацетатного шелка, является в настоящее время весьма напряженным. Разрешение проблемы должно базироваться не только на древесной уксусной кислоте, но и на синтетической уксусной кислоте. Проблема получения синтетической уксусной кислоты разрешена уже в полужаводских условиях, что открывает перспективы развития у нас промышленности ацетатного шелка в размерах, определяемых первоочередными потребностями нашей текстильной промышленности, т. е. на первых порах до 5 тыс. т.

В производстве медноаммиачного волокна наиболее дефицитным химическим материалом является медный купорос. Однако расход медного купороса при рационально организованных методах регенерации настолько невелик, что не может лимитировать производство высококачественного медноаммиачного волокна при условии сохранения его удельного веса в СССР на том же примерно уровне, который существует в мировой промышленности искусственного волокна.

Все изложенное выше говорит о том, что для развития основного вида искусственного волокна — вискозного — в СССР нет каких-либо существенных затруднений ни в сырьевой, ни в химической базе. Что же касается ацетатного и медноаммиачного волокна, то и здесь имеются благоприятные перспективы для создания этих новых отраслей в условиях дальнейшего развертывания нашей химии.

Строительство вискозных фабрик в начале первой пятилетки было связано со значительными трудностями ввиду отсутствия у нас в то время развитого химического и текстильного машиностроения. Основное оборудование первых вискозных фабрик было ввезено из-за границы. В настоящее время победы нашего машиностроения позволяют при строительстве новых фабрик целиком и полностью перейти на машины собственного производства. Уже в 1933 г. на заводе им. 1 августа были освоены наиболее сложные прядильные машины для вискозных фабрик, освоены и крутильные ватера и приступлено к изготовлению химического оборудования вискозных фабрик. Само собой разумеется, что для осуществления большой программы строительства промышленности искусственного волокна потребуется специализация ряда машиностроительных заводов для серийного производства нового оборудования.

В условиях нашего планового хозяйства особый интерес и актуальность представляет проблема сравнительной эффективности народнохозяйственных затрат на производство различных текстильных волокон и пределов применения искусственного волокна в отдельных отраслях текстильной промышленности. Размер капитальных затрат, падающих на тонну хлопчатобумажной пряжи кардного прочеса № 36/1 (по английской нумерации), составляет около 10 тыс. руб., а на тонну гребенной пряжи № 70/1 — около 19 тыс. руб. В то же время капитальные затраты, падающие на тонну вискозного шелка тождественных номеров, т. е. денье 150 и 80, составляют соответственно около 13 тыс. руб. и 16 тыс. руб. Размер капиталовложений на тонну медноаммиачного шелка денье 80 исчисляется примерно в размере 18 тыс. руб. Фабричная себестоимость тонны хлопчатобумажной пряжи № 36/1 равна 6 410 руб., а тонны хлопчатобумажной пряжи № 70/1 — 12 950 руб.

Себестоимость же тонны вискозного шелка в условиях усовершенствованного технологического процесса составит: для 150 денье — 6 420 руб. и

для 80 денье—7 000 руб. Себестоимость медноаммиачного шелка исчисляется в 10 тыс. руб. за тонну. Отсюда следует сделать вывод о большой эффективности и целесообразности строительства фабрик искусственного волокна, особенно рассчитанных на выпуск тонких денье.

Что же касается штапельного волокна, то хотя размеры капитальных затрат, падающих на тонну как вискозного, так и медноаммиачного волокна, значительно выше затрат, падающих на хлопок, волокно и шерсть (сравнивались затраты на строительство фабрик штапельного волокна, с одной стороны, и хлопкоочистительных заводов и шерстомоек — с другой стороны), но себестоимость их настолько ниже себестоимости шерсти и хлопка египетских семян, что экономическая целесообразность широкого применения штапельного волокна представляется совершенно бесспорной в пределах, определяемых требованиями к качеству и структуре текстильных изделий.

Переходя к вопросу о перспективах потребления искусственного волокна в различных отраслях текстильной промышленности, следует прежде всего остановиться на текущих ее потребностях в рамках существующего производственного аппарата.

В настоящее время хлопчатобумажная промышленность, для того чтобы довести процент внедрения до уровня заграничного, нуждается примерно в 15—20 тыс. *t* искусственного волокна. Для переработки этого количества потребуются лишь относительно небольшие капиталовложения для установки уточно-перемоточных машин в ткацких отделах, да и то лишь в том случае, если промышленность искусственного волокна не сможет выпускать свою продукцию в виде, исключающем необходимость дополнительной перемотки. Переработка искусственного шелка в таких количествах в значительной степени сняла бы с повестки дня вопрос о диспропорции между прядением и ткачеством, смягчила бы дефицит в гребенной пряже.

Перспективы внедрения искусственного волокна в хлопчатобумажной промышленности в ближайшие 3—5 лет должны быть исчислены примерно в 40—50 тыс. *t* искусственного волокна. Разумеется, такая программа рассчитана на ввод в действие новых ткацких и красильно-отделочных фабрик, но, с другой стороны, она избавит нас от необходимости построить примерно миллион прядильных веретен.

Трикотажная промышленность Союза в настоящее время потребляет около 35 тыс. *t* разных волокон (хлопок, шерсть и искусственный шелк). Эта отрасль, по существу заново созданная в Советском союзе, развивалась и продолжает развиваться чрезвычайно интенсивно. Второй пятилетний план предусматривает строительство 18 крупных трикотажных предприятий и чрезвычайно бурные темпы развития этой отрасли промышленности. При этих условиях переработка искусственного волокна в трикотажной промышленности в ближайшие несколько лет должна быть доведена примерно до 15 тыс. *t*. Вопрос об оборудовании в трикотажной промышленности для освоения и внедрения искусственного шелка не имеет ничего специфического: необходимы обычные универсальные трикотажные машины, пригодные для переработки различных волокон. В этой отрасли широкое применение может найти медноаммиачный шелк.

В шелкоткачестве абсолютные размеры потребления искусственного шелка на существующем ныне оборудовании не очень велики и не превысят 3 тыс. *t*. Однако здесь стоит проблема строительства ткацко-красильно-отделочных комбинатов, специализированных на выработке тканей из высококачественного искусственного шелка медноаммиачного и ацетатного. При этом отметим, что оборудование для таких комбинатов в СССР еще не освоено и в силу особых к нему требовавший освоение это для наших

машиностроительных заводов представляется довольно сложной задачей, к разрешению которой надо приступить немедленно.

Шерстяная промышленность главным образом явится потребителем штапельного волокна, переработка которого составит около 5 тыс. *t* в год и смягчит дефицит в тонких и полугрубых шерстях. Громадные потенциальные возможности по переработке штапельного волокна имеются и в хлопчатобумажном прядении как в смеси с хлопком, так и в чистом виде. Но необходимо иметь в виду, что при этом понадобятся дополнительные прядильные мощности.

Помимо перечисленных отраслей текстильной промышленности довольно большой спрос на искусственный шелк предъявляется со стороны галантерейной промышленности и промкооперации.

Приведенные нами исчисления, хотя и не претендующие на абсолютную точность (поскольку они выходят за рамки второго пятилетнего плана), приводят к выводу, что расширение производства искусственного волокна в течение ближайших лет до 60—70 тыс. *t* в год соответствовало бы насущным потребностям нашего народного хозяйства. К реализации этого большого плана необходимо приступить немедленно. Достигнутый нами технический уровень позволяет осуществить еще в текущем году как проектирование ряда новых объектов, так и реконструкцию действующих предприятий. С начала 1936 г. необходимо развернуть широкое строительство.

Само собой разумеется, что последние достижения заграничной техники, обусловившие высокое качество волокна и снижение издержек производства, должны быть полностью учтены в наших проектах. Строительство фабрик искусственного волокна в указанных пределах дало бы стране дополнительно около 600—700 млн. *м* высококачественных тканей и значительно обогатило бы ассортимент текстильной продукции. Одновременно это строительство явилось бы одним из путей реализации задач, поставленных XVII партсъездом в области дальнейшей индустриализации и технической реконструкции нашей страны и повышения ее обороноспособности.

Развитие промышленности искусственного волокна даст огромный толчок дальнейшему росту нашей легкой промышленности и позволит в кратчайший срок разрешить задачу подъема материального благосостояния трудящихся на значительно более высокую ступень. В этом между прочим заключается принципиальное отличие перспектив развития искусственного волокна у нас от путей капиталистической промышленности искусственного волокна, где рост этой отрасли является лишь одним из этапов подготовки к войне, выражением безудержной конкуренции и жесточайшего нажима на жизненный уровень рабочего класса.

Борьба за транспорт и задачи транспортного машиностроения

Одним из показателей технической отсталости железных дорог царской России являлся подвижной состав. По сравнению с передовыми капиталистическими странами Европы Россия в 1913 г. имела следующий подвижной состав на 100 км пути:

Страны	паровозов	пассажир. ваг.	товар. ваг.
Россия	30	24	623
Англия	72	233	2 257
Германия	50	145	1 065
Франция	35	72	910

Меньшему количеству подвижного состава в России соответствовало и более низкое качество его. Паровозный парк в основном был маломощным, устарелым и к тому же многотипным. Средняя сила тяги паровоза товарного парка составляла 8,4 т, а пассажирского — 7,5 т. Около 25% состояло из паровозов, прослуживших свыше 25 лет, но имелись и паровозы со сроками службы свыше 50 лет. В 1905 г. было 844 серии паровозов, которые сохранились до самого начала империалистической войны.

Не в лучшем положении находилось и вагонное хозяйство. В основном парк товарных вагонов состоял из двухосных вагонов универсального типа с малой грузоподъемностью. Средняя осность товарного вагона составляла 2,03 осей, а грузоподъемность его была около 15 т, что в 2½ раза ниже грузоподъемности американских вагонов того времени. Вагоны имели несовершенную конструкцию, были весьма разнообразны по типам: всякая железная дорога заказывала свой тип, несмотря на то, что это вызывало большие затруднения как в производстве, так и в эксплуатации.

Все это вместе взятое, а главное, хищнически непроизводительное использование подвижного состава, присущее капиталистическому транспорту, привело к тому, что при сравнительно небольшом грузообороте железные дороги царской России не могли справиться с ним.

Разрушение ж.-д. транспорта, подготовленное всей предыдущей историей развития железных дорог в царской России, неуклонно продолжалось после Февральской революции. Во время керенщины ж.-д. транспорт пришел в состояние полной разрухи. «России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неизмеримо и расстраивается все больше. Железные дороги станут» — писал Ленин накануне Октября¹.

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 159.

Начавшаяся после Октября стихийная демобилизация старой армии окончательно дезорганизовала работу транспорта. В немалой степени разрушению железных дорог содействовали открытый и скрытый саботаж вожущечных слоев ж.-д. администрации и дезорганизаторская деятельность вижжелевских социал-предателей. Советская власть с первых дней взялась за укрепление транспорта. Временно удалось удержать транспорт от дальнейшего падения, но это улучшение продолжалось недолго. С наступлением гражданской войны и интервенции положение транспорта еще больше ухудшилось. Белогвардейские банды при отступлении сжигали и взрывали целые парки подвижного состава. В период гражданской войны белогвардейцами было разрушено и разгромлено огромное количество ж.-д. имущества, оцениваемое в сумме 5 млрд. руб. золотом. Было разрушено 3 672 моста, повреждено 72 км пролетных мостовых строений, 381 стойло паровозных депо, 16 тыс. м мастерских, 92 260 км телеграфных проводов и т. д. и т. п.¹ Еще в конце 1917 г. пришлось исключить 5 500 паровозов как совершенно непригодных для дальнейшей эксплуатации. В дальнейшем количество здоровых паровозов и вагонов катастрофически падает.

В 1920 г. партия выбрасывает лозунг «все на транспорт». Одной из важнейших задач восстановления транспорта являлось оживление парка подвижного состава.

Совместной работой промышленности и транспорта дальнейшее падение числа здорового подвижного состава не только приостановилось, но был сделан крутой перелом в сторону его оздоровления. Количество здоровых паровозов и вагонов в 1920 г. увеличилось почти в два раза по сравнению с низшими точками 1918—1919 гг.

Подвижной состав в 1918—1920 гг.

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Общее наличие исправных паровозов	4 679	4 141	7 323
Общее наличие исправных вагонов	141 329	204 710	325 199

К концу восстановительного периода общее наличие паровозов и вагонов вплотную приблизилось к парку предвоенных лет, причем восстановление происходило на новой технической основе модернизации и обновления подвижного состава. От производства «коробочек» вагоностроение сперва переходит к выпуску 20-тонных вагонов, а в 1926/27 г. осваивается производство большегрузных крытых вагонов и четырехосных цистерн.

Еще более крупные технические сдвиги за этот период происходят в локомотивостроении. Начиная с 1925 г. производятся реконструкция и модернизация отобранных для производства старых типов паровозов. Пассажирский паровоз серии «С» реконструируется Коломенским заводом и по существу превращается в новый мощный паровоз. На товарном паровозе серии «Э» вводится ряд усовершенствований: увеличивается поверхность пароперегревателя, ставятся новые золотники системы Трофимова, сальники Шестакова, шариковые соединения труб пароперегревателей к коллекторам и т. д.

Помимо усовершенствования паровозов предпринимается большая работа по внедрению новых типов двигателей на железных дорогах.

Уже в 1920/21 г., в момент наибольшего упадка железных дорог, Ленин ставит в упор вопрос о необходимости электрификации ж.-д. транспорта. Одновременно Ленин занимается вопросом введения теп-

¹ Сборник «Власть Советов за 10 лет», стр. 75

ловозной тяги на железных дорогах. 4 января 1922 г. СТО вынес специальное постановление по тепловозам, и был объявлен международный конкурс на лучший тип тепловоза. В 1921 г. было организовано проектирование трех типов тепловоза, из коих два заказаны были за границей и один построен силами ленинградских рабочих. В 1924 г. два тепловоза «ЮЭ-001» и «ГЭ-002» были готовы и переданы в эксплуатацию.

Особенно крупные успехи в укреплении парка подвижного состава достигнуты нами в годы первой и двух лет второй пятилетки. За этот период, т. е. с 1928/29 по 1934 г., транспорт получил от тяжелой промышленности новое пополнение в 4 922 паровоза, 6 402 пассажирских и 113 011 товарных вагонов (в двухосном исчислении), что увеличило парк подвижного состава на 28% по паровозам и на 21% по товарным вагонам по сравнению с 1913 г. Еще более показателен этот рост, если брать не абсолютные показатели (в физических единицах), а мощность парка. По мощности (грузоподъемность парка товарных вагонов, сила тяги паровозного) за этот же период рост выражается в 67% по паровозам и в 48% по товарным вагонам.

Пополнение новым, более совершенным подвижным составом внесло существенные изменения в структуру парка. Средняя грузоподъемность одного товарного вагона увеличилась на 25% по сравнению с довоенным периодом, а средняя сила тяги товарного паровоза увеличилась на 48%, больше половины парка паровозов состоит из мощных серий. В значительной мере увеличился удельный вес открытых вагонов, составив на конец 1934 г. около 26% вместо 18% в довоенное время. За эти годы в большом количестве появились большегрузные вагоны (57 600 вагонов к концу 1934 г.). Заканчивается подготовительная работа по переводу товарных поездов на автоматическое торможение. К концу 1934 г. 144 тыс. товарных вагонов были оборудованы автотормозами, 377 тыс. — пролетными трубами (в 1913 г. непрерывными тормозами были снабжены только 2 817 товарных вагонов). Появляются первые партии вагонов с автоматической сцепкой (к концу 1934 г. были оборудованы автосцепкой 2 300 вагонов).

За истекший период советский ж.-д. транспорт достиг значительных успехов в деле использования подвижного состава по сравнению с царской Россией. Темпы роста грузооборота обгоняют рост парка. Как уже было указано, мощность парка в 1934 г. выросла на 67% по паровозам и на 48% по товарным вагонам, грузооборот вырос на 207%, напряженность работы подвижного состава (работа на одну тонну силы тяги паровозов или на одну тонну грузоподъемности вагонов и т. д.) уже в 1932 г. возросла для паровозов на 76% против 1913 г., для товарных вагонов на 58% и для пассажирских вагонов на 75%.

Однако эти достижения совершенно недостаточны и незначительны по сравнению с теми возможностями, которые таятся в нашем подвижном составе при правильном использовании его. Плановая система нашего хозяйства и социалистические формы труда позволяют обогнать не только показатели работы технически отсталого ж.-д. транспорта царской России, но и показатели передовых капиталистических стран. Между тем измерители работы нашего ж.-д. транспорта все еще значительно отстают от измерителей наиболее передовых капиталистических стран. Речь конечно не идет о так называемых «средних» измерителях, а об основных, решающих показателях, как например скорость движения поездов.

Коммерческая скорость грузовых поездов СССР и США (км в час.)

Страны	1923 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
СССР . . .	12,8	13,4	13,2	13,6	14,1	13,3	12,4	13,2	14,3	13,7	14,3
США . . .	17,5	18,9	19,1	19,7	20,6	21,1	22,1	23,7	24,8	25,1	25,4
США в % к СССР	136	141	145	145	146	159	178	179	173	183	178

Коммерческая скорость на наших дорогах значительно ниже американской, а главное, соответствующие данные на наших дорогах почти стабильны, в то время как на дорогах в США они все время увеличиваются. То же самое наблюдается по пассажирскому движению.

Конечно если взять такой показатель, как среднесуточный пробег товарного вагона, то окажется, что он у нас больше. Но это не означает, что наш вагон движется быстрее. Большое влияние на увеличение среднесуточного пробега имеет средняя дальность пробега от погрузки до погрузки, а она у нас больше, чем в какой-либо стране. Средняя дальность пробега груженого вагона увеличилась с 495 км в 1913 г. до 729 км в 1934 г. Но главное, чего нельзя упустить при анализе использования подвижного состава у нас и в капиталистических странах, — это различие социально-экономических условий. Плановая система нашего хозяйства позволяет нам гораздо лучше использовать подвижной состав. Ведь даже в отношении американских железных дорог, где лучше всего используется подвижной состав, бесплановость капиталистического общества приводит к беспредельному, нерациональному использованию состава.

В целях привлечения грузов железные дороги предоставляют всяческие льготы грузоотправителям в смысле удлинения срока погрузки и разгрузки. При учете, что большое количество подвижного состава является «безработным» и «складами на колесах», окажется, что единица рабочего парка (а не инвентарного наличия) железных дорог США все еще работает больше, чем у нас. При этих условиях «горе-теоретики» из НКПС старались доказать, что мы уже обогнали показатели американских железных дорог.

«Нет ничего более жульнического, чем подобного рода утверждения. Эти горе-теоретики выставляют нам в качестве образца отрицательную сторону капиталистического хозяйства, что-де в Америке вагон используется меньше, чем у нас, и поэтому следует признать удовлетворительным существующий у нас оборот вагонов, рекомендуя при этом узаконить те простые вагоны, которые у нас имеются. Нечего и доказывать, что это — чисто буржуазная теория, игнорирующая преимущества планового советского хозяйства, которое позволяет избежать хищнически непроизводительных затрат времени и материальных ресурсов, неизбежных в буржуазном хозяйстве»¹.

Исторические приказы т. Кагановича «об ускорении оборота вагонов» и «о борьбе с крушениями и авариями» вскрыли те громадные резервы, которые имеются на ж.-д. транспорте. Они заложены прежде всего в потерях из-за аварий и крушений. «Только за 1934 г. было повреждено в различной степени около 7 тыс. паровозов, разбито 4½ тыс. вагонов и повреждено свыше 60 тыс. вагонов» (Каганович).

¹ Л. М. Каганович, Речь на совещании работников ж.-д. транспорта.

Крушения и аварии не только выводят из строя громадное количество локомотивов и вагонов, но и нарушают на продолжительное время нормальное движение. Борьба с авариями — решающее звено подъема ж.-д. транспорта. Успех этой борьбы зависит только от людей. Анализ аварий целого ряда дорог показывает, что подавляющее большинство всех аварий и крушений является следствием халатной, преступно небрежной работы обслуживающего персонала и лишь меньшее количество приходится на так называемые технические причины, которые также в значительной мере зависят от людей. Изломы осей, бандажей и рельсов, как и разрывы поездов, проезд закрытых семафоров являются результатом одних и тех же причин, а именно плохого качества работы и отсутствия дисциплины.

«Только отсутствием настоящей оперативной борьбы с расхлябанностью и недисциплинированностью, только формальным бездушным отношением к крушениям и механической передачей дел в прокуратуру и суд, только неумением или нежеланием командиров транспорта — от начальников дорог до начальников станций — организовать по-настоящему машинистов, кондукторские бригады, стрелочников и составительские бригады и внедрить в железнодорожное дело дух дисциплины — можно объяснить то печальное и позорное явление, что число аварий и крушений не сокращается, а все еще продолжает расти» (из приказа т. Л. М. Кагановича от 19/VI 1935 г.).

Борьба с авариями и реализация других мероприятий по ускорению оборота вагонов показали, какие громадные внутренние ресурсы имеются на ж.-д. транспорте, и опрокинули буржуазные теории «предела». Транспорт в отдельные дни уже грузит до 75 тыс. вагонов, что превосходит прошлогодний уровень на 30—40%. И это только начало подъема. Транспорт и при наличном подвижном составе имеет возможность дальнейшего увеличения роста погрузки.

Проводимая партией политика всемерного улучшения работы существующего парка подвижного состава ни в какой мере не может быть противопоставлена генеральной линии партии на коренную реконструкцию ж.-д. транспорта. Эта политика не имеет ничего общего с установками правых оппортунистов, которые отрицали необходимость реконструкции транспорта и механически противопоставляли ей рационализацию. Эти установки нашли наиболее яркое выражение в выступлениях т. Бессонова и в редактируемом им журнале «Транспорт и хозяйство»¹. Впрочем отрицание реконструкции подвижного состава переплетается с левацким игнорированием существующего подвижного состава. Тов. Бессонов писал: «Мы должны взять твердый курс на максимальную интенсификацию использования наших паровозов: чем скорее мы будем их изнашивать, тем скорее мы сможем перейти на новые, более совершенные средства тяги»².

Точно так же ничего общего с политикой партии не имеют взгляды «левых» оппортунистов на реконструкцию транспорта. «Левые» оппортунисты, сочиняя фантастические планы реконструкции (как например проект железной дороги Кузбасс—Америка Ковалевского),

¹ В этом журнале в 1930 г. помещена статья «Нужно ли строить новые вагоны», где автор (Чаманский), отрицая необходимость реконструкции подвижного состава, приходит к выводу, что «ни вагоностроительного завода, ни вагонов в массовом масштабе (кроме специальных) строить пока не надо. Средства, предусмотренные на вагоностроение, должны быть направлены: 1) на мероприятия по ускорению оборотов вагонов на сети и 2) на постройку новых линий».

² «Проблемы экономики». 1930 г., № 4—5, стр. 141.

отвлекали внимание от улучшения работы существующего подвижного состава.

Партия ставит себе задачей наряду с максимальным улучшением работы существующего подвижного состава завершить начатую техническую реконструкцию транспорта. Тов. Молотов в своем докладе на XVII партсъезде указал, что «в связи с задачей быстрого увеличения грузооборота дело технической реконструкции транспорта, и прежде всего ж.-д. транспорта, должно быть в центре наших хозяйственных задач». Дальше т. Молотов отметил, что «большое значение имеют мероприятия, намеченные в отношении подвижного состава». В отношении же подвижного состава XVII партсъездом намечено: а) увеличение парка локомотивов с 19,5 тыс. штук в 1932 г. до 24,6 тыс. штук в 1937 г. при одновременном осуществлении перехода к более совершенным типам локомотивов: мощный паровоз «ФД» должен стать во втором пятилетии основной единицей товарного паровозного парка, а мощный паровоз «ИС» — основной единицей пассажирского парка; более широкое применение должны найти тепловозы и электровазы; б) рост вагонного парка с 552 тыс. штук в 1932 г. до 800 тыс. штук в 1937 г. (в двухосном исчислении) при значительном увеличении удельного веса большегрузных вагонов и оборудовании полностью всего вагонного парка автотормозами и не меньше половины вагонного парка автосцепкой¹.

Ведущим элементом ж.-д. транспорта являются средства тяги. Увеличение грузооборота требует повышения мощности двигателя, и поэтому основным моментом реконструкции транспорта является переход на новые типы мощных локомотивов. Однако реконструкция локомотивного парка не может быть оторванной от реконструкции всех остальных элементов ж.-д. транспорта, так как увеличение мощности локомотива вызывает увеличение их веса и нагрузки на ось, которые должны соответствовать верхнему строению пути и сцепному прибору.

Реконструкция вагонного хозяйства железных дорог в меньшей степени связана с остальными элементами реконструкции транспорта и поэтому может быть проведена в первую очередь. В дореволюционной России, когда преобладающим грузом была продукция сельского хозяйства, основным типом товарного вагона являлся крытый вагон малой грузоподъемности. Индустриализация страны изменила структуру грузооборота, выдвинув на первое место такие грузы, как уголь, руда, нефть, стройматериалы и прочие массовые промышленные продукты. Перевозка данных грузов требует иного типа вагона, который должен быть большегрузным и в основной массе специализированным, открытого типа. Большегрузный вагон имеет значительные преимущества по сравнению с двухосным. По многочисленным опытам, сделанным в Германии, преимущества большегрузных вагонов представляются в следующем: для перевозки 1 020 т угля можно применить состав в 51 вагон грузоподъемностью в 20 т, или же 17 вагонов грузоподъемностью в 60 т.

Важнейшим составным элементом реконструкции транспорта является введение автосцепки и автоторможения. Существующая винтовая сцепка рассчитана на тяговое усилие в 12—16 т при разрывном усилии в 40—45 т. При введении мощных двигателей растягивающее усилие возрастает, и винтовая стяжка не выдерживает таких усилий. Усиление винтовой стяжки возможно за счет увеличения веса, но

¹ Из резолюции XVII партсъезда «О втором пятилетнем плане».

этому препятствует физическая сила сцепщика. Переход на автосцепку помимо того, что устраняет тяжелый и опасный труд сцепщика, увеличивает пропускную способность железных дорог, устраняет разрывы поездов и укорачивает длину поезда на 15% (за счет буфера).

Автоторможение повышает скорость движения поездов, увеличивает пробеги подвижного состава, устраняет разрывы, уменьшает потребность в рабочей силе и т. д. Отсюда видно, насколько важны эти реконструктивные мероприятия.

Техническая политика реконструкции транспорта не могла ограничиться лишь намечением общей линии реконструктивных мероприятий по подвижному составу, необходимо было разрешить и целый ряд частных вопросов, вытекающих из общей линии. Такими являются в части тяги определение удельного веса и места отдельных видов тяги (паровой, электрической и т. д.), выбор типов локомотивов и наиболее подходящих типов вагонов.

Главную роль в локомотивном парке играет паровой двигатель. Паровоз по своим эксплуатационным свойствам является наиболее удобным двигателем, но теплотехническая экономичность его крайне низка: коэффициент полезного действия паровоза не превышает 7—8%.

Значительное повышение теплотехнической экономичности паровоза возможно лишь путем изменения конструкции существующего паровоза. Такими являются турбовозы и паровозы высокого давления, которые увеличивают коэффициент полезного действия в 3 раза и вместе с тем в громадной степени повышают мощность паровоза. Но эта проблема пока находится в периоде разработки и опытных конструкций, и поэтому, когда мы говорим о паровозах, нужно иметь в виду существующие типы паровозов степенсеновской конструкции.

Решением июньского пленума 1931 г. ЦК ВКП(б) «ведущим звеном реконструкции железнодорожного транспорта в перспективе его развития является электрификация железных дорог». Необходимость широкой электрификации железных дорог обуславливается возрастанием грузооборота, который не может быть освоен паровой тягой. На электрифицированных линиях повышается провозная способность по сравнению с паровой тягой примерно в 3 раза, получается экономия в расходе топлива, металла на производство эквивалентных локомотивов, в капитальных затратах по пути, водоснабжению и прочим сооружениям и т. д.

Эти положения о преимуществах электрификации блестяще оправдались на практике как заграничных, так и наших железных дорог. Опыты производились на целом ряде участков в условиях равного грузооборота с применением электровозов советского производства «0—3—3—0 ВЛ» с нагрузкой на ось в 19 т и паровоза «ФД» с нагрузкой на ось в 20 т.

Провозная способность электрифицированного участка Сурамского перевала увеличилась с 18 пар поездов при паровой тяге до 26 пар при электротяге при одновременном уменьшении количества локомотивов с 46 паровозов типа «Э» до 14—15 электровозов. Среднесуточный пробег электровозов за 1934 г. составил в среднем 224 км против 124,5 км пробега паровозов, а скорость (техническая и коммерческая) увеличилась на 50%.

Несмотря на явные преимущества электрификации железных дорог, она в капиталистических странах развивается черепашьими шагами. За 35 лет с момента постройки первой электрифицированной железной дороги в Балтиморе до 1930 г. в капиталистическом мире было по-

Эффективность электровоза по сравнению с паровозом
(в %. За 100 приняты показатели при паровой тяге)¹

Магистраль	Коммерческая скорость	Потребность в локомотивах	Потребность в персонале	Потребность в энергии	Потребность в металле	Эксплуатационные расходы и себестоимость
Закавказская ж. д. . . .	118	60,6	68,0	35,0	81,5	80,0
Кизил—Свердловск . . .	127	62,1	75,5	44,0	81,0	81,0
Ясиноватая—Долгинцево .	118	60,2	68,5	34,5	86,5	74,0
Дебальцево—Звереве . . .	119	56,9	69,5	33,5	84,5	66,0

строено 14 тыс. км главных путей, что составляет немногим более 1% протяженности железных дорог. Только в условиях Советского союза возможно использование всех преимуществ электрификации.

Следующим элементом реконструкции транспорта является переход на тепловозную тягу. Тепловоз, имея целый ряд преимуществ перед паровозом, в своей значимости отстает перед электровозом. Однако этим не умаляется значение тепловозов. Тепловозы найдут себе широкое применение главным образом в безводных местностях (Средняя Азия, Сталинград и т. д.).

Чрезвычайно важным для нас является вопрос об ускорении пассажирского движения. Выше мы уже отмечали отставание в этой отрасли. Наши лучшие поезда развивают скорость не свыше 56 км в час, что же касается средней коммерческой скорости по всей сети наших железных дорог, то она в 1934 г. составила лишь 31,4 км в час. Для повышения скорости транспорт нуждается в новом мощном быстроходном двигателе, так как существующий пассажирский паровоз серии «С», хотя конструктивная скорость его целиком не использована, все же не в состоянии разрешить проблему увеличения скорости пассажирского движения. Наряду с проблемой повышения средней скорости по всей сети со всей остротой встал вопрос о сверхскоростном движении. В условиях громадных пространств нашей страны эта проблема приобретает особо актуальное значение.

Крайне характерно то направление, в котором работает сейчас техническая мысль транспортного машиностроения в капиталистических странах. Основной вопрос — это создание быстроходного подвижного состава, могущего по скорости конкурировать с автомобилем. И нужно признать, что за последние годы в этом отношении сделано чрезвычайно много. Новые виды подвижного состава и локомотивов показывают рекордные скорости: «гамбургский бегун» (летающий гамбуржец) в Германии со скоростью в 160 км в час, «зефир» и «юнион пасифик» в США со скоростью в 176 и 180 км в час, «голубая стрела» в Бельгии, паровые сверхэкспрессы во Франции, Англии и США со скоростью до 130 км в час, электровоз на линии Нью-Йорк—Вашингтон со скоростью до 140 км в час и т. д. Все эти новые виды подвижного состава имеют несомненный интерес и для нас (конечно не в целях борьбы с автотранспортом) и являются более реальными, чем имеющиеся проекты сверхскоростного транспорта у нас (аэропоезд Вальднера, шароэлектроролотковый Ярмольчука и т. д.), которые

¹ «Плановое хозяйство», 1934 г., № 2.

сами по себе очень интересны, но имеют тот недостаток, что в большинстве своем не увязаны с существующей сетью железных дорог.

Само собой разумеется, что речь идет не о голом копировании иностранного опыта, несомненно, что при использовании этого опыта необходим критический подход с учетом наших условий. Наиболее полно разработанным видом подвижного состава являются автомотриссы с двигателем внутреннего сгорания, но и они имеют незначительное количество мест (72—125), и это для нас в условиях все возрастающего пассажирского движения является неприменимым. Но принципы, заложенные в подобном подвижном составе, и методы изготовления их (обтекаемость, применение легких металлов и т. д.) заслуживают всяческого внимания.

Таким образом реконструкция транспорта в части подвижного состава предъявляет требования: 1) усиления мощности двигателя для грузовых перевозок; 2) усиления мощности и увеличения скорости двигателя для пассажирского движения; 3) создания новых видов транспорта для сверхскоростного движения; 4) увеличения грузоподъемности и удельного веса открытых, специализированных грузовых вагонов; 5) увеличения количества мест в пассажирских вагонах и 6) введения автоматической сцепки и автоторможения, без которых невозможно полное использование мощности локомотивов и большегрузных вагонов.

Из перечисленных выше требований к промышленности социального транспорта в части подвижного состава видно, какая грандиозная ответственная работа предстоит транспортному машиностроению во второй пятилетке. Задача чрезвычайно напряженная, но для ее выполнения имеются все возможности. Достигнутый советским машиностроением технический уровень позволяет разрешить эту задачу. Основная масса подвижного состава, необходимого для технического перевооружения транспорта, уже нами освоена.

Главным вопросом в области локомотивостроения в первой пятилетке являлся выбор типа мощного паровоза. Здесь предстояло решить, по какому пути идти: по пути Америки с ее сверхмощными паровозами с нагрузкой на ось в 27 и выше тонн или же выбрать другой путь, более соответствующий нашим условиям. Американский путь помимо того, что он сопряжен с огромными затратами металла и средств на смену рельсов, усиление верхнего строения пути и мостов и т. д., сам по себе заслуживает критического отношения. Пересмотр должен идти по двум направлениям: во-первых, целесообразности сверхмощного паровоза в условиях электрификации железных дорог, когда линии, работающие с нагрузкой в 4—5 млн. т на 1 км, целесообразнее всего перевести на электротягу, и, во-вторых, возможности усиления мощности паровоза без соответствующего усиления нагрузки на ось. Для разрешения всех этих вопросов нужно было провести большую опытную работу. Для проведения опытов были заказаны десять мощных паровозов типа «1-5-2» и «1-5-1» и один паровоз сочлененной системы Гаррата типа «2-4-1+1-4-2».

Мощные паровозы постройки американских заводов Болдвина и АЛКО, оказавшиеся не совсем безупречными в части конструкции, все же показали значительные преимущества мощных паровозов. Но в силу присущих им конструктивных недостатков они не могли явиться

прототипом паровоза производства советских заводов. Результаты испытания всех этих типов показали, что голое копирование зарубежных паровозов без учета конкретных условий эксплуатации на наших железных дорогах не обеспечивает выбора наиболее совершенного типа. Такой совершенный тип паровоза, являющийся наилучшим достижением мировой техники, был создан по проекту ТООПТУ Центральным локомотивным бюро. Проект ТООПТУ учел основные факторы, ограничивающие нагрузку на ось и силу тяги, — существующую винтовую стяжку и рельсы. Наиболее тяжелые рельсы наших железных дорог и винтовая стяжка ограничивают давление на ось и силу тяги не свыше 20 тыс. кг. Эти величины были положены в основу проекта нового паровоза.

Первый паровоз этого типа был построен еще в 1931 г. на старом Луганском заводе, и по предложению рабочих он получил название «ФД» (Феликс Дзержинский). Паровозы «ФД» являются мощными паровозами с пятью ведущими и двумя поддерживающими осями с давлением на ось в 20 т. Паровоз имеет механическую подачу угля (стоккер) и бустер, устанавливаемый на тендер с целью облегчения работы на крутых подъемах, и целый ряд новейших усовершенствований. Провозная способность «ФД», учитывая не только усиление мощности, но и увеличение скорости, по сравнению с паровозами «Э» и «ЭУ» увеличилась на 70—80%¹.

Вместе с тем испытания показали преимущества паровоза «ФД» не только по сравнению с паровозами старых серий, но и по сравнению с указанными американскими паровозами серии «ТА» и «ТБ».

Разработка мощного товарного паровоза в огромной степени способствовала созданию сверхмощного пассажирского паровоза типа «1-4-2» серии «ИС» (Иосиф Сталин). Одинаковый вес и общее количество осей и одинаковые соотношения между сцепным весом и диаметром колес у паровозов серии «ФД» и «ИС» позволили объединить значительное количество деталей: котлы с арматурой и гарнитурой, цилиндры, поршни, крейцкопфы, золотники, оси, буксы и т. д. Общность важнейших частей и деталей обоих паровозов окажется чрезвычайно важной как в процессе производства, так и в процессе эксплуатации и ремонта. По своим качествам паровоз «ИС» представляет собой лучший образец мощных паровозов. Мощность этого паровоза более чем в полтора раза превосходит наиболее мощные из современных паровозов серии «СУ». Паровоз может водить составы свыше 1 тыс. т, что почти в два раза тяжелее предельных составов поездов Октябрьской железной дороги. Скорость паровозов до 100 км в час. Паровоз снабжен всеми новейшими усовершенствованиями (стоккер, инжектор, золотники системы Трофимова и т. д.). Оба типа паровозов в производстве освоены и выпускаются Луганским и Коломенским заводами.

Наряду с освоением мощных паровозов были предприняты большие работы по созданию сверхмощных паровозов. Имеется несколько проектов паровозов с силой тяги в 25—28 т, но эти проекты не закончены.

Затруднения с проектированием сверхмощных паровозов обуславливаются необходимостью создания мощного двигателя без зна-

¹ При испытании паровоза «ФД» на одном из самых тяжелых участков Южных железных дорог (участок Яма — Нырково, имеющий подъем 9,50‰) паровоз вел состав весом в 1 700 т со средней скоростью 22 км в час. Паровоз «Э» ведет состав в 1 080 т со скоростью в 12 км в час. Эксплуатационные результаты использования паровоза «ФД» на участке Основа — Красный лиман дают указанное увеличение в 70—80%.

чительного увеличения давления на ось по сравнению с паровозом типа «ФД». Советскими конструкторами преодолены и эти трудности. Построенный первый опытный паровоз типа «2-7-2», являясь самым мощным паровозом в Европе, в то же время имеет нагрузку на ось такую же, как и «ФД». Мощность «2-7-2» = 3 тыс. л. с., что превосходит мощность «ФД» на 50%. Этот паровоз-гигант может тянуть состав в 2 500 т со скоростью в 70 км в час (паровоз «ФД» тянет состав весом в 2 тыс. т со скоростью 25 км в час).

Проведенные испытания подтвердили значительные преимущества паровоза «2-7-2» перед другими паровозами и вместе с тем рассеяли опасения, связанные с эксплуатацией подобного рода двигателей. Опасения, что паровоз «2-7-2» не будет «вписываться» в кривые, расширять путь и будет неэкономичным в эксплуатации, оказались необоснованными. Проводимые испытания на опытном кольце дадут окончательные выводы об эксплуатационных свойствах паровоза, и если они подтвердят проектные данные, то тем самым будет решен вопрос о создании сверхмощного паровоза на период реконструкции транспорта.

Интересным типом паровоза средней мощности является паровоз «СО», переделанный Харьковским заводом из паровоза «ЭУ». При испытаниях этот паровоз дал очень хорошие показатели. Главное преимущество подобного рода паровоза заключается в том, что он доступен для производства и старым, не подвергающимся реконструкции паровозостроительным заводам.

Электровозостроение—совершенно новый этап в нашей промышленности. Его нужно было поставить заново, не имея никакого опыта. Первые магистральные электровозы для электрификации Сурамского перевала были заказаны за границей (США, Италия). Одновременно с этим начинается строительство собственных электровозов, сперва по американским чертежам, а потом (в 1932 г.) был создан свой оригинальный тип, получивший название «ВЛ» (Владимир Ленин). Сурамский электровоз имеет нагрузку на ось в 23 т и силу тяги в 24 т. Наши же рельсы типа «III-а» и существующая винтовая стяжка допускают максимальную нагрузку и силу тяги не выше 20 т. Это обстоятельство затрудняет применение этого типа электровоза для переходного периода. Поэтому в электровозах советского производства внесены существенные поправки в сторону уменьшения сцепного веса, нагрузки на ось и силы тяги. Электровоз «ВЛ» имеет сцепной вес 114 т, силу тяги 20 т и нагрузку на ось в 19 т. Несмотря на это, «ВЛ» дал значительно более высокие показатели, чем американские электровозы. Так, американский электровоз на Сурамском перевале с пробуксовкой с трудом реализовал 20 т тяги на крюке, в то время как советский электровоз «ВЛ» такое же усилие развивал свободно, равномерно и плавно. При этом американский электровоз развивал скорость 27 км в час, «ВЛ» в таких же условиях при руководящем подъеме в 9,2% показал скорость в 36,7 км в час. Помимо этого советский электровоз имеет еще целый ряд преимуществ перед американским: более мягкий плавный ход, секционная крыша, более удобное расположение машин и аппаратуры, циклическая система торможения и т. д. В советском электровозе облегчена задача монтажа и демонтажа оборудования. Вместо 200 отдельных объектов в американском электровозе «ВЛ» имеет только 14 объединенных агрегатов, которые монтируются в цехе на отдельных каркасах и потом через разборную крышу опускаются в высоковольтную камеру, где закан-

чивается монтаж. Такая система позволяет произвести монтаж в 14 дней вместо трех месяцев по американским нормам.

Производство электровозов освоено советскими заводами и в серийном порядке осуществляется на Коломенском заводе (механическая часть) и заводе «Динамо» им. Кирова (электрическая часть и монтаж). Электровоз «ВЛ» принят в качестве серийного и будет строиться на вновь строящемся Каширском электровозном заводе. Разрешена и проблема создания электровоза для пассажирского движения.

Тепловозостроение — одна из самых молодых отраслей локомотивостроения. В этой отрасли еще много неразрешенных технических вопросов, из коих главными являются несовершенство и сложность передаточного механизма. Осуществление непосредственной передачи движения от двигателя к колесам невозможно, и поэтому требуется специальный передаточный механизм. В тепловозах малой мощности (типа мотовозов) передача осуществляется посредством зубчатых колес, но в тепловозах большой мощности такая передача получается сложной и громоздкой. Поэтому в мощных тепловозах применяются другие передачи: электрическую, механическую, гидравлическую, пневматическую и т. д. Но все эти передачи пока что являются далеко еще не совершенными и нуждаются в дальнейшей разработке. Проблема передачи в тепловозе не разрешена еще ни в одной стране. Германия долгое время делала опыты с гидравлической передачей, но в результате десятилетних опытов принуждена была отказаться от такой системы. В настоящее время преобладающим видом передачи на тепловозах в Германии являются механическая и электрическая. Тепловозы итальянских, швейцарских и английских фирм являются разнокалиберными как по мощности, так в особенности по системе передачи. Здесь мы имеем передачи, начиная от паровоздушной (Царлатти в Италии) и до шатунной и электрической. Все эти тепловозы являются опытными и ни в какой мере не могут служить образцом для серийного производства. Несколько больших успехов в деле выбора постоянной системы передачи и стандартной мощности тепловоза достигли в США.

Большая работа проделана в области тепловозостроения в Советском союзе. Теоретическая разработка проблем тепловозостроения делалась еще в довоенной царской России. Но дальше теории дело не пошло. Осуществление этих теорий было не под силу технически отсталой России. Фактическое осуществление тепловозостроения стало возможным лишь после победы пролетариата. Выше уже было указано, что еще в восстановительный период нами было построено несколько тепловозов, причем строительство мощных тепловозов было начато у нас раньше, чем в других странах. Несмотря на это, нужно отметить, что капиталистические страны (Германия, США) обогнали нас в освоении тепловоза. Это нужно приписать тому факту, что тепловозостроением долгое время ведали вредители во главе с Осадчим. Им удалось задержать развитие тепловозостроения на несколько лет.

Большинство тепловозов, построенных в первой половине первой пятилетки, конструктивно неудачны и не могут лечь в основу серийной постройки. Перелом в тепловозостроении наступил во второй половине первой пятилетки, когда за проектирование тепловозов взялся транспортный отдел ОГПУ. Спроектированный ТООГПУ сверхмощный двоярусный тепловоз является наиболее совершенным типом для серийного производства. Тепловоз типа «2-4-1», снабженный двумя ди-

зелями, может работать одиночным порядком или в сдвоенном виде. При работе одиночным порядком он имеет силу тяги и мощности, равную паровозу «ЭМ». В сдвоенном виде после введения автосцепки тепловоз дает силу тяги в 32 т при скорости в 24 км в час на руководящем подъеме. Этот же тепловоз путем изменения передаточного числа зубчатых колес превращается в сверхмощный пассажирский тепловоз с максимальной скоростью 90 км в час.

Кроме этого совершенного типа ТООГПУ мы имеем еще два типа, пригодных для серийного производства: 1) тепловоз типа «1-4-1» системы Дыренкова и 2) тепловоз типа «2-5-1» с электрической передачей, с бескомпрессорным быстроходным дизелем мощностью в 1100 л. с.

К группе маломощных тепловозов нужно отнести и мотовозы. Мотовоз — крайне экономический двигатель для маневровых работ на ж.-д. транспорте и в качестве самостоятельного двигателя в промышленности. Роль мотовозов до последнего времени у нас не была учтена.

В то время как в США имеется громадное количество мотовозов на всех железных дорогах и заводы выпускают их в серийном порядке (одна фирма Болдвин построила свыше 6 тыс. мотовозов), у нас ни один завод до недавнего времени не занимался регулярной постройкой их. Освоением мотовозов занялся Калужский ремонтный завод НКПС. Нужно сказать, что этот завод достиг незаурядных успехов. Начав в 1929 г. производство автодрезин, завод в 1931 г. перешел на производство мотовозов в 40 л. с., а с конца 1932 г. — мотовозов в 66 л. с. широкой и узкой колеи. Наконец в первом году второй пятилетки Калужский завод сконструировал мотовозы в 300 л. с. с двухтактным двигателем своей конструкции. Решение задачи мотовозостроения падает на вторую пятилетку. Во второй пятилетке производством мотовозов уже занялся завод «Январское восстание» в Одессе, и в дальнейшем их будет строить новый завод промышленного транспорта в Новочеркаске.

Советскому вагоностроению, поставившему перед собой задачу вооружения транспорта новейшим, технически наиболее совершенным, подвижным составом, соответствующим новым качественным задачам и масштабам социалистического хозяйства, пришлось проделать громадную работу. Трудности были двоякого рода: 1) непригодность старых вагоностроительных заводов для производства новых вагонов, более сложных по конструкции и технологической обработке; 2) отсутствие конструкторов и конструкторского центра для проектирования. Царская Россия никогда не имела и не готовила специалистов по вагоностроению. Да и производство старых вагонов было настолько несложным делом, что не требовало технических кадров.

Трудности освоения новой техники на старых, непригодных заводах советским вагоностроением были преодолены. От прежних довоенных «коробочек» мы уже в 1926 г. переходим к большегрузным четырехосным вагоном. Завод «Красный Профинтерн» успешно справился с этой задачей и в течение нескольких лет наладил поточно-массовую систему сборки, достигнув раньше установленного времени проектной мощности. Особенно бурно происходил процесс освоения и внедрения новых производств в первой пятилетке. За первую

пятилетку нами освоены почти все новейшие типы вагонов, и сейчас нет ни одного вагона, которого мы не могли бы сделать. Заводом «Красное Сормово» освоен самый сложный вагон, необходимый для наших металлургических гигантов, — саморазгружающийся вагон типа думкар. Завод им. «Правды», освоив сначала производство двухосных 25-тонных рудных хопперов, в 1932 г. перешел к производству цельносварных четырехосных хопперов грузоподъемностью в 60 т. Крюковский завод после перехода в 1931 г. в промышленность освоил производство высокортных платформ и в 1932 г. перешел на изготовление большегрузных, саморазгружающихся вагонов типа гондол. Завод им. Урицкого освоил вагон перевозки торфа.

Особенно велики заслуги в деле освоения новых производств у завода «Красный Профинтерн». Завод освоил самые сложные типы вагонов. Им освоены следующие типы: четырехосный изотермический вагон; четырехосная цистерна для нефти и осветительных продуктов; цистерна-термос для перевозки битума; хоппер для угля; большегрузные платформы, и наконец в последнее время он приступил к изготовлению двенадцатиосного транспортера грузоподъемностью в 150 т. Двухосные цистерны для перевозки химических продуктов освоены заводом «Январское восстание» в Одессе. Специальные вагоны для промышленности освоены заводом им. Ковалева.

Николаевским судостроительным заводом им. Марти разработаны и освоены большегрузные цистерны оригинальной конструкции.

В первом году второй пятилетки вагоностроение освободило Советский союз от импорта наиболее сложных вагонов — трансферкар для кокса и руды.

Не менее крупные успехи мы имеем в деле освоения новых производств и в пассажирском вагоностроении. За годы первой пятилетки полностью освоены и введены в производство новые типы пассажирских вагонов.

Мытищинский завод освоил и развернул производство цельнометаллических вагонов для электрифицированных железных дорог. Полностью освоено и производство четырехосных и двухосных стандартных трамвайных вагонов.

В течение нескольких лет Советский союз проделал работу, которая в капиталистических странах продолжается уже свыше тридцати лет и за исключением США еще не завершена. Вагоностроение Западной Европы в смысле типов и грузоподъемности не на много ушло от царской России: преобладающим типом является двухосный вагон грузоподъемностью до 20 т. «Отечественным» же капиталистам размах нашего вагоностроения и не снился. Единственно, на что хватило сил и дерзости, — это запроектировать на вновь выстроенном во время империалистической войны Нижнеднепровском вагоностроительном заводе выпуск вагонов грузоподъемностью в 20 т.

Процесс внедрения новейших типов вагонов не шел по линии голого копирования иностранного опыта. Безусловно все то, что есть лучшего в заграничной практике, нами использовано, но использовано не слепо, а с учетом требований социалистического хозяйства.

Важнейшим элементом реконструкции транспорта является автоматическое торможение. Успехи советского машиностроения на этом участке настолько значительны, что на них необходимо остановиться более подробно.

Единственным монополистом в области производства тормозов до недавнего времени являлась фирма Вестингауз. Тормоз Вестингауза имеет ряд крупных недостатков, из коих главными являются: быстрая истощимость действия при длительных и быстро следующих друг за другом торможениях, слабое действие при повторном торможении без зарядки, зависимость давления в тормозных цилиндрах от ходов их поршней, отсутствие ступенчатого вала и т. д. Эти недостатки настолько значительны, что заставили железные дороги всех стран разработать новые конструкции тормозов. За последние годы (до кризиса) в капиталистическом мире разработан целый ряд новых систем тормозов: Кунце-Кнорре, Гильдебранд-Кнорре, Божеич, Дральсгаммер и др. В Советском союзе разработаны тормозы двух систем: тормоз Казанцева и тормоз Матросова. Советские тормозы даже по признанию капиталистических фирм являются лучшими в мире. Проведенные испытания показали преимущества советского тормоза перед лучшим из капиталистических тормозов — Кунце-Кнорре.

Тов. Казанцевым разработаны тормозы двух систем: двухпроводной и однопроводной. Особенностью двухпроводного тормоза является наличие двух воздухопроводов: тормозного и питательного, благодаря которым устраняются недостатки тормозов Вестингауза. Тормоз обладает абсолютной неистощимостью действия, ступенчатым отпуском, и величина давления в цилиндрах не зависит от износа колодок. Тормоз легко поддается регулированию. Некоторые неудобства, связанные с наличием двух магистралей, устранены в однопроводном тормозе. Однопроводный тормоз, сохранив основные принципы Казанцева, в эксплуатационном отношении представляет большие преимущества.

Однако тормоз Казанцева, являясь несравненно лучшим тормозом по сравнению с тормозами капиталистических фирм, уступает своему молодому собрату — тормозу Матросова. В тормозе Матросова имеются совершенно новые, неизвестные ранее свойства, а именно постоянство времени повышения давления в тормозных цилиндрах при торможении и понижения давления при отпуске независимо от различных диаметров тормозных цилиндров, ходов поршней и цилиндров и утечек в них. Это приводит к тому, что 1) повышается плавность хода поезда при торможении, так как каждый вагон тормозится в течение определенного времени вне зависимости от состояния его тормозных цилиндров; 2) длина тормозных путей, которая при всех прочих условиях зависит от времени наполнения тормозных цилиндров, является постоянной, в то время как во всех других тормозах длина тормозных путей изменяется в зависимости от состояния тормозных цилиндров.

Советской конструкторской мыслью разработаны еще более совершенные тормозы — электропневматический и системы т. Шавгулидзе. Воздушные автотормозы даже самых последних конструкций, какими являются советские тормозы, обладают одним недостатком: торможение зависит от скорости распространения воздушной волны по трубам, что при длинных товарных составах вызывает неодновременное торможение. Электропневматический тормоз, сохраняя все качества воздушного тормоза, устраняет этот недостаток. Электропневматическим тормозом снабжены некоторые составы на Северных железных дорогах и на Октябрьской («Красная стрела») и вагоны метро.

Современное транспортное машиностроение как по характеру про-

изводимого подвижного состава, так и по методам производства резко отличается от транспортного машиностроения царской России и далеко продвинулось вперед в области технического прогресса. Не менее важно и то, что в транспортном машиностроении созданы богатейшие кадры людей, овладевших высотами мировой техники. Транспортное машиностроение царской России почти не имело конструкторского аппарата. В настоящее время мы имеем мощный конструкторский аппарат, центральное локомотиво-паровозное бюро, центральное вагоно-конструкторское бюро и т. д. Мы имеем широко разветвленную сеть учебных заведений по транспортному машиностроению в Московском, Харьковском и Горьковском машиностроительных институтах, Луганский паровозостроительный институт, Бежецкий вагоностроительный институт, целый ряд техникумов и школ ФЗУ и т. д.

При наличии целого ряда успехов в части освоения новой техники в работе транспортного машиностроения имеются весьма существенные недочеты. Транспортное машиностроение, освоив все необходимое для реконструкции подвижного состава, не обеспечило регулярного серийного производства новых видов локомотивов, вагонов и отдельных частей. В первую очередь это относится к выпуску сверхмощных пассажирских паровозов «ИС», производство которых по существу не вышло за пределы выпуска опытных экземпляров. Единственный производитель паровозов «ИС» — Коломенский завод — выпустил за все время, начиная с 1931 г., только 5 штук и вряд ли сумеет перейти на серийное производство, учитывая его техническую вооруженность. Это объясняется тем, что производство мощных паровозов не под силу старым заводам, мощность которых рассчитана на изготовление маломощных паровозов. Поэтому настоятельная задача транспортного машиностроения — всемерно форсировать строительство Орского локомотивостроительного завода, запроектированного на выпуск паровозов «ИС». Производство этих паровозов возможно и на новом Луганском заводе, но это означало бы соответствующее уменьшение выпуска паравозов серии «ФД».

То же самое наблюдается в известной степени в вагоностроении. Несмотря на то, что новое пополнение вагонного парка должно происходить по преимуществу в виде большегрузных вагонов, вагоностроение все еще продолжает выпускать в большом количестве двухосные вагоны. Объясняется это тем, что специализированные заводы, не подвергшиеся реконструкции (им. Урицкого, Усть-Катавский), и большинство неспециализированных заводов не приспособлены для большегрузного вагоностроения.

То же с производством автосцепки, изготовление которой освоено целым рядом заводов (Коломенский, Ростовский завод НКПС, Можереж и т. д.), но в силу запоздания пуска новых сталелитейных, приспособленных для производства автосцепки (Бежецкая, завода им. «Правды», Нижнетагильского завода), оно не является достаточным для решения важнейшей задачи реконструкции транспорта.

Транспортное машиностроение в целом и в особенности вагоностроение не выполнили первого пятилетнего плана, так же как и плана первых двух лет второй пятилетки. В то же время частичное недовыполнение плана не означает, что не было роста выпуска подвижного состава. За годы первой и в особенности второй пятилетки заводы транспортного машиностроения показали высокие темпы рос-

та выпуска подвижного состава. В последнем году первой пятилетки было произведено на 84% больше магистральных паровозов и грузовых вагонов, чем в 1927/28 г., однако при этом нужно заметить, что в части выпуска грузовых вагонов транспортное машиностроение на протяжении трех лет топталось на одном месте и в 1932 и 1933 гг. показало некоторое снижение по сравнению с предыдущими годами.

Выпуск подвижного состава

	1928/29 г.	1929/30 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Паровозы типа НКПС . . .	576	625	810	828	954	1 934
Тепловозы	—	—	2	1	1	8
Электровозы	—	—	—	1	17	19
Промышленные паровозы .	138	203	134	115	74	161
Вагоны товарные в двухосном исчислении	15 830	23 714	23 111	22 538	20 102	32 783
Вагоны пассажирские . . .	488	827	1 406	1 263	1 296	1 490

Конечно при этом нужно учесть те глубочайшие сдвиги, которые произошли в структуре выпуска подвижного состава. Если еще в 1928/29 г. свыше 83% общего выпуска вагонов падают на крытые двухосные вагоны, то в 1932 г. их удельный вес снижается до 0,1%, а удельный вес специализированных вагонов (хопперы, гондолы, думкары, изотермические цистерны), в значительной мере большегрузных, поднимается от 8 до 65%. Еще большие сдвиги произошли в 1933—1934 гг., когда весь выпуск вагонов состоит исключительно из новых типов. Перестройка в связи с освоением новых типов вагонов в известной мере и явилась причиной замедления темпа роста выпуска. Но основная причина отставания транспортного машиностроения состоит в том, что эта важнейшая отрасль народного хозяйства недостаточно боролась за реализацию шести исторических условий вождя партии т. Сталина. Лишь в 1934 г. транспортное машиностроение сделало первый шаг по пути ликвидации своего отставания на важнейшем участке отрасли — в вагоностроении. В 1934 г. впервые было изготовлено 32 783 грузовых вагона (в двухосном исчислении) и в том числе для НКПС 29 443 вагона. В целом же транспортное машиностроение в 1934 г. выдвинулось на одно из первых мест по темпам роста выпуска продукции, дав за один год прирост свыше чем на 60% по грузовым вагонам и на 30% по паровозам.

Но и такие темпы крайне недостаточны по сравнению с потребностью транспорта. Транспортное машиностроение в значительной мере недовыполнило относительно скромных заказов (по сравнению с потребностью) транспорта. Сравнительно лучше шло снабжение локомотивами и совершенно неудовлетворительно — грузовыми вагонами.

Недоснабжение прошлых лет, создавшее дополнительное затруднение транспорту, еще резче выпячивает задачу промышленности — развернуть свою работу таким образом, чтобы обеспечить программу текущих лет и покрыть долг транспорту. Возможности для этого имеются. Выстроен крупнейший в Европе гигант паровозостроения в Луганске. Заканчивается строительство Нижнетагильского вагоностроительного комбината, равного которому нет в мире.

В результате проводимой реконструкции изменилось до неузнаваемости лицо старых предприятий. Общая мощность производственной базы транспортного машиностроения по окончании строительства и реконструкции составит свыше 5 тыс. локомотивов и 200 тыс. грузовых вагонов (в двухосном исчислении). Но и то, что уже построено и введено в эксплуатацию, обеспечивает громадное увеличение выпуска подвижного состава.

Не менее важно и то, что под транспортное машиностроение подведена прочная заготовительная и в первую очередь металлургическая база.

Блестящие успехи нашей черной металлургии обеспечивают небывалый подъем транспортного машиностроения (ввод в эксплуатацию цеха цельнокатаных колес на заводе им. Либкнехта, листовой стан на Кузнецком заводе и т. д.).

Поставленная наркомом тяжелой промышленности т. Орджоникидзе задача мобилизации резервов имеет особую остроту в транспортном машиностроении, которое в состоянии в значительной мере увеличить подвижной состав, используя свои внутренние ресурсы. Полезная продолжительность рабочего дня по большинству заводов не превышает $5\frac{1}{2}$ —6 часов. Произведенные фотографии рабочего дня показали наличие значительных потерь рабочего времени по вине рабочих, но главным образом по организационно-техническим причинам. В 1934 г. полезная продолжительность рабочего дня составляла: по Лугунскому заводу в кузнечном цехе — 54,84%, в чугунолитейном — 79,8%, в новокотельном — 83,6% и т. д. Недогрузка рабочего дня в основном является следствием неудовлетворительной организации труда. На это в частности указывает то, что наиболее неблагоприятными в части потерь являются вторые и третьи смены. Так например если принять потери рабочего времени в цехе большегрузных вагонов завода «Красный Профинтерн» в первой смене за 100, то потери второй смены выражаются уже в 273. Борьба за уплотненный рабочий день обеспечивает увеличение выпуска подвижного состава минимум на 15%.

Значительным резервом транспортного машиностроения является снижение прогулов по неуважительным причинам, простоев, брака и отходов. Простой ежегодно съедают сотни единиц подвижного состава. В 1932 г. только по специализированным заводам было потеряно свыше 3 млн. человекочасов¹. В 1934 г., несмотря на значительные достижения по снижению количества простоев на отдельных участках, общее количество их остается чрезвычайно большим. Важнейшей причиной столь значительных простоев является неудовлетворительная организация производства: простой из-за отсутствия чертежей, материалов, перебои со снабжением энергией, транспортом, инструментом и т. д.

Еще более важным видом потерь является брак. Потери от брака по специализированным заводам транспортного машиностроения в 1934 г. составили свыше 22 млн. руб. Особенно велик брак в заготовительных и главным образом в литейных цехах. Только за один 1934 г. специализированные заводы транспортного машиностроения потеряли 8 153 т чугуна и 3 312 т стального литья, что составляет в среднем около 10% чугуна и 7% стального литья. Наличие большого процента брака в заготовительных цехах уменьшает пропускную способность не только этих цехов, но и обрабатывающих.

¹ О значении этих цифр можно судить по тому факту, что на изготовление одного паровоза серии «ЭМ» тратится около 16 тыс. человекочасов, а на двухосную платформу—около 400 человекочасов.

Важнейшим моментом в борьбе за резервы, в особенности для паровозостроения, является уменьшение отходов. Черный вес металла, расходуемый на паровоз, превышает на десятки тонн нормальный расход. Так, при норме на один паровоз серии «ЭМ» в 108,6 т Луганский завод тратит 123,5 т, завод «Красный Профинтерн» — 126,5 т, «Красное Сормово» — 120,6 т; при норме на паровоз «ФД» в 231 т Луганский завод тратит 247 т и т. д. Главной причиной столь большого перерасходования металла являются непсмерные припуски, превышающие нормальные по отдельным деталям в несколько раз. По скромным расчетам доведение расхода материалов до нормы (а сейчас отходы почти в два раза превышают норму) может увеличить выпуск на 25—30%.

Но этим резервы не исчерпаны. Правильный технологический процесс, разработанный на основе взаимозаменяемости, системы допусков и предельных калибров и достижения экономического режима резания и т. д., таит не меньшие возможности. Так, в результате проведения этих мероприятий Усть-Катавский завод увеличил выпуск полускатов на 86%, «Красный Профинтерн» — на 36, им. Егорова — на 32, Мытищинский — на 25 и им. Урицкого — на 22%. Внедрение резцов твердых сплавов дало повышение производительности до 60%.

Путем увеличения скоростей резания и подачи достигнуто повышение производительности до 75%. Использование полной мощности станка дало увеличение до 43% (строгальные). Применение приспособлений при фрезеровке увеличило производительность станка на 21%. Механическая окраска паровоза снизила потребное время с 88 до 17 часов — уменьшение в 5 раз. Тщательная обработка на станках увеличила производительность слесарей при шабровке рам на 30% и т. д.

Несмотря на значительные достижения в освоении современной техники на отдельных участках наших предприятий, общий уровень производительности значительно ниже мировых нормативов. Даже в проектах предусматривается более низкая производительность, чем на американских заводах. Сравнивая например производительность Крюковского завода по проекту Гипрсмаша с американскими вагоностроительными заводами, мы видим, что он на один вагон будет иметь 200 рабочих, в то время как завод «Стандарт стили кар компани» в Бутлере имеет только 50 рабочих¹. В тележечном цехе того же завода на сборку тележки диамонд по проекту тратится 270 человеко-минут, в то время как на американских заводах тратится 44 человеко-минут. Уровень производительности труда на отдельных заводах неодинаков. Изготовление плоского буферного стержня (протяжка и штамповка) занимает следующее количество минут по разным заводам: завод им. Урицкого — 23,9 мин., Мытищинский — 12,7 мин., Калининский — 15,9 мин. Изготовление рессоры на заводе им. Урицкого занимает 58,1 мин., на Крюковском же заводе — 191 мин. и т. д. Все это показывает, какие громадные резервы имеются в транспортном машиностроении.

В этих условиях реальность резко увеличенной программы выпуска подвижного состава в 1935 г. становится очевидной. Дело зависит только от людей, овладевших техниксой.

Состав рабочих главнейших заводов транспортного машиностроения (по данным профсоюзной переписи в процентах к общему составу производственных рабочих) таков:

¹ М. Г. Мержанов, Вагоностроение на заводах Америки, стр. 28, 75 и 93.

	Коломен- ский	Луган- ский	«Крас- ный Про- финтерн»	«Красное Сормово»	Кали- нинский
Количество рабочих с производ- ственным стажем свыше 10 лет . .	39,9	28,1	32,8	39,1	28,0
Партийно-комсомольская прослойка	42,4	33,3	38,4	28,1	34,0

Наметившийся подъем транспортного машиностроения в громадной степени обусловлен тем, что руководство заводов больше стало заботиться о людях, помогать им осваивать новую технику. Перестраивается система зарплаты. Вводится прогрессивная сдельщина. Улучшается технологический процесс и т. д. Все это значительно увеличивает производительность и вместе с тем опрокидывает былые представления о проектных мощностях заводов и нормах.

«Обоснованность» существовавших норм показывает пример Луганского завода. При пересмотре норм после изменения технологического процесса некоторые из них были понижены в 6—7 раз (нормы на обработку кривошипа, букс, крышки цилиндра, крейцколта, маятника и т. д.), и несмотря на это и эти нормы перевыполняются на 30—40%. На Харьковском заводе введение прогрессивки в кузнечном цехе отразилось следующим образом на отдельных операциях:

Дегаги	Запроектиро- ванная норма в смену (единиц)	Достигнутая норма в смену (единиц)
Клинья направляющие . .	32	45
Буксовая струнка . . .	15	20
Ось ведущего колеса . . .	8	12
Скалка поршня	6,4	10
Тормозной вал и т. д. . .	7	9

Можно было бы привести немало примеров того, как в результате улучшения организационно-технического руководства заводами выявляются все новые мощные резервы производительности наших предприятий. Использование этих громадных резервов — важнейшая задача всей нашей промышленности, одно из важнейших условий преодоления отставания транспортного машиностроения. То, что транспортное машиностроение в состоянии преодолеть свое отставание, показывают предварительные итоги работы этой отрасли за I квартал 1935 г. В этом году, несмотря на резко увеличенную программу выпуска подвижного состава (план выпуска вагонов в 1935 г. предусматривает увеличение почти в 3 раза по сравнению с 1934 г.), программа перевыполнена. Основные вагоностроительные заводы — им. «Правды», им. Урицкого, Усть-Катавский, Калининский, им. Егорова и т. д. — идут со значительным перевыполнением плана. Задача — закрепить эти первые успехи и вывести транспортное машиностроение в передовую шеренгу отраслей тяжелой промышленности.

Экономическая политика китайских советов

Опыт китайских советов — первый опыт победоносной революционно-демократической диктатуры, осуществленной под руководством коммунистической партии. Всестороннее обобщение этого опыта, изучение достижений и слабых сторон политики революционно-демократической диктатуры — дело первостепенной важности. Особое внимание при этом должно быть уделено изучению ее экономической политики, направленной на освобождение хозяйства от пут империалистической кабалы и феодальных пережитков, на раскрепощение трудящихся от феодально-колониальной эксплуатации, на повышение их материального уровня.

Переход красной армии на новые фронты в Гуйчжоу и Сычуань, создание новых советских районов в этих провинциях делают необходимым особо тщательное изучение экономической политики советов в старых районах, где советы господствовали в течение ряда лет, накопив огромный опыт, к сожалению еще почти необобщенный, да и не могущий еще быть обобщенным в полной мере в силу чрезвычайной скудости сведений, получаемых из отрезанных блокадой районов. Настоящая статья, не претендуя на всесторонний анализ, ставит своей задачей лишь некоторое обобщение тех материалов, которые дошли до нас из советских районов Цзянси, Хунани и др., где господствовали советы в течение последних лет, до перехода красной армии в Сычуань и Гуйчжоу.

Принципы экономической политики

Экономическая политика китайских советов исходит из объективного учета современной обстановки, которая сложилась в советских районах, из обстановки постоянной гражданской войны, вражеской блокады. Совершенно ясно, что в этих условиях отдельные отрасли экономики не могли не притти в некоторый упадок. В значительной мере этому способствовала именно экономическая блокада, проводимая гоминданом и затруднявшая экспорт сельскохозяйственных культур, обычно производимых на внешние рынки, и зачастую многих товаров кустарного производства (например табак и др). Блокада вела к закрытию предприятий, к сокращению посевных площадей технических культур, к падению цен на продукты сельского хозяйства. С другой стороны, экономическая блокада прекратила и ввоз в советские районы промышленных изделий и ряда продуктов, не производимых в советских районах (керосин, спички, соль, лекарства и др.). В них ощущался сильный недостаток, и цены на них сильно повышались. Создались ножицы цен, разрасталась спекуляция. Например в юго-западной Цзянси цена на 1 пикюль¹ риса упала с 5 до

¹ Пикюль—около 60 кг.

1—2 долл., а цена на спички выросла вдвое. Еще более повышалась цена на соль, отсутствие которой особенно остро чувствовалось в Цзянси. Эти трудности усугублялись нехваткой серебра, падением стоимости денег. В известной мере эти трудности осложнялись и ошибками советов, в период 1929—1930 гг. господством лилисаневской линии, направленной к запрещению свободы торговли, к национализации даже мелких предприятий, к запрещению купли-продажи земли и пр., что вело к забрасыванию земли, к росту спекуляции, к закрытию предприятий.

В силу всех этих причин в отдельных районах стал ощущаться даже недостаток зерна, что свидетельствовало о неблагополучии в основной отрасли народного хозяйства советов — в сельском хозяйстве. «В первые годы возникновения советской власти,—говорил на II съезде советов председатель ЦИК Китайской советской республики т. Мао Цзэ-дун, — развитие сельского хозяйства часто шло по нисходящей линии»¹. Этому способствовали также некоторые ошибки, имевшие место на первом этапе советской революции. Например, стремясь укрепить советские деньги, советы требовали вноса налогов только серебром, что вынуждало крестьян продавать по низким ценам хлеб в белых районах, в силу чего стала ощущаться нехватка зерна в советских районах. Одно время советы вовсе запретили вывоз риса, но это также не решало вопроса.

В первые годы советского движения (1928—1930), когда советы еще не укрепились, когда советская власть еще не имела прочных и охватывающих значительную территорию районов, советы не имели и твердой, установившейся экономической политики. Это был период первого натиска на феодальные пережитки, период разгрома феодальных отношений, и все мероприятия экономической политики советов, создававшихся в том или ином районе, сводились к конфискациям имущества реакционеров, к использованию старых запасов и пр. Это соответствовало и всей военной обстановке — тактике партизанской войны. Но с ростом, укреплением и стабилизацией советских районов, с одной стороны, и с переходом выросшей красной армии к крупным боям, к маневренной и позиционной войне с другой, перед советами уже во весь рост встает задача выработки системы экономических мероприятий, правильной экономической политики, задача хозяйственного строительства.

В деле выработки экономической политики советов огромную роль сыграл I съезд советов, состоявшийся в ноябре 1931 г. На этом съезде был принят закон об экономической политике, проект которого был выработан ЦК КПК. II съезд советов, состоявшийся в январе 1934 г., уже подвел первые итоги экономического строительства и наметил дальнейшие пути развития советского хозяйства. Конечно есть еще отдельные ошибки, отдельные недостатки в проведении экономической политики первого государства революционно-демократической диктатуры, но в целом, рассматривая хозяйственную деятельность советов за последние годы, уже можно говорить об ошибках как о прошедшем этапе.

Советы под руководством партии проводят правильную экономическую политику, и этим было обеспечено преодоление в основном

¹ Цитируется, как и дальше, по кит. тексту, изданному в 1934 г. отдельной брошюрой под названием «Чжию Сувэйай Нынго Цзю Чжунго» («Только советы могут спасти Китай»). На русском языке полный перевод доклада, как и некоторые другие документы, использованные в статье, публикуется в составленном нами втором сборнике «Советы в Китае», изд. НИИ по Китаю Комкадемии.

трудностей даже при сохранении в отдельных районах блокады, не говоря уже о непрекращающейся войне. Но конечно полностью преодолеть экономические трудности невозможно без расширения территориальной базы советов и распространения их власти на крупные города. Но это не значит, что невозможно успешное хозяйственное строительство в нынешних условиях. Нужно отметить, что советам и партии пришлось выдержать большую борьбу с оппортунистами, которые отмахивались от задач экономического строительства, считая, что сейчас, в условиях войны, отсутствия постоянных, стабильных территорий, частых вынужденных отходов красной армии из того или иного района, нет смысла ставить широко экономические проблемы.

Экономическая политика китайских советов исходит из характера и задач советской революции, на современном этапе еще не выходящей за рамки буржуазно-демократической революции. В советском Китае ликвидируется господство империализма и феодальных отношений, подменяемых, вдохновляемых и консервируемых империализмом. Аграрная революция конфискует помещичье, монастырское и прочее землевладение, распределяя землю среди основных масс крестьянства. Ликвидируются ростовщичество, бесчисленные капиталистические налоги, давившие крестьянство. В области вопросов труда советы проводят 8-часовой рабочий день, увеличение зарплаты, социальное страхование, осуществляют мероприятия по оказанию помощи безработным. В советском Китае трудящиеся впервые вздохнули свободно. На дальнейшее развертывание буржуазно-демократической антиимпериалистической и аграрной революции, на дальнейший подъем благосостояния масс, на полное раскрепощение Китая от феодально-империалистического гнета направлена и экономическая политика советов. Она устремлена на то, чтобы перестроить хозяйство в направлении его максимального освобождения от колониально-феодальных оков, чтобы сдвинуть экономику Китая с колониального пути, освободить развитие производительных сил от душащих их оков империалистических монополий, от монокультурного направления отдельных областей, уродующего нормальное развитие сельского хозяйства, от всей зависимости китайской экономики от господства мирового империализма. Только под углом зрения этой задачи станут понятны те огромные достижения, которые уже сейчас наблюдаются в советском Китае.

Иному «леваку» это свободное развитие мелкого товарного хозяйства покажется «недостойным» великих задач социализма, стоящих в перспективе перед Китаем. Уже сегодня он был бы готов ввести социализм, как это пытались делать лилисаневцы в период 1929—1930 гг. Но социализм и в Китае рождается на базе крупной машинной техники, на высшем этапе пролетарской революции, при непосредственной помощи со стороны уже победившего социализма, и не дело коммунистов ради задачи будущего игнорировать прямые задачи сегодняшнего дня. А эти задачи — буржуазно-демократическая революция в сравнительно отсталой стране. Мечтать о прямом переходе к социализму на базе отсталой феодально-колониальной экономики вопреки развитию капитализма можно только с позиций реакционных народников, что в нынешних условиях не может не явиться вредным левацким прожектерством.

Китайские советы, руководимые коммунистической партией, конечно не забывают перспективы китайской революции. И экономическая политика китайских советов уже теперь ис-

ходит также из этих перспектив китайской революции как революции в своем дальнейшем развитии социалистической, из необходимости уже сегодня создавать начальные предпосылки для перевода хозяйства на рельсы некапиталистического развития.

Если «левые» не понимают необходимости развития мелкого товарного хозяйства, то правые игнорируют именно эту вторую сторону экономического строительства, делая ставку только на частный сектор. Они не понимают, что наряду с этим необходимо зарождение уже новых форм советского хозяйства. «Органы революционно-демократической диктатуры, используя завоеванные экономические позиции, будут постепенно создавать предпосылки и преимущества для последующего развития некапиталистических форм производства»¹, — указывал ИККИ в 1930 г. Созданы ли уже сегодня, после нескольких лет строительства советов, эти предпосылки и преимущества для последующего некапиталистического развития и в чем они выражаются?

Это — кооперативное движение и регулирующая роль советского государства. Наряду с частным сектором (натуральное хозяйство, мелко-товарное хозяйство капитализма) уже существует государственный сектор, охватывающий известную часть промышленности (в первую очередь военной), имеющий известный удельный вес в торговле и играющий господствующую роль в финансах, и кооперативный сектор, начинающий развиваться главным образом в области распределения и частично уже захватывающий производство (промысловые артели). «В настоящее время, — говорит т. Мао Цзэдун, — развитие народного хозяйства зависит от государственных, кооперативных и частных предприятий».

Таким образом китайские советы строят свою экономическую политику, исходя из трех важнейших факторов.

1. Из характера китайской революции, на данном этапе буржуазно-демократической, ставящей своей задачей борьбу с империализмом, с феодальными пережитками, за повышение жизненного уровня всех трудящихся масс.

2. Из нынешней обстановки советских районов, расположенных в основном в сельскохозяйственных районах, не имеющих крупных промышленных центров, находящихся в состоянии непрерывной гражданской войны, требующей удовлетворения ее потребностей.

3. Из перспектив китайской революции, требующих уже на нынешнем этапе создания не только политических, но и экономических предпосылок борьбы за некапиталистическое развитие народного хозяйства страны.

Каким отраслям народного хозяйства уделяют советы наибольшее внимание?

Развитие сельского хозяйства, освобожденного от колониальных и феодальных пут, является первой задачей советов Развитие продовольственных культур: пшеницы, риса и др., технических культур: хлопка, льна, сахарного тростника, бамбука и др. — основа для поднятия благосостояния масс, важнейший источник снабжения армии, источник промышленного сырья. Огородничество, древодона-

¹ Резолюция по китайскому вопросу. См. сборник «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции», статья Кара-Мурза, ИМХ и МП, 1934 г., стр. 280.

саждение, развитие скотоводства также являются важнейшими звеньями в подъеме сельского хозяйства.

Развитие ремесел, мануфактуры, домашней промышленности — вторая важная задача экономического строительства советов. Производство оружия и тканей для армии, сельскохозяйственных орудий и удобрений (известь) для сельского хозяйства стоит в центре внимания промышленной политики советов. Производство бумаги, табака, камфары, разработка копей и рудников, железа, угля, вольфрама — составные части экономического строительства советов.

Развитие товарооборота — внешнего и внутреннего — является третьей задачей советов. В особенности внешняя торговля, прорыв экономической блокады — вывоз риса, вольфрама, леса, табака, бумаги и пр. и ввоз соли, керосина, спичек, текстиля и других промышленных изделий — стоит как важнейшая задача экономического строительства.

Финансовое развитие — налоговая политика, укрепление валюты, мобилизация средств у населения путем займов, регулирование денежного обращения — неразрывная часть экономического строительства советского Китая.

Остановимся на каждом поставленном нами вопросе в отдельности, проследив основные принципы экономической политики и ее осуществление в различных экономических областях¹.

Промышленная политика

Принципы промышленной политики были сформулированы еще на I съезде советов в 1931 г. в специальной резолюции об экономической политике. В целях гарантирования полной независимости Китая советское правительство производит национализацию всех находящихся в руках империалистов экономических рычагов (концессии, таможни, банки, железные дороги, судоходство, рудники, фабрики и заводы)². Это — важнейшее требование китайских советов. В условиях полукolonиального Китая, где империализм сосредоточивает в своих руках основные экономические позиции, это требование является решающим условием антиимпериалистической революции. И вместе с тем осуществление этого пункта программы советов явится существенным шагом на пути перерастания революции. Об этом говорят т. Сталин и ряд документов Коминтерна.

Но на нынешнем этапе, в условиях отсутствия в советских районах, крупных промышленных центров, где сосредоточены крупные иностранные предприятия, решающее практическое значение имеет второй параграф программы, касающийся китайских предприятий.

«Промышленные и ремесленно-кустарные предприятия китайских капиталистов советское правительство оставляет в руках их прежних владельцев, не проводя еще национализации в отношении их, но осуществляя рабочий контроль над производством через фабзавкомы или профсоюзы. В случае, если эти предприниматели будут саботировать, нарушать советские законы или участвовать в контрреволюционной деятельности, умышленно закрывая или разрушая производство, их предприятия должны быть немедленно конфискованы и в

¹ Мы не включаем в наше рассмотрение вопросы аграрной политики, требующей специального, развернутого освещения.

² «Советы в Китае», 1933 г., стр. 432.

соответствии с конкретными условиями переданы рабочим артелям, кооперативным обществам или советскому правительству»¹.

Практика отдельных советских районов показывает, что в первые годы советы счень часто были принуждены прибегать к национализации и этих предприятий, ибо капиталисты выступали как открытые контрреволюционеры и саботажники. Так например закрылось несколько табачных фабрик в Юндине и бумажных мануфактур в Луньяне и др. Но советы стремятся преодолеть этот саботаж, создавая условия для нормальной работы промышленных предприятий. Рабочий контроль гарантирует эту нормальную работу, вместе с тем являясь важнейшим рычагом для борьбы с хозяйственной разрухой, с саботажем, со стремлениями отдельных капиталистов путем спекуляции наживаться за счет масс и т. п. Рабочий контроль — это также существенный шаг на пути планирования хозяйства, подчинения интересов отдельных капиталистов интересам рабочих и крестьян, их советского государства.

Не ограничиваясь использованием старых, уже ранее действовавших предприятий, советы принимают меры и к тому, чтобы привлечь новые частные капиталы, создавать новые фабрики, заводы, шахты. Больше того, советы считают возможным использовать и иностранный капитал, сдавая те или иные предприятия в концессии. Та же резолюция I съезда, декларируя национализацию иностранных предприятий, заявляет, что «иностранцы промышленники могут однако продолжать производство, заключив концессионные договоры, но при условии обязательного выполнения всех законов советского правительства: 8-часового рабочего дня и прочих постановлений. Если эти промышленники будут нарушать указанные законы и постановления, проводить саботаж, закрывать предприятия или вмешиваться во внутреннюю политику советского правительства и поддерживать контрреволюцию, их предприятия подлежат немедленной конфискации и национализации».

Но основная линия промышленной политики советов на нынешнем этапе, в условиях преобладания в советских районах докапиталистических форм промышленности, это — максимальное развитие ремесла, мелкой кустарной промышленности (особенно текстиль, бумага) и даже таких отсталых, чисто «азиатских форм промышленности» (Маркс), как соединение домашней промышленности с земледелием. Спрашивается: не есть ли это неправильная, оппортунистическая политика, как ставят вопрос некоторые товарищи? Конечно нет. Не надо забывать, что в Китае еще буржуазно-демократическая революция, освобождающая хозяйство от пут колониального гнета, от господства империалистических монополий, душивших свободное развитие мелкого товарного хозяйства. Это — первые шаги по пути буржуазно-демократической перестройки хозяйства, его перевода с рельс колониального развития на путь свободного развития производительных сил. Конечно некапиталистическое развитие Китая станет на прочные рельсы только с переходом в руки советского государства основных экономических позиций страны в крупных промышленных центрах. Но сегодня задача советов заключается не в форсировании этого пути, а в максимальном освобождении производительных сил от оков колониального гнета и феодальных пережитков, в максимальном развитии хозяйства в интересах трудящихся масс. Что касается использования даже наиболее отсталых форм

¹ Там же.

экономики в целях удовлетворения непосредственных экономических нужд, нужд революционной войны, снабжения армии и пр., то вряд ли могут быть два мнения о правильности такой политики.

Конечно враги видят в этой политике отказ от «коммунистической» программы. «Хитрые коммунисты, — пишет один из гоминдановских журналистов, — были вынуждены временно отбросить свои высокие цели национализации в своей промышленной политике в красных районах Китая. Они изменили свою политику и стали поддерживать мелкое частное промышленное производство, больше того, они вступили на путь поощрения активного развития частной мелкой кустарной промышленности»¹. Но для нас совершенно ясно, что это не «отказ» от каких-либо принципов, а единственно нормальная, свойственная демократическому этапу революции политика.

Но значит ли это, что капитализм развивается в советском Китае без всякого, хотя бы частичного, ограничения? Нет. Какими мерами осуществляется политика частичного ограничения буржуазии в условиях, когда она продолжает производство? Во-первых, советы применяют ряд мер непосредственного воздействия на капиталистов. К последним относятся рабочий контроль над производством, инспекция по труду, законодательное ограничение рабочего дня и вся система рабочего законодательства (зарплата, условия найма через биржу труда и др.), рабочие суды как новая, только создающаяся форма ограничения эксплуатации капиталистов и наконец вся деятельность профсоюзов по развертыванию экономической борьбы. Существеннейшей формой ограничения является, кроме того, вся система государственных мероприятий, уже направленных на развитие новых государственных и кооперативных предприятий, т. е. экономические методы, преследующие задачу постепенного ограничения частного капитала на базе самого капитализма.

На данном этапе государственные промышленные предприятия, созданные на базе конфискации предприятий империалистов и предприятий тех представителей национальной буржуазии, которые выявили себя активными контрреволюционерами, существуют главным образом в отраслях военной промышленности (арсеналы); существуют также государственные типографии, монетные дворы. Конечно эти предприятия еще ни в какой мере не определяют экономики страны, их удельный вес мал, но они — важнейшие зачатки будущего, говорящие об основном пути советской промышленности. Не ограничиваясь использованием старых национализированных предприятий, советы в отдельных районах, где имеются к тому соответствующие условия, создают и новые предприятия, в первую очередь конечно военные.

Торговая политика

Торговая политика китайских советов строится, исходя из тех же принципов, что и промышленная политика.

«Очень странно, — удивляется один из гоминдановских исследователей, попавших в советский Китай, — что в советских районах мы не только не видим деятельности коммунистов за окончательное уничтожение прошлой торговой системы, наоборот, они активно поддер-

¹ «Промышленная политика в красных районах Китая», «Говэнь чжоубао», 27 июля 1934 г.

живают ее... Населению советских районов разрешается заниматься торговлей, деятельность торговцев не отличается там от обыкновенной деятельности торговых предприятий, которые получают прибыли, продавая свои товары по рыночным ценам»¹.

Советы разрешают свободную торговлю, регистрируя предприятия, выдавая патенты и принимая лишь определенные шаги к ограничению спекуляции. «Советское правительство, — говорится в уже цитированной резолюции I съезда советов об экономической политике, — должно обеспечить свободу торговли и не вмешиваться в повседневные рыночные отношения. Однако советы должны бороться против спекуляции торговцев и повышения цен; они должны распустить торговые палаты и не должны позволять крупным торговцам прикрываться именем торговых палат для монопольного установления цен. В случае саботажа торговцев или экономической блокады, создающих угрозу для снабжения масс основными важнейшими продуктами, или по требованию красной армии советское правительство должно установить максимальные цены на необходимые продукты. Однако эта мера проводится в случаях лишь крайней необходимости, и свобода торговли восстанавливается, как только представится к этому возможность»².

Этот упор на свободу торговли особенно важен в свете той борьбы с левацким запрещением частной торговли, которое имело место еще до недавнего прошлого. В условиях блокады особенно важно развертывать товарооборот; особенно важно использовать купцов для ликвидации тех трудностей, которые вызываются экономической блокадой противника. И этому мешали главным образом левые перегибы. Вот пример из недавнего прошлого: «По отношению к джонкам купцов, плавающих по Ганьцзяну и думающих лишь о своей прибыли, мы не придумали никаких других мер, как обстрел или конфискация их имущества. В результате такой политики мы сами создали себе блокаду»³. Преодоление таких ошибок является непременным условием для развития торговли, для укрепления советской экономики.

Но это не значит, что и в области торговли советы уже сейчас не создают рычагов для дальнейшего некапиталистического развития, не осуществляют имеющиеся возможности государственного воздействия на торговлю в направлении борьбы со спекуляцией, борьбы за устойчивые, не взвинченные цены на продукты первой необходимости и т. п. Такие рычаги есть. К ним относятся прежде всего государственные бюро по регулированию продовольствия, организации, осуществляющие известное плановое воздействие государства на торговлю и распределение. Задачи таких бюро: 1) создание запасов, 2) снабжение армии, 3) регулирование цен и 4) организация экспорта, в чем они в своей деятельности уже соприкасаются с так называемыми комитетами внешней торговли.

Прежде всего государственные бюро создают специальные продовольственные фонды. «В связи с свержением господства гоминдана, милитаристов, джентри, помещиков и буржуазии, — говорится в законе об общественном продовольственном фонде в Сычуаньском советском районе, — аннулируются всякие налоги и подати. Создаются свои рабоче-крестьянские и солдатские правитель-

¹ «Торговая политика в советских районах Китая», «Говэнь Чжоубао», № 27 от 9 июля 1934 г.

² «Советы в Китае», 1933 г., стр. 432.

³ «Хунци» № 60, от 30 сентября 1933 г.

ственные учреждения. Для советских служащих, красной армии и социального страхования необходимо иметь обеспечивающий их существование фонд. Поэтому II провинциальный съезд советов постановил, «чтобы массы на принципах добровольности в объеме не ниже установленного количества вносили продовольствие, образуя таким образом общественный фонд». В этот фонд вносит зерно все население района, за исключением получающих ниже 5 бэй¹ урожая. Особые нормы установлены для престарелых и детей. Кулаки вносят повышенную долю.

Согласно тому же закону сычуаньского правительства, этот общественный фонд служит следующим нуждам: $\frac{1}{4}$ идет для служащих советских органов и транспортных отрядов, $\frac{1}{4}$ для красной армии. $\frac{1}{2}$ для социального обеспечения (последняя идет для нетрудоспособных вдов, сирот, инвалидов и больных). Низовым звеном организации продовольственного фонда является волость, где имеются специальные амбары для хранения хлеба. Для наблюдения за общественным продовольственным фондом советы выделяют специальных работников.

Уездные советы и провинциальные правительства на основании данных о недостатке зерна в тех или иных районах составляют планы перераспределения зерна, чтобы обеспечить нуждающиеся районы, чтобы ликвидировать понижение цен в других и т. д.

«Мы должны бороться с таким положением, — говорил т. Мао Цзедун на экономической конференции в Цзянси, — когда в одном районе лежат целые горы зерна, а в другом его нельзя купить, когда в одном районе цены на зерно слишком низки, а в другом чересчур высоки. С другой стороны, избыток зерна в советских районах мы должны (конечно в плановом порядке) экспортировать и, продавая его по высоким ценам, покупать на вырученную валюту и импортировать необходимые продукты, минуя при этих операциях эксплуататорское посредничество спекулянтов». В конце 1933 г. было всего 16 уездных отделений только в центральном советском районе и не больше 20 — в торговых центрах (они создаются в каждом городе), но их роль все возрастает. За период апрель—июнь 1933 г. только 12 отделений бюро по регулированию зерна сделали оборот в 400 тыс. долл., получив 10 тыс. долл. прибыли. На товары, распределенные Центральным бюро, стоимостью в 270 тыс. долл. была получена прибыль в 7 тыс. долл. В центральном районе построен целый ряд складов для хранения зерна. После поступления на рынок зерна нового урожая цены на зерно были подняты; в районах с наиболее низкими ценами на зерно (Гуплюе, Ваньтай и др.) наивысшая цена доходила только до 1,70—1,80 долл. за пикюль, но через короткий промежуток времени она быстро поднялась до 2—3 долл. В конце 1932 г. цены на зерно большей частью уже стояли выше 3 долл. за пикюль.

Кроме бюро по регулированию зерна советы создали государственные комитеты внешней торговли, имеющие огромное значение в деле прорыва блокады, борьбы со спекуляцией и установления активного торгового баланса (ввоз в советский Китай намного превышает вывоз). Это не монополия внешней торговли — она еще преждевременна. «В советских районах еще не может быть осуществлена монополия внешней торговли, — говорится в резолюции I съезда советов, — но советское правительство в целях обеспечения снабжения советских районов необходимыми продуктами контроли-

¹ 1 бэй = около 20 кг, 1 доу = $\frac{1}{2}$ бэй, 1 шэн = $\frac{1}{8}$ доу.

рует торговлю». Комитеты внешней торговли и являются организациями такого контроля, значительным фактором в деле нормализации внешнего товарооборота в советских районах, в деле государственного содействия развертыванию торговли. «Плановые организации внешней торговли непосредственно включаются в товарооборот некоторых необходимых предметов — импорт соли и др., а также экспорт вольфрама и продуктов продовольствия сельского хозяйства, что является крайне необходимым в настоящее время. Эта работа уже осуществлена в Фуцзянь-Чжэцзянь-цзянсийском районе значительно раньше, чем в каком-либо другом районе. В центральном советском районе эта работа начата весной 1933 г. Благодаря учреждению бюро внешней торговли советы в этой облсти имеют большие достижения» (Мао Цзэ-дун).

Эти организации начали развиваться в 1933 г. За два осенних месяца 1933 г. через комитеты прошло товаров на 100 тыс. долл. Задачи этих комитетов особенно велики в пограничных районах, через которые проходит внешний товарооборот. Успехи указанных организаций уже нашли свое отражение в решениях II съезда, где говорится, что «создание бюро по регулированию продовольствия и комитеты внешней торговли и их тесное сотрудничество с различными кооперативными организациями сыграли решающую роль в обеспечении продовольствием красной армии и в улучшении положения масс. Организация Управления народного хозяйства при советском правительстве создала возможность централизованного и систематического руководства хозяйственным строительством в советских районах».

Кооперация

Центральное советское правительство рассматривает кооперацию как одну «из главнейших форм развития советского хозяйства и мощное орудие борьбы с эксплуатацией и саботажем капиталистов и обеспечения интересов рабоче-крестьянских трудящихся масс» (из постановления ЦИК).

Советы оказывают кооперативному движению большую помощь путем субсидирования из средств государственных банков, освобождения от налогов, предоставления помещений и пр. Центральным советским правительством издано специальное постановление об организации кооперативов, статья вторая которого гласит: «Кооперативы должны организовываться на средства, собранные рабоче-крестьянскими трудящимися массами; кулаки, капиталисты, эксплуататоры лишаются права организации кооперативов и участия в них. Кооперативы делятся на следующие три категории: 1) потребительские кооперативы — для продажи по дешевым ценам, в интересах рабочих и крестьян, предметов широкого потребления и борьбы тем самым против спекуляции торговцев; 2) производственные кооперативы — для производства промышленных товаров широкого потребления в целях борьбы с саботажем капиталистов; 3) кредитные кооперативы — для предоставления ссуд с целью облегчения хозяйственного оборота рабоче-крестьянским массам, с целью борьбы против эксплуатации частных лиц — ростовщиков»¹. Статья третья устанавливает, что «члены потребительских, производственных и кредитных кооперативов являются не только их пайщиками, но также их потребителями и работниками. Все кооперативы, не соответствующие этому принципу, не

¹ Сборник «Сувэйай Чжунго» (Советский Китай) на кит. языке, 1933 г., стр. 155—156.

могут считаться кооперативами»¹. Статья пятая устанавливает, что каждый член кооперации не может владеть более чем 10 паями, причем каждый пай не может стоить более 5 долл., чтобы тем самым «предотвратить возможность захвата кооперативов в руки отдельных лиц».

За тот непродолжительный срок, в течение которого действуют кооперативы, они уже добились ряда успехов. Прежде всего показателен их количественный рост. В одном центральном советском районе количество членов кооперативов превысило 500 тыс. человек, а во всех советских районах к концу 1933 г., по сообщению «Джапан таймс» (от 5 января 1934 г.), количество членов кооперативов превысило 1 млн. человек. Наибольшего развития достигли потребительские кооперативы, которые «должны торговать необходимыми для масс предметами повседневного потребления, как то: соль, керосин, текстиль и т. п.» (из «Инструкции о потребительских кооперативах»). Это понятно. Борьба с блокадой, борьба со спекуляцией мобилизует массы прежде всего на создание потребительской кооперации. В условиях блокады спекуляция достигает небывалых размеров. Например в Ваньтае (Цзянси) крестьяне продавали зерно купцам по 50 центов за пикюль, а те, доставляя зерно в Ганьчжоу, продавали его по 4 долл., получая 740% прибыли. И наоборот, соль, купленную в белых районах (Цзинь-чжоу) по 1 долл. за 7 цзинь, купцы продавали в советских районах по 1 долл. за 12 лян.² Поэтому понятно, что широкому развитию потребительских кооперативов, вовлечению широких рабоче-крестьянских масс в эти организации, удешевлению цен на необходимые продукты из белых районов и выгодной реализации товаров советского производства отведено особенно важное место в советской торговле и в планах экономического строительства советов. Создан Центросоюз, имеющий уже свои отделения в ряде советских районов.

Потребительские кооперативы ставят своей задачей наряду с импортом промышленных товаров и экспорт продуктов сельского хозяйства в белые районы (как за наличный расчет, так и в обмен на необходимые товары). Кооперативы отнюдь не претендуют на монополизацию рынка, они конечно противопоставляют себя спекулянтам, но работают в полном контакте с честными торговцами, подчиняющимися нормальным условиям торговли в советском Китае.

Во внутренней торговле «продажные цены на кооперативные товары устанавливаются согласно уставу; помимо того для основных товаров должны быть установлены две цены: общая и особая. Товары отпускаются всем покупателям по общей цене, а членам кооператива — по особой цене, по предъявлении коопкнижки»³. Особая цена должна быть ниже общей. В случае острого недостатка товаров продукты отпускаются только по особой цене членам кооператива»⁴. К августу 1933 г. во всех советских районах было 406 потребительских кооперативов с 83 тыс. членов и с общим паенакоплением в 90 тыс. долл. «Заложу последнюю рубашку, а вступлю в кооператив»⁵, — говорят в уезде Жэньтянь. В волости Уян кооператив на

¹ Сборник «Сувайай Чжунго» (Советский Китай) на кит. языке, 1933 г., стр. 155—156.

² В одном «цзине» (кит. фунт) 16 лян. Цзинь $\frac{1}{100}$ пикюля, а пикюль — 60 кг.

³ Другими постановлениями к правам членов кооперативов приравнены красноармейцы.

⁴ Из инструкции о потребительских кооперативах хунань-цзянсинского советского правительства. Цитировано по статье «Кооперативное движение в красных районах» в «Говэнь чжоубао» от 18 июля 1934 г.

⁵ «Хунци», № 62 от 12 ноября 1933 г.

каждый доллар паевых взносов выплачивал полтора доллара мелкого серебра чистой прибыли, в волости Юньцзи тоже выплачивался дивиденд в полтора доллара.

Производственная кооперация развита в советском Китае слабее. Она развивается главным образом в городах среди бежавших из белых районов и безработных, организуемых советами в трудовые артели, отчасти и в деревнях по линии кооперирования сельскохозяйственных орудий, рабочего скота. «Производственные кооперативы, — говорится в § 1 инструкции о производственных кооперативах, — это не что иное, как трудовые артели. Это — форма объединения однородной рабочей силы для ведения централизованного производства или же форма концентрации путем внесения паев и средств производства. Это — наилучшая форма увеличения общественного производства, один из методов для организации коллективной жизни, но не организация, при которой капиталы и быт всех участников организации целиком объединяются для совместного производства и потребления. Мы не должны смешивать эти две формы»¹. Борясь и здесь против левацких перепрыгиваний через неизжитые этапы развития, советы, например в Хунань-цзянсийском районе, прямо указывают и на те отрасли хозяйства, которые в первую очередь должна организовать кооперация. «На данном этапе главное внимание должно быть обращено на развитие производства бумаги, каменного угля, торфа, минеральной руды и др.». Это только главные отрасли, и конечно ими кооперация не ограничивается. Например в Цзянси в волости Шанкэн в кооператив объединились изготовители «доуфу» (бобовый кисель — наиболее распространенный и дешевый вид пищи в Китае). Широкое производственное кооперирование крестьянства еще преждевременно, и советы не ставят себе этой задачи. Попытки лидисаневцев административным путем организовать колхозы окончились полным крахом.

В августе 1933 г. во всех советских районах насчитывалось только 76 производственных кооперативов, охватывающих приблизительно 10 тыс. членов. В начале 1934 г. (март) только в центральном советском районе уже насчитывалось 123 производственных кооператива, из них 12 кооперативов по производству с.-х. инвентаря. В Фуцзянь-чжэцзянь-цзянсийском районе к этому же времени сорганизовалось 72 производственных кооператива.

Продукция производственных кооперативов поступает в потребительскую кооперацию.

Финансовая база советского хозяйства

Конечно перед советским хозяйством стоят значительные трудности, о которых мы уже говорили раньше. В их числе — финансовые трудности, которые китайские советы стремятся во что бы то ни стало преодолеть. Об этом замечательно сказал т. Мао Цзэ-дун: «Перед советскими финансами стоят трудности, вытекающие прежде всего из увеличения красной армии и развертывания войны, но преодоление этих трудностей заложено в самих трудностях, т. е. в дальнейшее развертывании революционной войны, в рейдах на гоминдановские территории для увеличения наших финансовых доходов, а также в улучшении работы советского аппарата, в получении финансов посредством обложения всех эксплуататорских элементов, в развитии народного хозяйства».

¹ «Говэнь чжоубао» от 18 июня 1934 г.

Каковы же финансовые источники для роста народного хозяйства, субсидирования армии, войны?

1. Конфискации и реквизиции имущества феодальных эксплуататоров-помещиков, ростовщиков, джентри, тухао, милитаристов.

«Опыт показывает, что доходы по этой статье приходов занимают подчас главное место» (Мао Цзэ-дун).

2. Налоги. «Уничтожив старую налоговую систему и различные многочисленные налоги, советы вводят единый прогрессивный налог, вся тяжесть которого падает на буржуазию. Советское правительство полностью освобождает от налога семьи красноармейцев, рабочих, городскую и деревенскую бедноту. В случае стихийных бедствий налоговладельцы или совсем освобождаются от налога, или ставка налога соответственно снижается»¹.

3. Мобилизация средств у населения путем выпуска займов, размещения акций банков, поощрения сбережений, режим экономии

4. Доходы государственных предприятий, перечисленных выше.

5. Эмиссия советских государственных банков.

Останемся на некоторых из этих вопросов подробнее.

Промышленный налог пока еще не введен, и налоги взимаются лишь с проданной продукции. Торговый налог в свою очередь проводится по двум руслам: 1) взимание пошлин² и 2) налоги на торговлю. Пошлина взимается в соответствии с потребностью в данном товаре для контроля над импортом и экспортом. С одних товаров, более нужных советским районам, пошлина совсем не взимается, с других взимается до 100% стоимости товара.

В Сычуаньском советском районе импортные пошлины взимаются согласно специальному закону о налогах следующим образом: в размере от 5 до 10% стоимости подлежат обложению пошлиной папирсы, вино, табак, украшения, духи и все товары, не являющиеся необходимыми для рабочих и крестьян. От пошлины освобождаются соль, мануфактура, хлопок, зерно, китайские и иностранные лекарства, рабочий скот, свиньи, керосин, масла для волос и др.

Экспортные пошлины в Сычуани взимаются с зерна, мануфактуры, хлопка, китайского и иностранного лекарства, рабочего скота, свиней, соли и др. в размере от 20 до 50% их стоимости, причем в нужный момент советское правительство может запретить вывоз этих товаров. От пошлины вовсе освобождаются чай, каменный уголь, древесный уголь, муэр, лесной материал, опиум и др.

Уже эти данные показывают, что, являясь финансовым источником, таможенные пошлины вместе с тем играют огромную роль как государственный рычаг регулирования внешней торговли в интересах общего экономического развития районов.

Торговый налог с предприятий взимается с доходов в соответствии с величиной их или величиной капитала торговых предприятий. В Сычуани налоги колеблются в пределах от 0,5 до 5% дохода. В Цзянси последний налоговый тариф разделял налогоплательщиков на 14 категорий, высшая из которых (с капитала до 500 тыс. долл.) пла-

¹ «Советы в Китае», § 6, стр. 433.

² После взимания пошлин в таможенных товарах провозятся на советскую территорию без каких-либо повторных пошлин. Таким образом в советском Китае полностью уничтожена так называемая ликиннская система, существующая на гоминдановских территориях (ликин—пошлины, взимавшиеся на внутренних заставах).

тит 25% дохода, а низшая (до 200 долл.)— 6%¹. В западном Хунань-хубэйском советском районе купцы с капиталом до 200 долл. были освобождены от налога, а купцы с капиталом свыше 200 долл. облагаются налогом в размере от 5 до 40% дохода. Почти повсеместно взимаются кроме того так называемые «особые налоги» на торговлю предметами роскоши (тонкий табак, дорогое вино, опиум там, где он еще не запрещен в продаже, и др.).

Земельный налог также взимается как единый прогрессивный налог, но подробное рассмотрение его выходит за пределы нашей темы.

Нельзя не отметить методы взимания налогов, также в корне противоположные налогам в вакханалии гоминдановских чиновников. «При взимании налогов, — говорится в одной инструкции о сборе налогов в Хунань-цзянсийском советском районе, — необходимо проводить широкую пропаганду, чтобы население чувствовало необходимость уплаты налогов, чтобы широкие массы считали это своим долгом. При всех рабоче-крестьянских инспекциях организуются ударные бригады специально для борьбы со взяточничеством и злоупотреблениями во время сбора налогов». Даже гоминдановский корреспондент, опубликовавший эту инструкцию, вынужден признать, что «к сборам налогов красные относятся чрезвычайно внимательно. Опасаясь сопротивления взносам налога и злоупотребления со стороны сборщиков, предписываются указания об осторожном отношении ко всем методам при сборе налогов»².

Государственные банки созданы почти повсеместно, и сейчас финансовый хаос, существовавший в первые годы советского движения в новых районах, почти совершенно изжит. Одним из первых советский банк был создан в Тунгу с отделениями в Синго и Юнсинь, позже — в Луньяне и ряде других районов. По данным комиссии Литтона, кассовая наличность 9 банков в Тунгу и Луньяне в ноябре 1932 г. составляла сумму 12 млн. долл.³ В первые годы имела место чрезмерная эмиссия банкнот. Например в западном Хунань-хубэйском районе в течение короткого времени было выпущено 500 тыс. долл. бумажных денег, не обменивавшихся на серебро. Серебро исчезло, было припрятано. То же было и в юго-западном Цзянси, где банк выпустил необеспеченных банкнот на сумму 200 тыс. долл. (1930 г.). Доходило до того, что каждая армия выпускала свои денежные знаки, часто литографированные на плохой бумаге, которые быстро изнашивались. Денежному хаосу способствовали и «левые» ошибки, например не принимались в обращение деньги гоминдановского Китая или на них ставились советские печати, что срывало нормальный товарооборот с белыми районами, усиливая экономическую изоляцию советских районов. Эти ошибки были исправлены. В дальнейшем денежное обращение подвергалось все большему регулированию и упорядочению. Центральные государственные банки унифицировали денежное обращение в отдельных районах, принимали в обмен все банкноты, выпущенные раньше армиями и отдельными банками, и сейчас создана единая денежная система. Банки выпускают не только бумажные деньги, но и серебряные. Повышается роль государства, его плановых мероприятий, его приводных ремней в регулировании денежного хозяйства.

¹ Из правил о регистрации торговых и промышленных предприятий, «Говэнь чжоубао» от 9 июля 1934 г.

² «Говэнь чжоубао» № 44 от 5 ноября 1934 г.

³ Веллингтон Ку, Приложение к меморандуму комиссии Литтона, т. II, стр. 766.

«Советское правительство должно поступать чрезвычайно осмотрительно и осторожно в вопросе выпуска банкнот» — говорится в резолюции II съезда советов. Съезд указывает далее, что «в условиях длительной внутренней борьбы выпуск банкнот обычно является средством для покрытия дефицита бюджета. Но советское правительство должно принять все возможные меры к тому, чтобы переложить всю тяжесть финансирования революционной войны на плечи эксплуататорских классов путем увеличения налогов для развития советского хозяйства. В то же время с целью предотвращения обесценения банкнот советское правительство должно обратить особое внимание на развитие внешней торговли, прощрение ввоза звонкой монеты и сокращение вывоза наличных денег. Для развития советских финансов, одновременно с развитием советского хозяйственного строительства, чрезвычайно полезным будет увеличение емкости рынка и сохранение устойчивости банкнот».

Государственные займы как новые финансовые источники для обеспечения военного и экономического строительства, используемые в качестве дополнения к налоговым поступлениям и конфискации имущества реакционеров, на ранних этапах бывшей почти единственным источником государственных доходов, занимают в экономике советского Китая все более важное место. Займы распространяются конечно на добровольных началах, и массы отвечают на призыв государства о финансовой помощи не только покупкой облигаций, но и сдачей их обратно государству.

Любопытно например свидетельство гоминдановской прессы о советских займах. «Дагунбао» в номере от 6 февраля 1933 г. сообщает, что советское правительство три раза выпускало госзаймы: первый «госзаем революции» на сумму 600 тыс. кит. долл., второй госзаем — на 800 тыс. кит. долл. и третий заем хозяйственного строительства — на 3 млн. долл. «В Шичене, — продолжает корреспонденция, — на душу населения приходится всего 50 центов. Подписавшиеся на заем платят наличными деньгами; в случае отсутствия последних уплата производится очищенным или неочищенным рисом. Среди кулачества и помещиков распределяется увеличенная сумма займа. Облигации займов принимаются в уплату земельного налога».

Первым из известных нам займов в советском Китае был 10-процентный заем в 603 тыс. долл., выпущенный летом 1932 г. Заем был выпущен облигациями в 30, 50 центов, 1 и 5 долл. сроком на 6 месяцев¹. «Облигации данного займа, — гласило постановление правительства (ст. 6), — принимаются по нарицательной стоимости при уплате земельных, торговых и других государственных налогов». «Облигации данного займа разрешается продавать, закладывать и использовать как гарантию вместо наличных денежных сумм» (ст. 7)². Заем был очень быстро распространен, причем показательно, что в его реализации участвовали и шанхайские рабочие, на нелегальных митингах покупавшие заем как знак помощи советскому Китаю.

Трехмиллионный «заем экономической реконструкции», выпущенный в конце 1933 г., был реализован так же быстро, как и небольшой заем 1932 г.³ 1 млн. этого займа предназначался на укрепление красной армии, а 2 млн. — в качестве основного капитала коопера-

¹ «Нью-Йорк таймс» от 23 октября 1932 г.

² Полный текст цитируемого постановления опубликован в «Информационном бюллетене НИСНҚП КУТВ» № 3, 1935 г., стр. 44.

³ «Джапан таймс» от 5 января 1934 г. сообщает о выпуске нового пятимиллионного займа.

тивам, бюро по распределению зерна и управлениям внешней торговли. О размещении указанного займа мы имеем например следующие данные из центрального советского района:

«Размещение займа на экономическое строительство в некоторых районах прошло с очень большим успехом, например в волости Юньцзи Жуйцзиньского уезда, в волости Цайси и Хунфан Фуцзянской провинции, а также в некоторых волостях уездов Синго и Шэньли. В Хунфане благодаря руководству партии массовыми организациями была проведена кампания за пять дней и было размещено займа на 10 тыс. долл. В волости Юньцзи в результате широкой политической мобилизации за месяц было размещено займа на 32 тыс. долл. В одной из деревень волости Цзэцзунь уезда Синго массы трудящихся, несмотря на то, что облигации займа еще не были получены, с энтузиазмом подписывались на заем и полностью сдали сумму, на которую подписались,— 4 200 долл. Мало того, были такие замечательные примеры: в уезде Шэньли один крестьянин-бедняк по своей инициативе купил облигации на 28 долл., а один середняк — на 40 долл.»¹.

«Большинство населения хорошо понимало значение займа, — читаем мы в другой корреспонденции. — Так, во время его распространения одна женщина из деревни Цзянкоу Цзянкоуского района продала свои головные украшения за 15 долл., и на всю вырученную сумму купила облигации займа. В деревне Цзянань Цзянаньской волости 2 000 человек самостоятельно организовали соревнование на приобретение займа. Из них двое купили облигаций по 30 долл. каждый. Одна женщина, работающая в женотделе совета деревни Гуцзи волости Шаньцзи, продала свои украшения за 6 долл. и на 7 приобрела облигаций. Еще две женщины обменяли свои серебряные головные украшения на облигации по 2 долл. серебром каждая. Население волости Чусянь, входящей в состав белых районов, распределило на 40 с лишним долларов займа, а в Маодянской волости — на 10 с лишним долларов». Не ограничиваясь подпиской на заем, население ряда районов проводит кампании по возврату облигаций государству, что лишний раз свидетельствует об огромной поддержке населением советской власти, об энтузиазме, с которым массы встречают все мероприятия советов.

Одной из новых форм мобилизации финансов у населения являются также добровольные пожертвования государству и режим экономии, проводимый в советских районах. «Что касается использования финансов, — говорил т. Мао Цзэ-дун, — то необходимо проводить экономию и рационализацию. Необходимо, чтобы все советские работники ясно поняли, что растраты, взяточничество и злоупотребления народными средствами являются величайшим преступлением. Несмотря на некоторые успехи в борьбе с подобными явлениями (растратами и т. д.), мы все же должны ее продолжать еще дальше и сильнее. Экономия каждой копейки для пользы войны и дела революции является принципом советской финансовой системы». О режиме экономии, проводимом во всех советских районах, газета «Цзебао» сообщает: «Принимая во внимание большие затраты, связанные с успешным завершением борьбы против VI псхода, Совнарком издал приказ провести кампанию по экономии средств и по ведению борьбы с растратчиками, а также предложил всем правительственным учреждениям и организациям экономить каждый месяц от 200 до 300 тыс. долл., чтобы ни один человек не тратил лишнего цен-

¹ «Первые итоги экономического строительства», «Хунци» № 62, 12 ноября 1933 г.

та и чтобы каждый сэкономленный цент шел на усиление фонда по ведению войны»¹.

Выводы

Мы рассмотрели основные принципы экономической политики (за исключением аграрной политики) китайских советов. Мы отмечали, как сочетаются в этой политике основные мероприятия, вытекающие из буржуазно-демократического характера революции, с теми задачами, которые вытекают из учета перспектив китайской революции. Было бы ошибочно переоценивать эти пролетарские черты в экономике революционно-демократической диктатуры. Но нельзя и не видеть их уже на современном этапе движения.

С ликвидацией империалистического гнета и феодальной кабалы отоварного хозяйства становится мелкотоварное хозяйство, имеющее тенденцию развиваться в капиталистическом направлении. Средняк — самостоятельный производитель, освобожденный от феодальной кабалы, становится основной фигурой советской деревни, мелкое ремесло — основной формой советской промышленности, имеющей огромный удельный вес в экономике советских районов. «Что касается частных хозяйств, — говорит т. Мао Цзэ-дун, — то они допускаются советскими законами, советская власть их не только не запрещает, но даже поощряет, так как развитие частного хозяйства приносит пользу. Безусловно в настоящее время частный сектор во всем народном хозяйстве занимает большое место. И такое положение будет и в дальнейшем довольно длительный период. Он развивается в советских районах главным образом в области мелкого хозяйства».

Мелкое товарное хозяйство однотипно с капитализмом. Освобожденное от феодальной кабалы и колониальных оков империализма, оно в гораздо большей мере чем раньше порождает капитализм. И совершенно ясно, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не лишает капитализм возможности развиваться. И советы не ставят перед собой задачу немедленного вытеснения капитализма и преграждения развития мелкотоварного хозяйства в деревне в капиталистическом направлении². То же самое и в промышленности и в торговле. Наоборот, в условиях ожесточенной гражданской войны советы, как мы показали, используют капитализм, принимая даже меры к его известному развитию под контролем государства.

Это вынуждены признать и наиболее умные из гоминдановских политиков. Так, один из гоминдановских журналистов, посланный Культурно-просветительным ин-том Сунь Ят-сена в Цзянси, Хунань, Хубэй и Аньхуй для обследования аграрных отношений и побывавший на советской территории, опубликовал целую серию статей об экономике советского Китая, в одной из которых писал: «Сохранение собственности, развитие товарного хозяйства, существование частных предприятий и т. д. свидетельствуют о том, что в экономике современных китайских советских районов элемент капиталистического хозяйства все еще сохраняет за собой преобладающее положение»³. Иначе и не может быть.

¹ «Цзебао» от 1 марта 1934 г.

² Известно, что противоположные теории были развиты и в значительной мере осуществлены на практике в 1929—1930 гг. левым руководством Ли Ли-сяня, принесшим огромный вред развитию советского движения.

³ Ци Ци-шэнь, Кооперативное движение в советских районах, «Говэнь чжоубао» от 18 июля 1934 г.

Но советы уже создали и начальные формы государственного воздействия на экономику, фактически вместе с кооперативным движением означающие первые шаги к некапиталистическому развитию страны.

Рассматривая различные участки этого государственного сектора народного хозяйства, мы отмечали: государственные промышленные предприятия, государственные бюро по регулированию зерна, государственные комитеты внешней торговли; мы отмечали также, что финансы находятся целиком в руках государства, являясь важнейшим фактором воздействия на всю экономику. Нужно отметить наконец и то, что советы уже создали зачаточные элементы планового воздействия государства на мелкобуржуазную стихию, которые мы также рассматриваем как один из факторов государственного сектора народного хозяйства.

Конечно хозяйственное развитие советских районов в целом определяется еще рыночной стихией; но заложены уже зачатки будущей системы хозяйства: плановое начало в области государственной и кооперативной промышленности¹, в области государственного и кооперативного товарооборота, элементы планирования сельского хозяйства — в плановом порядке проводятся кампании по засеву пустырей, по древонасаждению, по развитию технических культур, нужных для промышленности, и пр., в плановом порядке организуется ремонт дамб, плотин и пр. Элементы планирования внедряются в область труда: зарождаются новые формы труда.

Таковы важнейшие элементы государственного сектора народного хозяйства в советском Китае. Совершенно ясно, что это не имеет ничего общего с лилсаневским «введением социализма» одним росчерком пера, в итоге которого получился не социализм, а лишь разрушение союза с середняком. Это и не «коммунизм», о котором кричат враги, не понимая мероприятий китайских советов, клеветца на них, что в «бандитских» районах уже коммунизировано все, что запрещается даже иметь деньги свыше 5 долл. на человека и т. п. Это наконец и не военный коммунизм, неверную аналогию с которым проводят некоторые товарищи, упускающие из виду основное — что военный коммунизм был политикой диктатуры пролетариата, между тем как в Китае революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Новые хозяйственные формы создаются под непосредственным руководством КПК — партии пролетариата, сознательно идущей на эти мероприятия, имея в виду последующие цели революции. Они создаются под влиянием победы социализма в СССР. Но их отнюдь нельзя рассматривать как чуждые революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства хозяйственные формы. Наоборот, они в значительной мере вырастают в ходе развития буржуазно-демократической революции, будучи продиктованы в первую очередь потребностями революционной вой-

¹ См. например у Мао Кэ-дуня: «Развитие нашей промышленности, — говорил он на II съезде советов, — требует соответствующего плана. Хотя у нас пока еще нет возможности составить общий и четкий план на основе раздробленной кустарной промышленности, все же крайне необходимо выработать соответствующий план для важнейших отраслей прежде всего государственной и кооперативной промышленности. Советским государственным и кооперативным предприятиям, прежде чем начать свое производство, нужно произвести калькуляцию производства сырья и сбыта товаров как в советских, так и в белых районах».

ны, завоевания и закрепления демократических побед революции.

Их удельный вес в экономике советского Китая будет неизменно расти по мере решения именно буржуазно-демократических, главным образом антиимпериалистических задач революции, в особенности по мере перехода в руки советов крупнейших городов, где советы национализируют иностранные заводы, фабрики, банки. Но уже и в нынешних советских районах эти новые хозяйственные формы создаются не вопреки, а благодаря и для развития буржуазно-демократической революции, одна из важнейших особенностей которой заключается в том, что национальная буржуазия не способна решать ее задачи, являясь контрреволюционной силой. Политика не может не воздействовать на экономику, и китайская буржуазия, будучи контрреволюционной, саботирует производство, отказывается от развития хозяйства. Но его надо развивать — и вырастает кооперация, происходит мобилизация капиталов у населения путем государственных займов, создаются государственные предприятия, вводится рабочий контроль. В условиях блокады частный торговый капитал если и идет на развитие товарооборота, то зачастую настолько взвинчивает цены, что фактически срывает советскую торговлю. Отсюда — государственные бюро по регулированию зерна, комитеты внешней торговли и т. д. Таковы объективные условия создания этих начальных предпосылок некапиталистического развития.

В сегодняшних условиях эти новые формы хозяйства — и кооперация и государственные предприятия — еще не являются социалистическими, поскольку характер революции буржуазно-демократический, поскольку у власти стоит не только пролетариат, но и крестьянство как массовая, демократическая мелкая буржуазия, вместе с которой пролетариат осуществляет революционно-демократическую диктатуру.

Решающая борьба за некапиталистический путь развития еще впереди, но гегемония пролетариата, руководство коммунистической партии, наконец опыт страны победившего социализма обеспечивают победу этого пути.

Влияние монополий на движение цен в США¹

Господство монополий порождает глубокие изменения во всей системе капитализма. Естественно, что цены наиболее чутко отражают эти изменения. Как экономические, так и социальные последствия всевластия монополий неизбежно фиксируются в движении цен. Поэтому анализ монополярной цены должен вскрыть: во-первых, влияние монополий на развитие общественного труда (производительность труда, распределение труда по секторам и отраслям народного хозяйства, его перераспределение и пр.); во-вторых, изменения в совокупном движении общественного производства и воспроизводства (неравномерность, конкретный характер этой неравномерности, темпы, модификации цикла и пр.); в-третьих, процесс перераспределения богатства и доходов в пользу монополий (многообразные дополнительные пути ограбления рабочих, фермеров, колониальных народов, средней и мелкой буржуазии городов и пр.); в-четвертых, изменения в самом «механизме» цен как формы, в которой действует закон стоимости. Таковы самые важные стороны проблемы монополярной цены. Однако предварительно необходимо установить, как следует понимать монополярную цену. В чем ее отличие от цены производства, в которой проявляется закон стоимости².

Прежде всего не отменяет ли монополярная цена закона стоимости? Преклонение апологетов буржуазии перед растущей властью монополий породило расцвет оппортунистических теорий «организованного» капитализма и соответственных теорий монополярной цены. Гильфердинг, глава теоретиков «организованного» капитализма, утверждал, что монополярная цена есть цена регулируемая, полностью отменяющая действие закона стоимости в монополизированном секторе, что в связи с господством монополий не происходит переливания капиталов из одной отрасли в другую и следовательно не происходит уравнивания в среднюю прибыль, и цены отрываются от трудовой стоимости. Гильфердинг «превратил» капитализм в плановое хозяйство. Другая, тоже ошибочная точка зрения полностью отрицает влияние монополий на закон стоимости. Спектатор, сводя вопрос о монополярной цене к вопросу о ценообразовании в период промышленного капитализма и определяя ее как цену производства в наилучшем предприятии, затушевывает особенности империализма как загнивающего и паразитического капитализма.

¹ Из раздела о монополярных ценах книги «Загнивание американского капитализма», подготовленной автором к печати.

² Только этой частью вопроса ограничивается данная статья. Все остальные вопросы, связанные с общей проблемой влияния монополии на движение цен, вопросы изменения в сфере производства, рассматриваются нами в других частях нашей книги.

Эти крайности уже в самой постановке вопроса методологически порочны. Та и другая обходят его действительное содержание. Влияние монополий на цены строго ограничено. Неустранимый предел этого влияния дан в том, что монополии никогда не уничтожают конкуренции. Конкуренция остается как существенная природа капитализма, как его закон. Монополии «существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»¹.

Но если сохраняется конкуренция, то и цены не могут не подчиняться в конечном счете действию стихийного закона стоимости. Этим определяется природа монополярной цены и следовательно рамки ее анализа. Теории «регулируемой цены» оказываются лишь апологетической раболопствующей перед капитализмом Гильфердингов и иже с ними.

В чем заключается действительное влияние монополий на цены? Оно заключается в том, что монополиям удается сохранять в течение более или менее длительных периодов высокие монополярные цены, далеко превышающие цены производства. Влияние этих длительных отклонений монополярных цен от цен производства на экономику и на классовые отношения и составляет содержание проблемы. Длительные отклонения монополярных цен от стоимости — одна из форм, в которых монополии осуществляют «отношения господства и связанного с ними насилия»², особо отличающие эпоху империализма. Эти отклонения становятся могучей силой в руках монополий и благодаря этому создаются те острые конфликты и крутые противоречия, о которых писал Ленин и которые затушевываются в теориях à la Спектатор и Гильфердинг. «Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма — общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и гнет картелей». Это положение Ленина находит свое блестящее подтверждение в движении цен в США — этой классической стране монополии.

Довоенные монополярные цены

На ранней стадии развития монополий капиталисты США не скрывали, что целью монополярных объединений является борьба против понижения цен. Хавемейер, председатель одного из первых объединений в металлургии, прямо заявил в сенатской комиссии, что целью создания треста было «объединиться, чтобы покончить с сумасшествием в движении цен»³.

Образование монополий каждый раз приводило не только к сохранению старого уровня цен, но вызывало рост цен. Однако так же неукоснительно через более или менее продолжительный срок наступало их падение в результате наплыва капитала в данную отрасль. Эти закономерности наиболее отчетливо проявлялись в ранний период монополий. В период полного господства монополий они стали проявляться менее открыто и через более длительные промежутки.

Классический пример движения монополярных цен дает железостальная промышленность, в которой монополии достигли наибольшего развития. К концу 90-х годов XIX в. в основных отраслях ее уже господствовали монополярные объединения. За 1898—1900 гг. бы-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 142.

² Там же, стр. 91.

³ E. Jones, Trust Problem in the USA, p. 263.

ла завершена трестификация металлургии под эгидой крупнейших фирм (Америкен тип плэйт К°, Америкен стил энд уайр К°, Нэшионэл туб К°, Карнеги К°, Джерси, Федерал стил и др.). Все эти объединения представляли огромные комбинаты. Трест Америкен тип плэйт контролировал 90% всего листового железа, производившегося в США¹, объединял 39 предприятий, контролировавших 279 заводов, т. е. почти все заводы Америки, производившие листовое железо. Нэшионэл туб с ежегодной производственной мощностью своих предприятий, равной 1 млн. т, владел 90% производственной мощи страны по производству труб. Наиболее мощной организацией была фирма Карнеги с основным капиталом в 350 млн. долл., дававшая 18% национального производства железо-стали. Компания Федерал стил давала 15% производства. До возникновения указанных трестов цены в металлургии непрерывно понижались, отражая быстрый рост производительности труда и растущую конкуренцию. Вслед за организацией трестов цены быстро поднялись и повысились за два года на 200—300%. До создания треста цены на трубы стояли на уровне 30 долл. за 1 т, к 1900 г. они поднялись до 89 долл., т. е. в три раза. Цены на чугун поднялись с 10,32 долл. за 1 т до 24,72 долл., на рельсы — с 17,63 долл. до 35 долл. и т. д.

Прибыли скавочно выросли, и эти отрасли стали магнитом для нового капитала. Началось лихорадочное расширение производства. В борьбе за рынок каждая из компаний бросилась развивать смежные производства. Америкен стил К° занялась строительством добавочных домен и крупного металлургического завода: Карнеги и Федерал стил, производившие полуфабрикат, открыли производство законченной продукции. Карнеги объявил, что приступает к постройке крупнейшего в мире трубопрокатного завода. Конкуренция стала крайне ожесточенной, и цены пошли вниз. За короткий промежуток — от марта до октября 1900 г. — цены упали почти наполовину: чугун — с 24 до 13 долл., стальные брусья — с 50 до 24 долл. и т. д. Чтобы покончить с падением цен, все конкуренты объединились, создав могущественный, крупнейший в мире стальной трест Америки — United States Steel Co. В мае 1901 г., спустя месяц после организации стального треста, цены снова пошли вверх. Чугун поднялся до 16 долл. за 1 тонну, стальные бруски — до 31 долл. и т. д.

Средние цены железо-стальной промышленности за 1898—1901 гг.

Т о в а р	1898 г.	1899 г.	Март 1900 г.	Октябрь 1900 г.	Май 1901 г.
Чугун	10,32	18,88	24,72	13,06	16,30
Сутунки	15,18	29,81	33,00	16,50	24,00
Рельсы	17,63	28,13	35,00	26,00	28,00
Полосы	24,23	49,36	42,25	24,19	35,39
Строительные материалы (балки) .	26,25	40,49	50,40	33,60	35,84
Луженое железо	64,08	95,48	108,42	93,86	93,86
Проволока, гвозди	29,91	52,04	71,68	49,28	51,52
Полосы	21,32	41,36	50,40	24,42	31,58
Листы (черные)	42,28	60,24	67,20	62,72	71,68

Источник: Jones, The Trust Problem in the USA.

¹ Ibid, p. 193.

С 1901 до 1903 г. цены были в общем устойчивы, но наступивший в 1903—1904 гг. кризис погнал их вниз. После 1904 г. цены опять устойчивы. С 1906 г. снова начинается повышение, прерванное кризисом 1907 г.

Особенно яркий пример борьбы дает кризис 1907 г. С наступлением кризиса стальной трест вместе с другими крупными фирмами в стали-железопромышленности приложил величайшие усилия, чтобы задержать начавшееся падение цен и предупредить «абсолютную деморализацию цен»¹. Вскоре однако им пришлось очутиться перед «итальянкой» фирм, потребляющих сталь: заказчики не торопились размещать заказы, выжидая падения цен. Нередко аутсайдеры и даже предприятия, входившие в трест, под давлением кризиса продавали — иной раз из-под полы — по сниженным ценам.

Кончилось дело тем, что в феврале 1909 г. представители всей железо-стальной промышленности США собрались на конференцию в Нью-Йорке, и после длительного обсуждения было решено отказаться от попыток удерживать цены на высоком уровне. На другой день председатель Стального треста знаменитый Гэри, чьим именем названо крупнейшее предприятие стального треста под Чикаго, объявил политику «открытого рынка». Цены сразу упали. Могущественная монополия не устояла перед стихийной силой конкуренции.

Не только отдельные цены, но и основные тенденции движения общих уровней цен также определяются законом стоимости. Это легко обнаруживается в сравнении движения общего уровня всех цен и цен монополизированной железо-стальной промышленности. В то время как общий индекс всех товаров (охватывающий 550 товаров) показывает повышение цен с 52,2 за 1899 г. до 69,8 в 1913 г., индекс металлических товаров, т. е. наиболее монополизированной отрасли, за тот же период показывает снижение цен со 100 до 90,8. Несмотря на господство монополий, более быстрый рост производительности труда в металлургии привел к большому падению цен в этой отрасли.

Движение монопольных цен за весь период довоенного капитализма очень отчетливо и ярко иллюстрирует неизменно одну и ту же закономерность: с организацией монополии цены идут вверх, затем под влиянием роста производительности труда и развертывающейся как внутри монополии, так и со стороны аутсайдеров конкуренции цены катятся вниз. Это вызывает дальнейшие меры противодействия со стороны монополий, и в результате они укрепляются путем новых слияний или «изъятия» конкурентов, что вызывает новый подъем цен до следующего тура. Так, в непрерывной конкурентной борьбе неуклонно прокладывает себе путь стихия закона стоимости. Но в то же время американские цены показывают, какие неслыханно высокие цены монополиям удавалось в течение все более значительных периодов удерживать. А это не могло не влиять и на общий уровень цен, т. е. на общий рост дороговизны.

Империалистическая война и цены

Высокие цены характерны для империализма. И это не только вследствие непосредственного влияния монополий на цены. Войны,

¹ Jenks and Clark, Trust Problem, p. 172;

неизбежный спутник империализма, несут с собой бремя высоких цен. Со времени мировой войны гнет высоких цен стал поистине чудовищным.

Хотя США поздно вступили в войну, тем не менее цены бешено подскочили вверх, как и в воевавших странах.

В 1915 г. в США еще не было общего подъема цен, но химикалии, металлы и их продукты, а также кожа, т. е. «военные» товары, уже стали повышаться. Военный спрос уже был учтен. С 1916 г. общий индекс поднялся с 69 до 85, т. е. на 16 пунктов. Особенно сильно поднялись цены в 1917 г. со вступлением США в войну (индекс поднялся на 32 пункта).

Движение индексов оптовых цен в США

(1926 г.=100)

Г о д ы	Все товары	Металлы и металлические изделия
1899	52,2	100,0
1913	69,8	90,8
1916	85,5	116,5
1917	117,5	150,6
1920	154,4	149,4
1922	96,7	102,9
1929	96,7	100,5
1931	73,0	84,5
1932	64,8	80,2
1934 апрель	73,3	87,9
1935 апрель	80,1	85,9

Военное повышение цен было вызвано спекуляцией на возросшем спросе, повышением издержек производства в связи с вовлечением в производство устарелых предприятий, ростом налогов, понижением ценности денег и пр. Следующие два года хотя и показывают дальнейшее повышение цен, однако темп роста стал значительно слабее отчасти под влиянием правительственного регулирования цен.

В 1920 г., несмотря на усиленную рационализацию и рост производительности труда, снова произошел значительный скачок вверх общего уровня цен, на этот раз главным образом за счет роста цен на товары «мирного» потребления. Цены на мебель, строительные материалы и текстиль подскочили на 30—35 пунктов, а на освещение и отопление — даже почти на 60 пунктов. В этом нашел свое отражение возросший спрос изголодавшегося потребительского рынка. Возрос также спрос тяжелой промышленности на электричество. И все же военные цены держались после подписания мира очень недолго. Цены стали падать, и с осени 1920 г. разразился кризис.

Перераспределение производительных сил, которое потребовало для приведения послевоенного производства в соответствие с новым строением промышленного и потребительского рынка, и на этот раз совершилось обычным путем — через кризис. Кризис был невиданно жестким, интенсивным, но непродолжительным. Перепроизводство было односторонним: перепроизводство в одних отраслях, недопроизводство в других. Спрос на рынке сильно отличался по натуральному составу от военного, но он был значителен. Изношенный за время войны основной капитал промышленности открыл рынок для средств производства. Потребительский спрос создал рынок для

средств потребления. Цены, значительно оторвавшиеся от стоимости, тем сильнее упали во время кризиса — почти на 60 пунктов (на 44%). Такая глубина падения цен не имела прецедентов в предыдущих кризисах. По данным Лиги наций, падение индексов оптовых цен в предыдущие кризисы не превышало в среднем 10%.

Сила падения цен в кризис 1921 г. была тем резче, чем больше было их отклонение в годы войны от цен производства. Не подлежит сомнению, что в этом падении отразился развернувшийся во время войны общий кризис капитализма. Крайнее обнищание широких масс — одно из явлений общего кризиса; сократился рынок для массовой продукции старых отраслей, рассчитанных на широкого потребителя.

Сильно обострилась конкуренция. Рационализация снизила себестоимость. Цены стремительно упали.

Это показывает, что стихия движения капитализма действовала с достаточной силой. Но падение цен было настолько катастрофическим, запасы, произведенные и не израсходованные во время войны, настолько велики, а власть монополистических объединений настолько выросла в годы войны, что они потребовали от правительства мер по задержке цен от падения. 27 мая президент Хардинг подписал закон, несколько месяцев до того отвергнутый демократическим правительством Вильсона. По этому закону были значительно повышены тарифы на ряд товаров промышленного сырья, а также на некоторые продукты сельского хозяйства, запасы которых лежали на складах закупивших их фирм. Шерсть, которая до того допускалась без пошлины, была обложена тарифом в размере от 15 до 45 центов за фунт: наличные запасы шерсти были исключительно велики, также велики были запасы шерсти в английских колониях, производящих ее.

Хлопок, сахар, табак, зерно, скот также были защищены высокими тарифами. За этим чрезвычайным законом Хардинга последовал новый тарифный закон Форднея от 1 сентября 1922 г., повысивший все тарифы.

Влияние войны не ограничилось рамками военного времени. После кризиса 1921 г. цены остались выше довоенных: если принять 1913 г. за 100, то 1922 г. = 138,6. Послевоенный индекс цен стоял почти на 40% выше довоенного.

Чем объяснить, что цены не возвратились к довоенному уровню? Не означало ли это, что кризис не восстановил действия закона стоимости и не прервал длительного отрыва уровня цен от стоимости? Несомненно, что возросшая сила монополий повлияла на сохранение повышенного уровня цен. Однако, поскольку повышение цен было общим для всех товаров — монопольных и немонопольных, — то очевидно здесь существовала некая более общая причина, чем монопольные цены. К тому же цены на товары наиболее монополизированной металлургической промышленности больше всего снизились и приблизились больше чем остальные к довоенному уровню.

Крайнее обострение конкуренции в связи с узостью послевоенного рынка также несомненно давило в сторону понижения цен.

Одной из самых существенных причин высокого уровня послевоенных цен явилось огромное налоговое обложение, вызванное необходимостью погашать государственный долг (государственный долг вырос за годы войны с 1,1 до 26,6 млрд. долл. на сентябрь 1919 г.).

Войны всегда оставляли за собой на более или менее длительный период бремя высоких цен, которое господствующие классы взваливали на народные массы. Известно, что и наполеоновские войны оставили на долгие годы высокие цены в Европе.

Американский ценз приводит следующие данные о росте налогов, которые уплачивала обрабатывающая промышленность США: 1899 г. — 100; 1904 г. — 105; 1909 г. — 364; 1914 г. — 463 и 1919 г. — 1021¹.

Огромное повышение налогов предприниматели переносили через цены товаров на потребителя. Таково же и действие обложения сельского хозяйства. После 1919 г. ценз прекратил статистику налогового обложения. Однако известно, что государственный долг за 1919 — 1929 гг. был покрыт на 100 млрд. долл., и это было оплачено в ценах товаров.

Другой причиной повышенного уровня послевоенных цен является изменение ценности самих денег в связи с механизацией добычи золота в важнейших месторождениях. Немаловажное влияние на общий уровень цен имели также и расширение сферы влияния монопольных цен и небывалое повышение тарифов.

Высокий уровень послевоенных цен явился следствием ряда коренных изменений в экономике капитализма, происшедших за годы войны. Но он не был оторван от закона стоимости.

Соотношения цен, оставшиеся в результате войны, отражали новое соотношение сил различных классов и групп буржуазного общества, различное движение производительных сил различных секторов хозяйства и пр.

Разница между довоенными и послевоенными ценами крайне пестра для отдельных групп: фермерские продукты, пищевые, химикалии стояли в 1922 г. приблизительно на 20—30 пунктов выше, чем в 1913 г., и приближались к уровню общего индекса (27 пунктов); выше всего поднялся индекс цен на мебелированные товары (47), топливо и освещение (46), текстиль (43), строительные материалы (41) и кожу (36). Металлы и продукция металлургии превышали всего на 12 пунктов уровень 1913 г.

Резкий разрыв в ценах между различными отраслями хозяйства в послевоенные годы явился результатом и выражением крайней неравномерности развития, депрессивности ряда отраслей, возросшего хаоса и диспропорциональности всех черт, характерных для развязанной войной общего кризиса капитализма.

Стабильность цен в послевоенном подъеме

Фаза подъема в послевоенном цикле имела ряд специфических черт. Для периода 1922—1929 гг. характерна известная стабильность общего уровня цен. Индекс оптовых цен до кризиса 1929 г. при незначительных колебаниях, в пределах 1,1%, остался на одном уровне. Стабильность цен была предметом гордости буржуазии времен «просперити». Ее рассматривали как составной элемент «просперити», в ней видели доказательство «улучшенного капитализма»².

Но после того как в 1929 г. разразился кризис, произошла быстрая переоценка ценностей, и те же явления получили совершенно иное

¹ «Europe—USA. International Chamber of Commerce», 1931, vol. III, p. 38.

² См. Отчет гуверовского комитета о «новейших изменениях в экономике США».

толкование. Имеющиеся данные показывают, что «некоторая потеря эластичности в системе цен по видимому произошла в годы, предшествовавшие современной депрессии» — так писал Миллс, автор исследования о ценах в гуверовском отчете, в своей книге «Economic Dependence in the USA», 1932, p. 546.

Каковы причины стабилизации уровня цен? Прежде всего следует установить, что огромный рост производительности труда за счет интенсификации, рационализации и пр., а также острейшая конкуренция в условиях суженных рынков должны были вызвать значительное снижение цен. Однако его не было. Важнейшие причины таковы: 1) замедленный темп развития, 2) депрессивность ряда отраслей и в том числе всего сельского хозяйства, 3) задержка реализации роста производительности труда. Когда все растущая часть товаров продается по монопольным ценам, которые на все более длительные промежутки времени препятствуют снижению цен, то очевидно и уровень цен будет в какой-то мере отражать эту задержку. После организации стального треста и до кризиса 1907 г., как было выше показано, кривая соответствующих цен была в общем более прямой, чем в предыдущий период.

С ростом числа товаров, цены которых подпадают под непосредственное регулирование монополий, влияние этих тенденций, сдерживающих падение цен, возрастает. В послевоенный период росло не только влияние монопольных промышленных товаров, важнейшие виды сырья также были монополизированы и охвачены валоризационными схемами.

Валоризационные схемы, действовавшие в послевоенный период в капиталистическом мире, распространялись на каучук, кофе, пшеницу, шелк, сахар, хлопок, медь, селитру, калий, ртуть, серу, сизаль, хинамс, камфару, сталь, алюминий, маргатин и цинк. При таком огромном подчинении всего мира товаров манипуляциям монополий указанная стабилизация цен становится вполне понятной и вытекающей именно из факта господства монополий. Длительность периода, во время которого цены оставались на повышенном уровне (1922—1929 гг.), и сила отклонений (рост общей производительности труда, по буржуазным данным, исчислялся в 50—60%) вполне отражают крайнее усиление всевластия и гнета монополий.

Однако бурный кризис, начавшийся в 1929 г., снова обнаружил границы влияния монополий: мир еще никогда не видал такого безудержного крушения цен.

Регулирование цен в кодексах Рузвельта

Чем сильнее были отклонения от стоимости в годы подъема, тем с большей силой обрушилась стихия закона стоимости в годы кризиса. Однако и во время кризиса монополии играли ведущую роль.

Попытки монополий организованно противостоять в кризисе падению цен мы наблюдали уже в 1907 г. В 1921 г. государство стало вмешиваться в дело «стабилизации» цен. Но в современном кризисе вмешательство монополистических объединений и особенно государства приняло всеобъемлющий характер.

В результате создавалась резкая неравномерность в падении цен на сырье и готовые изделия. В то время как сырье (менее монополизированное) упало в цене с высшей точки 1929 г. к марту 1933 г. на 50%, промышленные изделия (в подавляющей части монополизи-

рованы) упали всего на 31,3%. В 1907 г. попытки стальной монополии задержать падение цен окончились неудачей и заставили Гэри объявить «свободный рынок». В современном кризисе после трех лет отчаянной борьбы с катастрофическим падением цен монополии использовали всю мощь государства. Рузвельт с помощью закона о НРА повел упорную борьбу с падением цен. Коды установили на ряд месяцев твердо фиксированные цены почти во всех отраслях.

Проводя жесткую политику фиксации цен, Рузвельт полностью выполнял политику крупного капитала. Проблема цен с самого начала кризиса была одной из острейших. Лига наций в своей работе о кризисе, выпущенной в 1931 г., считала ее самым удручающим фактором в экономической ситуации. «Существует широко распространенное чувство неуверенности в деловых кругах по отношению к будущему движению цен. Если цены будут продолжать падать, то станет необходимым сильное снижение заработной платы, что вызовет стачки, локауты, а отсюда вырастут и многие другие затруднения»¹. «Нужно приостановить падение цен, чтобы избежать катастрофы», — таковы были практический вывод и требование этих спасателей капитализма.

Однако и на этот раз монополиям не удавалось приостановить падение цен. Прорвавшиеся силы конкуренции гнали цены вниз. Положение крупных монополий в современном кризисе оказалось во многих случаях менее благоприятным для открытой конкурентной борьбы, чем в предыдущие кризисы. Огромный бездействующий аппарат производства, нагруженный на 20—30% своей мощности, ложится тяжелым бременем постоянных издержек на стоимость продукции монополий. Мелкое производство в таких условиях было более конкурентоспособным и готово было продавать по сниженным ценам. Тогда монополии подняли крик о так называемой «нечестной» конкуренции, о «ненормальных» продажах некоторыми промышленниками.

Это нашло свое отражение в кодексах НРА, обязательной частью которых являлся раздел «о справедливой конкуренции». Он целиком был направлен к сохранению цен, выгодных крупным монополиям.

Мероприятия по контролю цен, установленные кодексами, сводились к четырем важнейшим моментам: 1) фиксация низшего предела цен, т. е. их пересмотр в сторону повышения, 2) запрещение продавать ниже индивидуальной стоимости производства, 3) договоренность по проведению «открытых цен», 4) ограничение производства или производственной мощности ради задержки цен от падения.

Наиболее распространенным был первый случай, т. е. фиксация низшего предела цены, который тогда становился обязательным для всех предпринимателей, продающих один и тот же товар на том же рынке. Такие установления были приняты кодами наиболее важных отраслей: нефтяной, угольной, стальной, лесной промышленности и др., и также менее важными, как-то: в производстве сигар, контейнеров и пр. Эта форма регулирования господствовала как в важнейших добывающих, так и в обрабатывающих производствах. В большинстве случаев установление самого предела цены принадлежало руководству кода. Не было никаких определенных общих принципов, которыми определялись минимальные цены. В одних кодах говорилось, что цены должны быть «справедливыми и разумными», в других — что они должны равняться низшей «разумной (или умеренной)

¹ «Course and Phases of the World Economic Depression», p. 335—336.

цене производства», должны быть «компенсированными» (т. е. прибыльными), «средними», «примерными» и т. п. По существу руководители кодов, — а это обычно представители крупнейших фирм, — получали карт-бланш при установлении конкретных цен¹.

В результате кодов общий уровень оптовых цен с марта 1933 г. до марта 1934 г. поднялся на 23%. Однако в повышении цен сказалось и снижение золотого содержания доллара.

Благодаря кодам НРА монополии фактически провели принудительное картелирование промышленности в национальном масштабе, задержали падение цен (выраженных в текущем долларе) и поправили свои дела, изгнав с рынка своих конкурентов — мелких и средних предпринимателей.

С лета 1934 г. в США поднялась волна недовольства против НРА. Мелкий и средний капитал был буквально зажат в тиски кодами, которыми полновластно заправлял крупнейший капитал. По мере того как коды осуществили задачи по поднятию цен и восстановлению преимущественного положения монополий на рынке, сами монополии тоже стали тяготиться жесткой фиксацией цен, но по другим мотивам. Посредством обязательной и высокой картельной цены кодам удалось изгнать изрядную часть «избыточного» капитала из производства и торговли и тем очистить добавочное место для монополий. Постольку монополистически капитал был доволен НРА. Но высокие цены не способствовали расширению крайне обедневшего рынка. С середины 1934 г. промышленность стала перед фактом нового ухудшения конъюнктуры и падения всех экономических показателей. Усилилась внутренняя борьба между крупными капиталами. Началась полоса резкой критики НРА за ее «ограничение деловой свободы», за жестокую бюрократическую фиксацию цен и условий производства.

В острый момент кризиса, когда Рузвельт развернул НРА с ее кодами, монополистический капитал был за ограничение «деловой свободы». Это нужно было ему, чтобы добить «мелкоту» аутсайдеров. Но когда эта задача была осуществлена, ограничения потеряли свой смысл для монополий. Последние теперь уже могут обойтись без НРА. Сильнейшие из монополий хотят попробовать расширить рынок для себя частичным снижением своих цен, превышением квот, снижением зарплаты, снижением сырьевых цен. Хенри Харриман, председатель торговой палаты США, в своей речи осенью 1934 г. на ежегодной конференции американской ассоциации торговцев зерном и фуражом в Мемфисе заявил, что оппозиция делового мира против НРА основывается на широко распространенном представлении, что «правительство пытается регламентировать весь бизнес», что «закон вызвал беспокойство и стачки», что «он создал попытки к фиксации цен и другие монополистические меры регулирования бизнеса в его малейших частностях»².

Тогда же Харриман предложил новый закон вместо НРА. Промышленность сама должна быть ответственной за формулирование кодов. Правительство могло бы предлагать свои изменения к ним, но сама промышленность должна будет решать — принять их или нет. Существо новой политики должно заключаться в сокращении вмешательства государства и ликвидации бюрократического регулирования цен, часов работы, рестрикций производства и пр. «Коды должны быть

¹ «Terborgh, Price control devices in NRA» codes», 1934, p. 7.

² «New York Times» 19/X 1934.

просты и касаться лишь некоторых основных принципов, которые важны для всей отрасли. Это означает, что цены, квоты и другие специфические ограничения производства лишь в редких случаях или даже никогда не должны в них фиксироваться».

Рузвельт тогда же пошел навстречу требованиям финансового капитала: НРА и ее коды подверглись изменению. Вместо 325 кодов было оставлено всего 92. Фискация цен стала отменяться. Индекс цен пошел на снижение.

По мере того как новые колебания производства не выявляли тенденцию спуститься ниже дна кризиса, агрессия крупнейших монополий неизменно росла. Их нападки на НРА становились смелее, порождая необычайную запутанность всех классовых и групповых противоречий. В мае 1935 г. закон НРА, прославленный как вестник «новой эры», был объявлен незаконным согласно решению верховного суда Америки по жалобе на кодекс птичьей фирмы Шехтер.

Курица какого-то Шехтера съела синего орла «восстановления», парившего в поднебесье истории. Таковы чудеса «великой демократии», творимые изобретательными гениями финансовых проделок. Решение верховного суда устанавливает, что конгресс не имел права облечь президента полномочиями на заключение кодов в духе закона НРА, что конгресс, чьи полномочия в сфере вмешательства в дела торговли штатов лишь косвенны, преувеличил их практикой регулирования рабочего дня, зарплаты и пр. Коды, объявленные противоречащими конституции, были лишены обязательного характера.

Монополистический капитал встретил это решение громом аплодисментов. Июньский номер журнала моргановского банка «National City Banc of New-York» объявил это решение «важнейшим событием в деловом мире», подчеркнув, что «решение будет благотворным в конечном счете именно потому, что оно отменяет арбитраж в заработной плате и фиксацию цен». Капиталисты предвкушают новое наступление на заработную плату. Что же касается цен, то от их фиксации уже фактически давно отошли. Тот же журнал пишет: «В отраслях, где соглашение о ценах составляло важнейшее содержание кодов, уже давно признано, что и закон и практика повернулись против фиксации цен. Так с течением времени положения кодов, касающиеся цен, перестали выполняться».

Цены стали заметно снижаться.

Что заставило монополии отказаться от фиксации цен? «Если цены будут понижены, то в конечном счете это приведет к увеличению объема товарооборота», — разъясняет тот же журнал. На высокие цены рынок ответил крайним сжатием спроса. Понижением цен капитал надеется преодолеть застопорившийся товарооборот. Так снова и снова монополии вынуждены отступить перед стихийной закономерностью капиталистической системы, но в то же время власть монополий позволила им переложить всю тяжесть крушения цен на рабочих, на фермеров, на мелкий и средний капитал, на слабейшие группы.

Влияние монопольных цен на динамику цикла

Рассмотрение американских монопольных цен на протяжении всех фаз цикла как в довоенный, так и в послевоенный период неоспоримо доказало правильность двух положений:

I. На всех этапах монополистического капитализма закон стоимости сохраняет свою силу. Он неизменно восстанавливает свои права, нарушенные монополиями через насильственное падение и выравнивание цен. «Несмотря на сопротивление монопольных картелей, падение цен росло со стихийной силой» (Сталин). Монополии не могли овладеть стихией цен ни до войны, ни после войны, ни даже при той помощи, которую стал оказывать им весь аппарат государственной власти в период общего кризиса капитализма. Капитализм не в силах создать планового регулирования цен.

II. Однако монополии ведут отчаянную борьбу за сохранение высоких монопольных цен, и им удается на известные промежутки времени задерживать падение цен, срывать их выравнивание. И это является одной из существенных причин различных изменений во всей динамике капитализма. Отметим важнейшие:

1. Создается одностороннее перераспределение общественных производительных сил: высокие цены в монополизированных отраслях привлекают в сектор монополий основную массу нового капитала (и труда). Отсюда гигантски растущая неравномерность развития частей народного хозяйства, отраслей, предприятий. Это нашло свое отражение в специфике американского послевоенного подъема, с головокругительностью его «бумов» в одних отраслях при застое и депрессии в других и при тяжелом и длительном кризисе в сельском хозяйстве.

2. Могущество монополистического сектора, его удельный вес в хозяйстве и его гнет чудовищно возрастают благодаря монопольным ценам. Если низкие цены на ранней стадии служили буржуазии тяжелой артиллерией, при помощи которой она распространяла свою власть по всему миру, то монопольные цены ныне подчиняют все общественное производство и распределение власти гостки монополистов. Отсюда прогрессирующая роль тенденций к застою, к загниванию.

3. Самые резкие диспропорции во всех частях народного хозяйства накапливаются с небывалой быстротой. При свободе движения цен рост производительности труда в той или иной отрасли влечет за собой и соответствующее перераспределение общественных производительных сил; происходит постоянное передвижение капиталов и труда, их непрерывное приспособление в процессе воспроизводства. Но искусственная задержка цен, их длительная стабильность тормозят механизм выравнивания и нагромождают новые и новые диспропорции. Огромные темпы рационализации и интенсификации труда еще более усугубляют создающиеся диспропорции. Отсюда необыкновенное усиление хаотичности, неустойчивости всей системы, растущая катастрофичность кризисов, призванных восстановить хотя бы на миг равновесие.

4. Относительная застойность всей системы возрастает вследствие скованности механизма цен. Это особенно ярко проявилось в период последнего кризиса. На основе изменений в производительности труда в различных отраслях, на основе новых имущественных отношений и новых соотношений на рынках различных товаров в связи с изменившейся платежеспособностью различных классов и групп населения перераспределение производства стало неизбежным. При капитализме это может происходить не иначе, как через серьезные изменения в системе цен. Но монополии, бешено сопротивляясь падению цен, затормозили этот процесс и вместе с тем процесс разрешения

кризиса. Это — одна из причин небывалой ранее длительности мирового экономического кризиса и особого характера современной депрессии, когда насильственное сохранение несоответствующих уже стоимостных соотношений препятствует обновлению основного капитала.

5. В итоге общественное воспроизводство на всех фазах цикла носит печать скованности. Монопольные цены явно нарушают «обмен веществ» — свободное развитие общественной производительной силы. Капитализм, отяжелевший, перезревший, лишь с величайшими трудностями, конфликтами осуществляет свое движение и смену фаз цикла. Из всего сказанного очевидно, что монопольная цена, не отменяя закона стоимости, является одним из тех факторов, которые сковывают нормальное функционирование внутренних сил капитализма.

Нарушение действия закона стоимости монополиями в более острой форме проявляется на мировом рынке. Что произошло с мировыми ценами в результате кризиса? В единых мировых ценах проявляется единство мирового капиталистического рынка, единство движения всей системы. Но кризис создал крайний распад мировых связей, усиление национализма, обострение борьбы и противоречий между составными частями капиталистического мира. Валютный хаос, вызванный обесценением и регулированием важнейших валют, огромный рост тарифов, рестрикции международной торговли создали крайнюю замкнутость национальных рынков, важнейшие массовые товары международного обмена в гораздо меньшей мере, чем до кризиса, выходят на крайне суженный мировой рынок. Гораздо меньшее число товаров служит предметом международного обмена. Национальная цена имеет гораздо большее практическое значение, чем мировая. Последний экономический обзор Лиги наций («World Economic Survey», 1934, р. 135) констатирует: «Возможно составить индекс движения средних цен лишь для ограниченного числа товаров, участвующих в международной торговле на суженном рынке, но этот индекс по необходимости охватывает лишь несколько товаров, очень сильно упавших в цене, и их цены значительно отклонились от их цен на важнейших национальных рынках».

Распад мировых цен, этой основы мирового обмена, и разрыв между мировыми и национальными ценами являются сильнейшим фактором нарушения всей системы разделения мирового труда и серьезного нарушения нормального функционирования закона стоимости в мировом масштабе.

Так, монопольные цены, будучи не в силах создать планомерное распределение, в то же время нарушают действие его стихийного закона движения, создавая величайшие трудности для всего хода общественного воспроизводства. Сковывая стихийные движущие силы закона стоимости, монополии порождают прогрессирующее загнивание капитализма.

Учение Митчелля об экономических циклах

I

Американский профессор Уэсли Митчелль (Wesley Clair Mitchell, род. в 1874 г.) является одним из видных современных буржуазных экономистов. Шумпетер, ставя Митчелля рядом с Маршаллем, отмечает, что Митчелль «одна из руководящих фигур ученого мира экономических наук»¹. На примере этой «руководящей фигуры» буржуазной политической экономии можно видеть, до какого жалкого убожества дошла современная экономическая мысль буржуазии.

Значение Митчелля как экономиста, его влияние на политэкономия выходят за пределы его страны — США. Буржуазная экономическая мысль в Европе, включая также работы последних русских буржуазных экономистов (Кондратьев, Первушин и др.), безусловно отражает ряд основных мыслей Митчелля.

Митчелль стал видной интернациональной фигурой вульгарной политической экономии благодаря своим работам по экономическим циклам. Это не случайно. Дж. Кларк — один из эпигонов-апологетов американского капитализма периода свободной конкуренции — целиком посвятил себя попытке, хотя и безуспешной, снять с буржуазного общества обвинение в эксплуатации рабочего класса. Кризисы в период восходящей в целом линии развития американского капитализма еще не представляли столь грозного явления, как это стало при империализме и особенно в период общего кризиса капитализма, хотя они и тогда производили немало разрушений производительных сил страны. Поэтому не кризисы составляли фокус экономической мысли американской буржуазии периода свободной конкуренции.

Митчелль же вырос в другое время. Начало научной деятельности его, совпадающее с концом научной деятельности Кларка, пришлось ко времени окончательного превращения капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, а полный расцвет сил Митчелля совпадает с периодом послевоенного империализма, охваченного общим кризисом капитализма как системы.

Подъем конца XIX столетия и кризис 1900—1903 гг. закрепили за капиталистическими монополиями руководящую роль во всей хозяйственной жизни современного общества. Господство монополий, усиливая все противоречия капитализма, привело к обострению и осложнению экономических кризисов, которые все с большей и большей наглядностью обнаруживают историческую обреченность капиталистического способа производства. Колоссально возрос общественный характер производства, хотя осталось частнокапиталистическое присвоение. Неравномерность развития капи-

¹ «The Quarterly Journal of Economics», November 1930, статья Шумпетера, стр. 153.

тализма превратилась в решающую силу империалистического развития, в могучий фактор разложения капитализма. Перед экономической мыслью буржуазии в этих условиях возникла еще одна новая апологетическая задача. Буржуазные экономисты начали распространять, как это отметил Ленин, сказку об устранении монополиями кризисов, чтобы во что бы то ни стало прикрасить капитализм перед лицом усиления капиталистических противоречий до крайних пределов, за которыми начинается пролетарская революция. Это особенно относится к периоду общего кризиса капитализма, когда судьбы человечества стали определять две системы хозяйства — систему умирающего капитализма и систему преуспевающего социализма, когда борьба двух систем стала основным противоречием капитализма. В капиталистических странах (наряду с борьбой двух систем в мировом хозяйстве) назрели н о в ы е противоречия: хроническая массовая безработица, хроническая недогрузка предприятий, расшатывание устоев империализма в колониях и т. д. — противоречия, которые уже не могут находить временного разрешения в рамках капитализма. На этой основе циклическое движение капиталистического производства, сохраняя внутренний для капитализма механизм цикла, стало протекать необычным для старого капитализма образом: фаза подъема перестала быть всеобщей, современный мировой экономический кризис оказался наиболее могучим в истории капитализма; наступившая депрессия потеряла обычный характер подготовки условий для нового подъема и расцвета капиталистической промышленности и стала, как это определил т. Сталин, депрессией особого рода. А в это время мощный подъем экономического и культурного строительства в СССР привел к победе социализма во всем народном хозяйстве страны, к победе, которая по-новому определяет как судьбы капитализма, так и путь борьбы рабочего класса и трудящихся масс за рубежом.

В условиях обостряющегося общего кризиса капитализма буржуазия особенно ощущает необходимость в новых апологетических учениях. В годы до возникновения мирового экономического кризиса одним из наиболее распространенных учений подобного рода и было учение об устранении монополиями кризисов. Но и в последние годы буржуазные экономисты пытаются приспособить эту сказку к новым, «кризисным» условиям. В этом отношении одно из видных мест с самого начала занял Митчелль, безрезультатно пытаясь облечь сказку об устранении монополиями кризисов в тогу научности.

Еще Маркс писал, что с того времени, как классовая борьба приняла угрожающий для господства буржуазии характер, буржуазная политическая экономия перестала быть научной. Беспристрастное научное исследование уступило место угодливой апологетике, руководствующейся полицейскими соображениями в интересах господствующего класса¹. Это тем более относится к буржуазной политэкономии XX столетия и особенно периода общего кризиса капитализма, одним из апологетов которого является Митчелль. Проблемы кризиса, вернее — цикла, поскольку он пытается растворить учение о кризисах в учении о циклах, начинают занимать Митчелля почти целиком, и его основная работа носит название «Business Cycles» («Экономические циклы»).

90-е годы прошлого столетия были в Соединенных штатах периодом, когда умами американских экономистов владели Маршалль, Кларк и австрийцы. Однако потребность финансового капитала в распространении сказки об устранении монополиями кризисов выдвинула новые задачи, за решение которых взялось новое поколение экономистов;

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. XIII. изд. 1923 г.

среди них Митчелль занял вскоре руководящее положение. Обстоятельства сложились так, что он в период своего формирования как экономиста оказался в стороне от общего течения господствующей экономической мысли. Он учился у профессора Чикагского университета Лафлина, воспитанного на Дж. С. Милле.

Это спасло Митчелля от общего увлечения теорией предельной полезности, но ни в какой степени не приблизило его к традициям классиков даже в толковании Милля и не привило вообще любви к теоретическому абстрактному мышлению.

Митчелль попал под влияние американского философа Дж. Дьюи и экономиста Т. Веблена, также работавших в Чикагском университете, когда там учился Митчелль. Философия прагматизма, этого своеобразного издания философии эмпиризма плюс мистики в американских условиях, и экономическая школа институционализма оказали решающее влияние на экономические воззрения Митчелля, хотя нельзя недооценить также влияния Лафлина. Американский экономист Хомен вполне основательно пишет: «Ясно, что Дьюи и Веблен, особенно последний, имели решающее влияние на взгляды Митчелля по экономической теории. От Веблена он получил дополнительно круг идей, соответствующих проблемам, которыми он интересовался. Его можно с известной оговоркой назвать последователем (disciple) Веблена»¹.

Под влиянием Лафлина Митчелль стал заниматься такими экономическими проблемами, которые привели его к изучению циклов. Лафлин внушил своему слушателю интерес к вопросам денежного обращения и любви к статистике. Но с первых же работ Митчелля выступает влияние Веблена.

Митчелль рассматривает теоретическую экономию как «науку о человеческом поведении» (a science of human behaviour). Возражения против такого понимания экономической науки он считает необоснованными, поскольку применение статистической техники для определения объема потребностей, размеров сбережений и прочих проявлений поведения человека устраняет интроспективный и субъективный моменты в понимании психологических факторов поведения. «Психологический фактор, — пишет он, — который можно измерить, является лучшим материалом для науки, чем большинство данных, которыми пользовались экономисты в прошлом»². И поскольку это так, центральная задача экономической науки представляется Митчеллю как задача выяснения роли установившихся социально-экономических привычек — или, как называет их Митчелль, institutional factors — в поведении человека.

Исходная методологическая установка Митчелля в учении о циклах подсказана как раз одним из основных положений школы институционализма, отрицающей статическую теорию в политэкономии и своеобразно рассматривающей явления в постоянном их изменении. Однако Митчелль отличается от Веблена в этих вопросах. В то время как Веблен изучал эволюцию экономико-правовых установлений (institutions), Митчелля интересуют не возникновение и развитие этих институтов, а те колебания, которые каждый из них претерпевает в данный период на поверхности буржуазного общества (колебание цен и пр.). Еще в своей докторской диссертации «The History of Greenbacks» (1903 г.) Митчелль, изучая влияние инфляции на производство и потребление в период гражданской войны между Севером и Югом, подходил к проблемам не с точки зрения «нормального» состояния экономики, а с точки зрения «нарушения», «расстройства» («disturbing»).

¹ Paul T. Ho man, Contemporary Economic Thought, 1928, p. 382.

² W. Mitchell, The Prospects of Economics, p. 23—24, «The Trend of Economics», edited by R. Tugwell, 1924.

Первыми экономическими проблемами, которые привлекли его внимание, были вопросы неустойчивой денежной единицы, колеблющегося уровня цен, и меняющейся доли в национальном доходе и т. п. Во всех своих работах по циклам он подчеркивает, что «нормальное состояние экономики» — это фикция (*a figment*), что «не существует никакого нормального состояния народного хозяйства», что «единственно нормальным положением является состояние изменения» и т. д.¹ В этой связи Митчелль и считает, что «экономические циклы представляют собой сложный комплекс разнообразных колебаний в различных областях хозяйственной деятельности»². И только такое понимание циклов может быть, по Митчеллю, полезным для дела изучения современной экономики. Теории же, которые рассматривают циклы как ритмическую смену нарушения и восстановления равновесия, он считает менее полезными.

Понятие экономического равновесия он считает результатом ложной аналогии с механикой, которую никак нельзя применять при исследовании циклов. Многообразие колебаний, характеризующих цикл, по Митчеллю, не может иметь подобия в равновесии механических сил благодаря своей сложности, поэтому он и исключает теорию «статики» из учения о циклах. Однако это не спасает Митчелля от неправильного понимания циклов, потому что он не понимает антагонистической природы «нарушений» в современном хозяйстве как выражения основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Вся критика Митчелля теории статики является чисто формальной критикой. Он не понимает сущности движения, рассматривая движение лишь как чисто количественные изменения и нарушения, при которых сохраняется без изменения самый тип производственных отношений. От такой «критики» теории статики нетрудно сделать шаг и к теории равновесия.

И действительно, Митчелль свои «нарушения» суммирует в определенном равновесии, рассматриваемом им как известное соотношение сил в количественном денежном выражении. Это равновесие, по Митчеллю, подытоживает в денежных единицах результаты различных хозяйственных процессов, протекающих в условиях постоянных «нарушений». Оно выявляет соответствие или несоответствие между расходами и доходами предприятий, обнаруживает связь между различными хозяйственными явлениями и т. д. Митчелль прямо отмечает, что представляемое им равновесие ближе к балансу бухгалтерии или — лучше — приходу-расходного отчета, чем к механическому равновесию. Такое понимание равновесия он считает более полезным как служебное средство в исследовании цикла. Тем более что укрупнение предприятий, централизуя производство под одним управлением, все больше расширяет сферу возможной тесной координации усилий за счет анархии производства и создает, по Митчеллю, тем самым больше условий для контроля над циклом.

Мы видим, что Митчелль исключительно непоследователен даже в поверхностном, чисто количественном понимании «колебаний», «нарушений» хозяйственных процессов. Половинчатость и двойственность позиции Митчелля, характеризующая его как эклектика, отражают собою практическое назначение его учения о циклах. Это учение, имеющее для империалистической буржуазии прежде всего общеклассовое назначение в деле распространения сказки о ликвидации монополиями кризисов, ставит себе и сугубо практические, деловые (*business*) задачи по обслуживанию интересов капитали-

¹ W. T h o r p, *Business Annals*, 1926; см. предисловие Митчелля, стр. 31—32; его же «Экономические циклы», 1930, стр. 387.

² У. М и т ч е л л ь, *Экономические циклы. Проблема и ее постановка*, 1930 г., стр. 191 (в дальнейшем сокращенно обозначая «Эк. ц.»).

стических монополий в отдельности в их борьбе за высокие прибыли. «Теория равновесия бухгалтерского баланса» пытается дать в распоряжение монополий средство приспособления к циклическому движению производства, средство контроля над конъюнктурой в целях большего извлечения монопольной прибыли. Известно, что главные идеи учения Митчелля о циклах лежат в основе конъюнктурных наблюдений и прогнозов, которыми так щедро снабжаются капиталистические монополии различными статистическими бюро и институтами, особенно в Америке.

Митчелль следующим образом оценивает значение экономической науки. «В области теоретической экономики, — пишет он, — так же как и в других научных областях, мы хотим получить главным образом знания в виде инструмента контроля. Контроль этот означает использование заманчивой возможности придать развитию экономической жизни форму, соответствующую целям нашей расы»¹. В применении к учению об экономических циклах это и означает помочь монополиям больше извлекать прибыли. Правда, политическая экономия, в том числе и учение Митчелля, не в состоянии дать монополиям действенное практическое указание для устранения пагубного влияния кризисов, но тем не менее финансовый капитал цепляется за каждое «ученое» знахарское открытие, которое пророчествует — пусть даже шарлатански — смягчение кризисов.

Основной задачей учения о циклах Митчелль считает выяснение внешнего хода цикла, а не самой природы его. Митчелля интересует вопрос не о том, что является причиной кризисов, — вопрос, который поставлен даже рядом буржуазных экономистов (Туган-Барановский, Бунятян, Лескюр и др.), — его интересует вопрос о том, как циклы протекают, какова внешняя последовательность экономических явлений.

Митчелль вообще отрицает научный характер идеи причинности, считая, что она имеет скорее прагматическое значение. Представляя цикл как агрегат многочисленных изменений в различных процессах, Митчелль считает, что цикл обусловлен множеством причин, из которых экономист должен обратить специальное внимание на те, которые заслуживают с его точки зрения этого внимания в зависимости от того, какие результаты он хочет получить в своей работе. Митчелль таким образом вводит субъективный момент в проблему причинности, подготавливая тем самым путь к отказу от необходимости вскрыть содержание циклов и понять объективные внутренние связи тех явлений, которые образуют цикл. Свою задачу он видит в том, чтобы найти продолжительность циклов, повторяемость фаз и амплитуду колебаний, но отнюдь не внутреннюю необходимость кризисов, поскольку он стремится не понять сущность явлений, а только описать их непосредственное проявление, чтобы попытаться борьбу за высокие прибыли увязать с превращениями цикла. Такое понимание основной задачи учения о циклах обусловливается классовой природой учения Митчелля, идеолога финансового капитала, тщетно пытающегося смягчить циклы, особенно в период общего кризиса капитализма.

Митчеллевское понимание основной задачи учения о циклах непосредственно связано с его методом исследования. Наиболее характерным типом исследования экономических циклов в настоящее время, в отличие от прежних учений, он считает анализ статистических данных. Раньше ученые пытались объяснять драматические события — «кризисы», — не видя необходимости ни в тщательном фактическом исследовании их, ни в объяснении фазы расцвета. Митчелль считает, что работа Жюгляра (1860 г.) стала поворотным пунктом в исследовании циклов. Экономисты

¹ «The Trend of Economics», p. 25.

больше стали заниматься изучением фактов, от исследования кризисов перешли к исследованию циклов. К тому времени—в самом начале XX в.—статистическая техника настолько обогатилась, что стало возможным ее плодотворное применение в исследовании циклов на основе количественных данных. Центральной проблемой в исследовании циклов стал анализ временных рядов. Свою работу Митчелль рассматривает как синтетическое обобщение всех попыток количественного исследования циклов с необходимым развитием количественного анализа дальше на основе богатого и многообразного фактического материала, накопленного в настоящее время статистиками и экономистами. Хомен называет Митчелля «пророком фактов и цифр»¹. Но любовь к фактам у Митчелля не означает стремления понять внутреннюю связь между фактами, сущность явления.

Отличительная особенность Митчелля заключается не в том, что он включает в сферу исследования циклов фактический материал. Экономисты и до него всегда пользовались фактическим материалом, не говоря уже в данном случае о работах основоположников марксизма-ленинизма, где мы встречаемся с единственно правильным теоретическим обобщением на основе диалектического материализма огромного, всестороннего фактического материала о развитии капитализма. Дело заключается в том, что он, Митчелль, изучая факты, принимает их непосредственную видимость тождественной с их сущностью, отличаясь в этом отношении даже от тех экономистов, которые, плавая по поверхности буржуазного общества, все же стремятся к кое-каким теоретическим обобщениям. Митчелль же—вообще противник теоретической абстракции и научной дедукции. Он игнорирует проблему сущности.

Основатель политической экономии Уильям Петти начал с собирания фактов и выяснения эмпирических связей между ними. Это было необходимым первоначальным этапом в развитии науки политэкономии. Но уже и Уильям Петти ставил перед собой задачу объяснения природы явлений (например ренты). В этот период собирание фактов означало подготовку научной дедукции, которая сыграла плодотворную роль в классической буржуазной политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо) и в переработанном на основе диалектического материализма виде стала орудием экономической науки пролетариата. Маркс писал, что сила абстракции играет в политической экономии такую же роль, как микроскоп и реактив в естественных науках.

Митчелль же, целиком отказываясь от объяснения природы интересующих его явлений (экономические циклы), заменяет силу абстракции в политэкономии голым количественным методом статистики. Количественный анализ из вспомогательного средства при экономическом исследовании превращается в единственный всеобъемлющий метод политической экономии, и поэтому центральной проблемой учения о циклах становится анализ временных рядов, а не выяснение природы кризисов (и циклов). Собирание фактов, касающихся развития циклов, и выяснение эмпирических связей между ними заменяют собою какую бы то ни было теоретическую работу по вопросу о сущности капиталистических циклов. Причем собирание фактов на закате буржуазной политэкономии уже не прокладывает пути к научной дедукции, как это было на заре буржуазной политической экономии, а превращается в самоцель, отрицающую силу абстракции в экономическом исследовании. Говоря об эволюции экономической науки, Митчелль пишет: «Экономическая наука постепенно должна превратиться в науку о количестве (quantitative science)»².

¹ P. H o m a n, *Contemporary Economic Thought*, 1928, p. 427.

² «The Trend of Economics», p. 27.

Шумпетер пишет об особенностях метода Митчелля: «Сущность дела заключается в том, что мы быстро учимся д у м а т ь в понятиях о статистических количественных совокупностях, тем более что фактические данные все больше представляются в форме временных рядов»¹. Эта «ученая» сентенция Шумпетера означает, что Митчелль заменяет метод абстракции, имеющий столь огромное значение в политэкономии, методом сугубо поверхностного чисто количественного анализа, как бы при этом ни «думал» сам Митчелль.

Возникает вопрос: как Митчелль относится к тому наследству разнообразных теорий о кризисах и циклах, которое оставило развитие буржуазной политэкономии на сегодня, не говоря уже о единственно правильной теории кризисов — марксистской теории?

В связи с этим вопросом надо учесть, что Митчелль является не просто эмпириком, а эмпириком-последователем прагматизма — учения, которое имеет свое специфическое отношение к различным теориям. В. Джемс, один из основоположников прагматизма, рассматривает это учение «прежде всего как метод улаживания философских споров, которые без него могли бы тянуться без конца». Он пишет: «Прагматизм делает все наши теории менее тугими (unstiffen), он придает им гибкость и каждую усаживает за работу».

В основу отношения прагматизма к различным теориям положен принцип практических результатов, принцип полезности, сформулированный Чарльсом Пирсом еще в 1878 г. Этот принцип предписывает извлечь практическую наличную ценность (practical cost-value) из каждой теории и сделать ее полезной, заставив ее работать в потоке нашего опыта. Эта «инструментальная» точка зрения, разработанная Дж. Дьюи, рассматривает таким образом теории как орудия логической работы, как рабочие гипотезы, как умственные способы п р и с п о с о б л е н и я к действительности. Говоря о многочисленных конкурирующих учениях, Джемс пишет: «Исследователи мало-помалу привыкли к мысли, что ни одна теория не есть абсолютно точная копия действительности и что каждая из них может быть полезной с какой-нибудь определенной точки зрения». В этой связи Джемс и отмечает, что прагматизм — «посредник», «мироворец», «вполне свободен», «открыт всему (genial)», делает теории «менее тугими», по выражению итальянца Папини, «считается со всякой гипотезой», «прислушивается ко всяким аргументам», представляет собой «известное отношение к вещам, известную точку зрения (attitude of orientation)», но отнюдь не «определенный результат». Джемс прямо отмечает, что прагматизм «никогда не защищает — по крайней мере в исходном пункте — каких-нибудь определенных специальных теорий. Он не имеет никаких догматов, не выставляет никаких особых учений; он имеет только свой метод. Как хорошо выразился молодой итальянский прагматист Папини, он расположен посреди наших теорий подобно коридору в гостинице. Бесчисленное множество номеров выходит в этот коридор (а в каждом номере особый человек. — А.). Но коридор принадлежит всем, все должны пользоваться им, если желают иметь удобный путь, чтобы выходить и заходить в свои комнаты»².

Начиненный подобного рода эклектическим учением, Митчелль, хотя и отрицающий на словах эклектизм, рассматривает существующие теории кризисов и циклов как рабочие гипотезы, каждая из которых является постольку полезной, поскольку помогает изучить одно из колебаний, совокупность которых составляет цикл. Колебания эти многочисленны и наблюдаются они в физических (например осадки), психологических (например оптимизм и пессимизм на бирже), политических (например зако-

¹ J. S c h u m p e t e r, op. cit., p. 162.

² В. Д ж е м с, Прагматизм, изд. «Шиповник», 1910, стр. 33, 38, 39, 40, 54.

ходательство), социальных (например рождаемость) и экономических процессах. Поэтому Митчелль и пишет: «Любой из этих факторов или процессов может быть взят в качестве основы для построения достаточно правдоподобной теории экономических циклов, если только исследователь в состоянии показать, что данный фактор или процесс является первоисточником колебаний, повторяющихся в ходе конъюнктуры промышленности и торговли» («Эк. ц.», стр. 48).

Исходя из этого, Митчелль считает большинство из существующих теорий циклов вероятным или убедительным, взаимно дополняющим друг друга в объяснении различных колебаний, представляющих цикл. Таким образом Митчелль пытается существующие теории циклов «примирить», сделать их «менее тугими». Самые разнообразные теории циклов — Джевонс, Пигу, Зомбарт, Афтальон, Бунятян, Туган-Барановский, Шумпетер, Шпитгоф и многие другие — превращаются у Митчелля в обитателей того множества номеров в гостинице, двери которых выходят в один общий коридор. А этим «коридором», как представлял себе Папини, является в области исследования циклов, разумеется, не что-нибудь другое, а учение профессора Колумбийского университета Уислея Митчелля. Единственная теория кризисов, которой Митчелль пренебрегает, является, как и следовало ожидать, марксистско-ленинская теория кризисов. Действительно, эту теорию невозможно загнать в общий прагматический «коридор» митчеллевских псевдоученых изысканий по экономическим циклам!

II

Митчелль констатирует, что циклы связаны с современным хозяйством. Он к этому заключению приходит прежде всего потому, что существующие теории по его представлению или открыто признают это или молчаливо подразумевают. Если даже исходить из экзогенных причин (например из метеорологических условий), то все равно лишь в современном хозяйстве эти причины могут породить циклы, говорит он. Таким образом Митчелль считает циклы атрибутом современного хозяйства.

Правда, экономические кризисы происходили еще до современного хозяйства, как признает Митчелль, но тогда преобладающую роль играли в их возникновении внеэкономические факторы — эпидемии, войны и пр., в то время как теперь эту роль играют факторы экономические, хотя внеэкономические явления продолжают оказывать влияние на движение цикла. Прежние кризисы отличались от современных также формой своего проявления. Например интервалы между кризисами раньше носили более неправильный характер, кризисы наступали не после периодов расцвета, как это происходит обычно в современном хозяйстве, а часто после периодов депрессивного состояния торговли и т. д. Поэтому Митчелль констатирует в своей основной работе, что «экономические циклы имеют место только в обществе с отчетливо выраженным типом новейшей организации народного хозяйства» («Эк. ц.», стр. 6). Однако Митчелль не понимает природы современного хозяйства, благодаря чему он оказывается не в состоянии правильно увязать проблему циклов с вопросами современного народного хозяйства.

Как истинный апологет капиталистического способа производства Митчелль хотя временами и называет современное хозяйство «капитализмом» (в кавычках), как например в статье о циклах, напечатанной в «The Encyclopaedia of the Social Science» (т. III, стр. 92), но считает, что циклы не связаны с «капиталистическими чертами» современного хозяйства. Он хорошо понимает революционизирующее значение кризисов. Он прямо пишет, что, по учению Маркса, хозяйственные кризисы «ведут нас к социа-

лизму» («Эк. ц.», стр. 237). Отрицание связи циклов с капитализмом является как бы превентивной идеологической попыткой нейтрализовать революционное влияние кризисов на рабочий класс и трудящиеся массы, особенно в период общего кризиса капитализма, и служит одновременно теоретической базой всевозможных прожектов о ликвидации кризисов в рамках капиталистического способа производства. Если «капиталистические черты» современного хозяйства не при чем в возникновении и развитии циклов, то, естественно, все бедствия, которые несут кризисы для народных масс (безработица, сокращение зарплаты и т. д.), имеют своим источником во всяком случае не капитализм как таковой. Таким образом Митчелль, рассматривая «капитализм» как одно из свойств современного хозяйства, обходит основное противоречие капитализма и его конкретные выражения и тем самым закрывает перед собой путь правильного понимания того факта, что экономические циклы свойственны лишь капиталистическому хозяйству.

Непосредственная исходная позиция Митчелля в этом вопросе состоит в том, что он под влиянием Веблена проводит резкое различие в производственных (industrial) и денежных (recipiary) факторах экономической деятельности людей в современном обществе. «Капиталистические черты» современного хозяйства относятся к области производства (например частная собственность на средства производства), но это не имеет отношения, по Митчеллю, к циклам. Циклы зависят от «денежных черт» современного хозяйства. Таким путем Митчелль пытается освободиться от антагонистического характера капиталистического способа производства. Правда, Митчелль пытается немного покритиковать «капитализм». Но надо отметить, что ему не удастся в этом деле подняться даже до уровня импотентной «критики» своего учителя Веблена.

Митчелль связывает экономические циклы с тем, что в настоящее время хозяйственная жизнь представляет собою добывание и расходование денег. Исторически циклы возникли, по Митчеллю, как раз с переходом большинства населения на начала денежного расчета в своей экономической деятельности. Он пишет: «Экономические циклы становятся существенной чертой хозяйственной жизни какого-либо общества лишь тогда, когда значительная часть его населения начинает жить на основе принципов денежного хозяйства, получая и расходуя денежные доходы» («Эк. ц.», стр. 186). Иначе говоря, Митчелль связывает возникновение и развитие экономических кризисов с той организацией народного хозяйства, которую он называет «business ecomoty».

Что характерного в «business ecomoty» — в современном денежном хозяйстве, которое определяет, по Митчеллю, экономические циклы? Это — особая функция денег, которую пытается установить Митчелль. «Авторы по проблемам денег, — пишет Митчелль, — обычно считают, что деньги выполняют три функции, являясь всеобщим знаменателем ценностей (a common denominator of value), средством обращения и средством платежа. Такое понимание функций денег однако слишком далеко от представления той важной роли, которую деньги играют в экономической жизни»¹. Эта роль денег, по Митчеллю, вытекает скорее из сложного механизма цен, чем из самой природы денег, рассматриваемых им не как всеобщий денежный эквивалент, возникший стихийно на высшей ступени развития форм стоимости, а как «институт», установленный самим человеком для удобства товарообмена, хотя и в полном незнании тех последствий,

¹ W. Mitchell, Gold, Prices and Wages under the Greenback Standard, 1908, p. 279.

которые несет с собой этот «институт» в экономическую жизнь нашего общества.

Сложный механизм денежных цен образует, по Митчеллю, ту глубокую основу, на которой непосредственно вырастают различные формы организации хозяйства в современном обществе и вообще протекают все экономические процессы, уже независимо от воли производителей или даже всего общества, хотя именно они создали деньги. Отсюда Митчелль пытается вывести «новую, более существенную функцию денег, заключающуюся не в том, что деньги употребляются как средство обращения, а в том, что экономическая деятельность принимает форму добывания и расходования денег»¹. В связи с этим самым главным явлением в экономической деятельности при денежном хозяйстве становится денежный расчет, расходование денег в целях нового получения наибольшего количества их, т. е. получения прибыли. Конечной формулой этого денежного расчета является $D - D_1$ в ее непосредственной данности на поверхности буржуазного общества.

Мы видим, что Митчелль, ограничиваясь анализом явлений на поверхности буржуазного общества, отождествляет форму проявления капитала с его сущностью.

Маркс писал, что новый капитал каждый раз неизменно появляется на рынке в виде денег, не говоря уже о том, что в историческом прошлом капитал всюду противостоит земельной собственности в виде денег. Однако капитал — это не просто деньги. Капитал есть самовозрастающая стоимость как результат эксплуатации наемной рабочей силы, а отнюдь не каких-то процессов, совершающихся в самих деньгах. Исторически деньги превращаются в капитал в процессе разорения самостоятельных товарнопроизводителей, превращающихся в наемных рабочих, отчужденных от средств производства. Потребление наемной рабочей силы в процессе производства и создает прибавочную стоимость, превращенную форму которой представляет собою прибыль.

Митчелль всего этого конечно не может понять. Он понимает прибыль как разницу между покупной и продажной ценой, образуемой благодаря накидке на цены в целях оплаты за услуги хозяйственных предприятий. Он не видит никакой разницы между наемными рабочими как продавцами «разносторонних способностей к труду» и капиталистами, владельцами различных естественных ресурсов, индустриального оборудования и ссудного капитала. По Митчеллю, они все одинаково ищут поле выгодного применения различных видов производительной энергии и получают денежный доход для расходования. По Митчеллю, нет никакого качественного различия в употреблении денег в капиталистическом обществе или в простом товарном хозяйстве. Имеющееся различие он сводит лишь к количественному порядку. Деньгами раньше пользовался в своей экономической деятельности ограниченный класс деловых людей, впоследствии же — при современном денежном хозяйстве — все население или превалирующее большинство его. И только! Он отрицает процесс превращения денег в капитал, не придает значения «собственности на средства производства» и тем самым не замечает возникновения основного противоречия капитализма, являющегося главной причиной кризисов. Поэтому Митчелль не понимает необходимости кризисов с развитием капиталистического способа производства.

Ограничивая анализ рамками «денежного» хозяйства, можно доказать, как показал Маркс, лишь возможность кризисов. Но известно, что превращение этой возможности в действительность требует превращения денег

¹ W. Mitchell, The Business, Cycles 1913, p. 21.

в капитал и рабочей силы в товар, т. е. образования противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Экономическое воззрение Митчелля слишком далеко от такого понимания проблемы кризисов.

Механизм цен в современном обществе, которому Митчелль придает столь исключительное значение, представляет собою систему взаимосвязанных цен, образующих «бесконечную цепь». Ослабление какого-нибудь звена в этой цепи отдается по всему денежному деловому (business) миру. Митчелль рассматривает каждое предприятие как «одно из колес большой машины». Под влиянием Веблена он свое понимание циклов увязывает с идеей о взаимозависимости (interdependence) хозяйственных предприятий. Американский экономист А. Ганзен справедливо отмечает, что «взаимозависимость» хозяйственных предприятий представляет собой одну из руководящих нитей, проходящих сквозь все работы Митчелля»¹. Митчелль понимает, что на основе общественного разделения труда устанавливается цепная связь различного порядка зависимостей между хозяйственными предприятиями: индустриально-коммерческие связи, финансовая взаимозависимость, зависимость от общего источника сырья и т. д. Эти разнообразные связи образуют подвижную систему, в которой ускорение или замедление деятельности в одной части передается по цепи на другие части. Эта сложная и разнообразная система взаимозависимости делается возможной благодаря механизму цен, регулирующему процессы производства и распределения благ. Всевозможные связи между предприятиями осуществляются через посредство цен.

Таким путем Митчелль пытается установить значение взаимозависимости между предприятиями для движения экономических циклов. Однако буржуазная ограниченность мешает Митчеллю вскрыть в цепной связи между капиталистическими предприятиями своеобразное антагонистическое выражение общественного характера производства, поскольку он, Митчелль, апологетически игнорирует основное противоречие капитализма. Поэтому Митчелль и не может показать действительного отношения, существующего между механизмом кризисов и цепной связью между капиталистическими предприятиями. Его понимание взаимозависимостей между предприятиями выражает собою механистическую плюралистическую точку зрения прагматизма, рассматривающего мир в виде ряда сетей или сцеплений. С этой точки зрения прагматисты ограничиваются наблюдением многообразия взаимосвязанных фактов в их непосредственной данности, без всякой попытки понять природу этих связей. Поэтому и Митчелль ограничивается поверхностным, чисто количественным описанием «нарушений», постоянно наблюдаемых во взаимозависимости между предприятиями, как выражение цикла. С этой точки зрения Митчелль самый цикл рассматривает формальным образом просто «как агрегат изменений в многочисленных, одновременно или последовательно протекающих процессах» («Эк. ц.», стр. 53).

Маркс, анализируя процесс накопления капитала, показал, что циклическое движение производства представляет характерный жизненный путь капиталистической промышленности. Внезапное и конвульсивное расширение современного производства, уже связанного с мировым рынком, неизбежно приводит периодически в условиях частнокапиталистического присвоения, различных диспропорций и нищенского уровня существования масс к резкому сокращению производства. Падение цен, физическое уничтожение части производительных сил и накопленных запасов, банкротство сравнительно слабых предприятий, уменьшение новой продукции, дальнейшая интенсификация труда, завоевание новых рынков и т. п.

¹ А. Н. Хансен, Business Cycle Theory. Its development and present status, 1927, p. 124.

обычно создают условия для нового оживления и подъема производства. Итак, меняются различные фазы цикла, имея своей материальной базой обновление основного капитала. Положение рабочего класса еще больше ухудшается. Маркс писал: «Колоссальная, скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич. Промышленная жизнь превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Ненадежность и непостоянство, которым машинное производство подвергает заработок, а следовательно и существование рабочего, становятся нормальным явлением, когда устанавливается такая смена периодов промышленного цикла (кругооборота)»¹. Такова вкратце единственно правильная характеристика капиталистических циклов.

Митчелль же рассматривает циклы не как характерную форму движения производства, а как одну из форм многочисленных колебаний, которым подвергнуты экономические явления на поверхности современного общества. Он не видит в цикле своеобразную форму капиталистического воспроизводства, своеобразную форму движения антагонистических производственных отношений.

Подвергая статистическому анализу временные ряды, Митчелль устанавливает следующие формы колебаний экономических явлений: вековое движение (*secular trend*), циклы, сезонные колебания и случайные пертурбации. Вековое движение он рассматривает как наиболее длительную тенденцию хозяйственного развития, которая подвержена незаметному изменению, например постепенное сокращение движения по водным каналам США, наблюдаемое параллельно развитию железнодорожного транспорта. Вековое движение имеет различные причины и различную продолжительность. Сезонные колебания зависят от климатических условий и общественных установлений (*conventional or institutional*), как например торговля перед праздниками, моды и т. п. Пертурбационными, или иррегулярными, колебаниями Митчелль считает все другие колебания, которые не являются вековыми, сезонными и циклическими изменениями и зависят от таких причин, как война, гражданское восстание, забастовка, локауты, стихийные бедствия, изобретения, судебная практика, изменения в законодательстве, открытие новых естественных ресурсов и т. п. Статистическая техника не в состоянии пока элиминировать из временных рядов пертурбационные колебания. Митчелль считает устранение этого недостатка одной из текущих проблем учения о циклах.

Элиминируя вековое движение и сезонные колебания во временных рядах, Митчелль получает циклические изменения, хотя и не в чистом виде. Он различает также экономические циклы (*business cycles*) от «особых циклов» (*specific cycles*). Он пишет: «Все повторяемые колебания в индивидуальных временных рядах со средней продолжительностью более одного года могут быть названы «особыми циклами» в отличие от общего движения, называемого «экономическим циклом»². Не всегда «особые циклы» совпадают во времени с экономическими циклами.

Цикл выступает у Митчелля в результате сложной, весьма сомнительной статистической обработки временных рядов скорее как логическое построение, чем реальный жизненный путь современной промышленности. «Это понятие есть синтетический продукт нашей мысли», — пишет он о циклах («Эк. ц.», стр. 2). «Статистические данные, — говорит он в другом

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 433, изд. 1923 г.

² «The Encyclopaedia of the Social Sciences», vol. III, 1930, статья Митчелля, стр. 94.

месте, — не дают прямых доказательств существования единого «экономического цикла»; они дают доказательства лишь существования колебаний в сотнях временных рядов» («Эк. ц.», стр. 466), т. е. «особых циклов» по терминологии Митчелля. Мы видим, как Митчелль доходит до отрицания реального существования циклов.

В основу своего определения экономических циклов Митчелль кладет формальный принцип повторяемости явлений, совершенно игнорируя сущность явлений, качественную характеристику их. Митчелль присоединяется к бессодержательному формальному определению цикла, которое дал Ф. Климентс в 1922 г. на конференции по вопросу о циклах, созванной институтом Карнеги, и которое, по Климентсу и Митчеллю, пригодено для пользования в равной мере как в политэкономии, так и в метеорологии, астрономии, геологии, ботанике и т. д. «В общенаучном употреблении, — говорит Климентс, — цикл означает повторение различных фаз положительных и отрицательных отклонений (plus and minus departures), которые частью доступны точному измерению»¹. Это тривиальное, лишенное какого бы то ни было научного содержания определение цикла Митчелль и применяет в своих экономических работах. И это не случайно, потому что он элиминирует из своего анализа капиталистический характер современного хозяйства, сводя экономические явления к чисто количественным изменениям.

Не понимая необходимости кризисов при капитализме, Митчелль отрицает их периодичность. Он, как и следует ожидать, подходит к вопросу о периодичности кризисов чисто формально, не понимая, что периодичность кризисов сама по себе уже обусловлена природой кризисов. Внутренние силы капитализма создают механизм насильственного временного преодоления противоречий, с тем чтобы на более широкой основе и с более мощными силами вновь накоплять противоречия. И так это повторяется от одного кризиса к другому. В эпоху же империализма борьба монополий обостряет и усиливает капиталистические противоречия, что находит соответствующее отражение в экономических кризисах. Митчелль конечно всего этого не может понять, поскольку он игнорирует задачу познания природы кризисов. Он подходит к отрицанию периодичности кризисов с точки зрения чисто формального принципа, считая, что периоды между кризисами варьируются в широких пределах, что нет правильных интервалов между ними, нет строгой регулярности экономических явлений во времени. Регулярным Митчелль считает лишь самый факт повторения фаз и определенную последовательность в этом повторении. Таким образом он сводит понятие об экономических циклах к последовательной смене фаз, выраженной в количественных изменениях;

III

Митчелль считает, что цикл состоит из четырех повторяющихся фаз: экспансии, рецессии, сужения и оживления. Исходную и основную фазу экономических циклов — кризис — он игнорирует, считая это понятие «сомнительным», «неясным», «двусмысленным» и «неподходящим» для определения одной из фаз цикла. Переход от экспансии к сужению, или, выражаясь точнее, от подъема к депрессии, по Митчеллю, чаще происходит не катастрофично, а постепенно. Он считает, что с 60-х годов циклические колебания смягчены благодаря банковским мероприятиям по «финансированию паники». Поэтому понятие кризиса устарело, больше не соответствует состоянию перехода цикла от подъема к депрессии и должно быть заменено понятием рецессии. Соответственно понятие расцвета или подъема

¹ Цит. по Митчеллю, см. предисловие его к «Business Annals» by L. Thorp, 1926, p. 33, и «Эк. ц.», 1930, стр. 388.

(prosperity) должно быть заменено понятием экспансии, а понятие депрессии — понятием сужения (contraction). Причем в дальнейшем, с развитием новых форм контроля монополий над циклическим движением, понятия экспансии и сужения в свою очередь должны быть, по Митчеллю, заменены понятиями ускорения (acceleration) и замедления (retardation)¹.

Но на всякий случай Митчелль не совсем выбрасывает из своего лексикона слово «кризис», а подобно словам «паника» и «спекулятивный подъем» обозначает им степень интенсивности фазы, когда рецессия может оказаться кризисом, а кризис — паникой. Но основная линия Митчелля ясна. Он кастрирует экономические циклы, поскольку реально исключает кризисы, на мгновение разрешающие насильственным путем противоречия капитализма, чтобы вновь накоплять их на расширенной основе, — кризисы, которые являются исходным пунктом массового обновления основного капитала, этой материальной базы дальнейшего развертывания цикла. Созданный таким путем бескризисный цикл Митчелля является лишь спекулятивным построением в соответствии со сказкой об устранении монополиями кризисов и не имеет ничего общего с реальным капиталистическим циклом. Это — чистейшая апологетика, рисующая такое смягчение циклического движения, при котором исключается даже всякое более или менее серьезное колебание, отрицается по существу самый цикл даже в том понимании, какое дает Митчелль.

Митчелль накануне мирового экономического кризиса благожелательно констатировал: «В статистическом мире отличительной чертой последних экономических изменений считают тенденцию роста производительности среднего рабочего и тенденцию роста среднего дохода, а не циклические колебания». Развитие идет в таком направлении, что «цикл останется (?), но он будет настолько смягчен, что статистикам придется измерять его различным темпом роста, а не моментами плюса и минуса». Если же понимать циклы в «старом смысле», с фазами подъема, кризиса и пр., то циклов, по Митчеллю, уже давно нет в действительности. Он пишет: «Если считать циклами только такие колебания в экономической деятельности, которые включают в себя резкий подъем, кризисы и суровую депрессию — в том смысле, в каком обычно понимают эти неопределенные термины, — то правильным будет утверждение, что со времени 1920—1921 гг. США не имели экономических циклов. Но если понимать циклы в таком смысле, — продолжает Митчелль, — то последние были «устранены» в США уже до войны»². Таким путем Митчелль освобождает капиталистическую действительность от нежелательных для монополий циклов. Буржуазный «апостол фактов» впадает в глубочайшее противоречие с фактами капиталистической действительности. Достаточно вспомнить современный мировой экономический кризис, чтобы понять реальную цену учения Митчелля о ликвидации кризисов и циклов.

Какую характеристику дает Митчелль различным фазам цикла, как он объясняет смену фаз?

Из сказанного выше ясно, что Митчелль не может понять внутренних сил капитализма, действующих в механизме цикла, и не в состоянии вскрыть природу различных фаз, их истинную роль и настоящее место в цикле. Свою характеристику отдельных фаз цикла он отождествляет с поверхностным описанием (description) явлений, наблюдаемых в той или другой фазе цикла. Он не понимает решающего значения фазы кризиса во всем циклическом движении и считает совершенно безразличным, с какой фазы

¹ «The Encyclopaedia of the Social Science», vol. III, 1930, p. 101.

² Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов, т. II, статья Митчелля, стр. 573, 574 и 579.

начать описание цикла, поскольку одна фаза в своем развитии перерастает в последующую фазу, создавая таким образом непрерывную цепь повторяющихся в определенной последовательности фаз циклического движения экономической активности в современном обществе.

Как истинный представитель вульгарной политической экономии сам он начинает описание цикла с фазы подъема, именуемой им фазой экспансии или ускорения. Однако Митчелль начинает описание цикла с фазы подъема не потому, что для него безразлично, с какой фазы начать это описание, как он пишет в своих работах о циклах, а на самом деле потому, что он видит в фазе подъема решающую фазу цикла, поглощающую в ходе развития капитализма все остальные фазы цикла. Циклическое развитие у него сменяется поступательным движением хозяйства с различными темпами роста в различные периоды, без колебания производства вверх и вниз.

В основу своего описания различных фаз цикла Митчелль кладет рассмотрение денежной стороны хозяйственной деятельности, выражающейся в получении прибыли, которую Митчелль считает основным ключом к экономическим циклам. Митчелль не свободен также от влияния кредитных теорий конъюнктуры, усматривающих источник подъема в создании банками новой покупательной силы населения.

Характеристику фазы цикла, именуемой им экспансией, Митчелль сводит к простому описанию тех явлений, которые наблюдаются на поверхности буржуазного общества в период подъема производства. Это — рост промышленности и торговли, увеличение занятости рабочих и номинальной заработной платы, повышение товарных цен, расширение прибылей, повышение курса ценных бумаг, господство оптимизма в торгово-промышленных делах, стремление к расширению предприятия, широкие ссудные операции, большие вложения в промышленное оборудование и рост ссудного процента. Митчелль, рассматривая эти явления во взаимосвязи, отмечает, что экспансия одного из этих явлений не может перейти границы, определяемые одновременной экспансией других явлений. Но в современном хозяйстве невозможно достигнуть равновесия, поэтому некоординированная экспансия различных явлений неизбежно создает серию небольших трений, которые перерастают в серьезные экономические бедствия. Наступает фаза рецессии.

Митчелль особенно обращает внимание на препятствия к повышению прибылей, создаваемые тем, что предприятия достигают как предельной нагрузки общественно-нормального, стандартного производственного аппарата, так и полного использования имеющейся в их распоряжении рабочей силы. До этого момента расширение производства приносило рост прибылей предпринимателей даже при сохранении старых продажных цен, потому что сокращались издержки производства на единицу товара. Дальнейшее расширение производства за пределы наличной стандартной мощности связано с увеличением издержек производства, поскольку в процесс производства вовлекаются устарелое оборудование (*substandard equipment*), а также новые рабочие, которые в общем менее производительны, чем ранее занятые рабочие. К тому же растут также цены на сырье, номинальная зарплата и ссудный процент; увеличиваются сверхурочные работы, которые в общем понижают производительность труда на предприятии в целом; все больше и больше делается трудным в условиях бешеной гонки производства рационально управлять хозяйством.

Митчелль считает, что повышение продажной цены не может компенсировать целиком наблюдаемое увеличение издержек производства, к тому же имеются предприятия, которые не в состоянии сразу повысить отпускные цены. К таким предприятиям относятся коммунальные предприятия,

предприятия, реализующие продукцию по рекламированным заранее ценам или исполняющие договор с длительным сроком действия и с фиксированной оплатой. Более могущественным средством противодействия повышению издержек производства является расширение старых предприятий или строительство новых на основе более усовершенствованной техники. Однако эти мероприятия могут дать положительные результаты со временем, пока же они создают для текущей конъюнктуры затруднения. Новое строительство чутко воспринимает изменения в темпах происходящего роста промышленной продукции, независимо от ее физического объема. Малейшее замедление в темпах роста продукции влечет за собой сокращение заказов на новое оборудование, и производство средств производства начинает свертываться. В то же самое время подобное замедление в темпах роста продукции совершенно неизбежно в условиях современного хозяйства, когда невозможно предвидеть характер и объем расширения спроса.

Одновременно с ростом цен остро ощущается необходимость финансирования торговли, поскольку текущие доходы населения оказываются не в состоянии покрыть растущее предложение. К тому же движение цен происходит чрезвычайно неравномерно. Предприятия находятся в противоречивых условиях существования. С одной стороны, расходы их не могут длительно превышать сумму цен произведенной ими продукции, поскольку это ведет к исчерпанию резервных средств. С другой стороны, сокращение расходов в конечном счете означает, что часть продукции или не будет реализована или же должна быть реализована по убыточным ценам. Расходы процветающих предприятий как раз должны быть меньше суммы цен их продукции, поскольку они должны накапливать резервные денежные фонды. В этом случае на помощь торговле приходят банки, которые своей кредитной экспансией создают дополнительную покупательную силу.

Но эта кредитная экспансия в свою очередь подгоняет цены вверх, создает новые несоответствия в развитии различных отраслей производства и приводит к новым трудностям, поскольку банковские кредиты распределяются среди различных слоев населения неравномерно. Кроме всего кредитная экспансия истощает банковские резервы. Это приводит к такому повышению ссудного процента, при котором прибыль многих предприятий ставится под удар. Начинается ощущение недостатка в ссудном капитале. Развертывается эпидемия банкротств. Таким образом фаза экспансии переходит у Митчелля в фазу рецессий, в период, переходный от экспансии к сужению. Причем фаза рецессии окажется тем более смягченной, чем рациональнее будет организована банковская система страны.

Фазу сужения (*contraction*) Митчелль рассматривает во многих отношениях как противоположность фазы экспансии. Пессимизм охватывает торгово-промышленные круги, цены падают, производство сокращается, прибыли уменьшаются, предприятия начинают приносить убытки, число банкротств растет еще больше, чем в период рецессии, резко свертывается обновление промышленного оборудования, сокращается банковский кредит и т. д. К концу фазы сужения образуются свободные средства, притекающие в банки, резервы которых начинают расти также в связи с сокращением кредита. Учетный процент сильно понижается. На фондовой бирже начинается оживление. Одновременно улучшаются условия получения прибыли в связи с падением цен на сырье, «более рациональным управлением предприятий» и т. д., хотя продажная цена остается на низком уровне. Сокращение производства ведет к более эффективному использованию лучшей части наличного оборудования, а также к повышению производительности труда. Накладные расходы уменьшаются. В результате сокращаются издержки производства и повышаются прибыли.

Улучшаются также условия для нового жилищного и промышленного строительства (низкие цены на строительные материалы, дешевая рабочая сила и т. д.). И хотя текущие потребности производства не требуют расширения строительства, однако предприниматели используют благоприятные условия строительства в ожидании подъема.

На рынке предметов потребления образовавшиеся ранее запасы постепенно начинают уменьшаться; начинается новое накопление запасов в ожидании повышения цен. Цены не могут без конца падать. Оживление перекидывается на рынок средств производства. Если в период рецессии и сокращения не было стимула к обновлению оборудования, то признаки наступающего оживления заставляют предпринимателей обновить оборудование. Все эти признаки оживления приводят к тому, что пессимистическое настроение деловых кругов постепенно проходит. Начинается оживление производства, которое может встретить на своем пути временные препятствия, но тем не менее оно закрепляется и перерастает в экспансию. Начинается новый цикл.

Такова вкратце картина различных фаз цикла, которую дает Митчелль в своих работах¹. Митчелль и не пытается понять сущность описываемых им явлений, внутреннюю органическую связь между ними. Он ограничивается регистрацией взаимосвязанных явлений, классифицируя их по различным фазам. Его больше всего интересует простая последовательность явлений во времени, из чего он пытается выработать ученый кодекс мероприятий по ликвидации кризисов монополиями. Это обусловлено его непониманием необходимости капиталистических кризисов, о чем мы писали выше.

Переход от одной фазы цикла в другую у Митчелля обусловлен чисто формальными моментами. Он пытается создать идеальную модель безкризисного циклического хода производства с известной последовательностью явлений, оторванной от внутренних сил капитализма и как бы действующей автоматически в порядке внешнего сцепления одного явления с другим. Отсюда и основная порочность митчеллевского понимания перехода цикла из одной фазы в другую, обусловленного не внутренними силами капитализма, а механическим взаимосцеплением во времени множества экономических явлений. Поэтому совершенно недоступны пониманию Митчелля особенности кризиса и цикла в целом в период общего кризиса капитализма. Одно то обстоятельство, что в начале мирового экономического кризиса не имел места кредитный кризис, безжалостно опрокидывает всю ту идеальную последовательность явлений, которую разработал Митчелль для построения своей модели различных фаз цикла.

Вся «ученая» база митчеллевских прогнозов и смягчений цикла полностью обанкротилась в свете мирового экономического кризиса. Циклическое движение не только не смягчилось, но оно приняло наиболее опасный для господства буржуазии характер. Учение Митчелля о циклах разнесено в пух и прах раскатами мирового экономического кризиса, который оказался наиболее могучим из всех кризисов, когда-нибудь охвативших капиталистические страны. А после преодоления нижней точки в кризисе циклическое движение протекает с такими особенностями, которые тормозят наступление нового подъема и расцвета капиталистической промышленности. Очередное издание вульгарной политэкономии таким образом так же опрокинуто ходом капиталистического развития, как и преж-

¹ «Business Cycles and Unemployment», 1923. «Encyclopaedia of the Social Sciences», vol. III, 1930.

ние ее учения. Повседневные факты углубляющегося общего кризиса капитализма бьют безжалостно в лицо буржуазной политической экономии.

Мы видим, что учение Митчелля об экономических циклах является грубейшей апологетикой монополистического капитализма, свидетельствуя о дальнейшем разложении буржуазной политической экономии. В период умирающего капитализма и преуспевающего социализма буржуазия более, чем когда-нибудь раньше, боится научной политической экономии. Учение Митчелля целиком и полностью отвечает потребностям этой агонизирующей буржуазии периода общего кризиса капитализма.

Ни Митчеллю и ни одному другому буржуазному апологету не удастся ликвидировать или даже смягчить экономические кризисы, имманентные капиталистическому хозяйству. Экономические кризисы будут сопутствовать капитализму до тех пор, пока он еще существует. Кризисы исчезнут с исчезновением капитализма. Только победа диктатуры пролетариата положит раз навсегда конец экономическим кризисам. Блестящим подтверждением этого является победоносное строительство социализма в Советском союзе на фоне современного экономического кризиса, разъедающего капиталистические страны. Единственная страна в мире, хозяйство которой не задето современным кризисом,— это СССР. Этот неоспоримый факт лучше всего опрокидывает всякого рода сказки о ликвидации монополиями капиталистических кризисов.

„Теория народонаселения“ Зомбарта

I

Среди буржуазных теоретиков, занимающихся проблемами населения, особое место занимает Зомбарт. Этот апологет буржуазии «поднимает» теорию населения на «более высокую ступень». Он выдвигает «социологическую теорию населения», в которой «борется» с Мальтусом и «критикует» Маркса гораздо более тонко, чем другие буржуазные теоретики.

Зомбарт подвергает критике все предшествующие теории населения, объявляя их односторонними. Так, теорию Мальтуса он определяет как биологическую, теорию населения Маркса он считает экономической, к односторонним теориям населения Зомбарт причисляет и теории классиков буржуазной политической экономии.

Первое впечатление от критики мальтусова учения таково, что Зомбарт абсолютно отрицательно относится к мальтузианству. Он называет нелепым положение Мальтуса о том, что всюду господствует одна и та же тенденция к увеличению населения. Он считает даже, что мальтусова теория на целое столетие задержала правильное рассмотрение проблемы населения, так как для Мальтуса не существует «проблемы создания рабочей силы». Согласно концепции Мальтуса природа всегда и везде доставляет богатый человеческий материал, представляющий неиссякаемый источник рабочей силы. Между тем согласно Зомбарту основная проблема населения сводится к вопросу о том, откуда берется рабочая сила.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что Зомбарт так остро выступает против Мальтуса для того, чтобы защитить мальтузианство. «Что Роберт Мальтус во всех основных положениях оказался неправ», — не должно было бы, по мнению Зомбарта, оспариваться и современными мальтузианцами. «Ибо та доля истины, которая заключается в хаотических концепциях этого архипутаника, именно, что количество населения ограничивается площадью, необходимой для его пропитания, не имеет ничего общего с мальтусовской теорией (? — Б. С.). Другую истину — что человечество в конце эпохи развитого капитализма наталкивается на недостаток потребной для пропитания площади — Мальтус в то время не мог даже и подозревать. В место того чтобы облечь эти истины (!) в культурно-научные одежды..., он создал ту общую натуралистическую теорию, которая в течение ста лет затемняла нам понимание проблемы. «Недостатки» этой теории... слишком очевидны»¹. Таким образом критикуя Мальтуса, Зомбарт сам скатывается на позиции мальтузианства.

Еще более характерны позиции, с которых он «критикует» Мальтуса. Он упрекает Мальтуса в том, что последний не одевает своих

¹. Зомбарт, Современный капитализм, т. III, первый полутом, стр. 321—322 (разрядка моя.— Б. С.).

«истин», в «культурно-научные одежды», т. е. в недостаточном научном их «обосновании». Задача Зомбарта по видимому — эти недостатки устранить, обновить Мальтуса, придать ему «культурно-научный» вид, устранить из его теории то, что слишком очевидно, что опровергнуто самой жизнью и что отрицать теперь бесполезно. Поэтому Зомбарт очень остро выступает против геометрической прогрессии мальтусовой теории, указывая, что в настоящее время увеличение населения подчиненно «своим собственным условиям» и что эти условия могут способствовать как увеличению, так и уменьшению или остановке роста населения. «Предположение, — говорит Зомбарт, — что человечество во всякое время и во всех местах должно быстро увеличиваться, если только дана возможность его сохранения (мы уже не говорим о росте в геометрической прогрессии), противоречит всякому опыту»¹. Совершенно ясно, что в настоящее время, когда демографические данные с не подлежащей сомнению очевидностью опровергают все положения Мальтуса о росте населения, настаивать на них — значит провалить всю «теорию». От них надо отказаться, чтобы сохранить и в апологетических целях использовать то, что наиболее ценно для буржуазии в теории Мальтуса, — его методологию.

Перейдем к теории населения самого Зомбарта. Зомбарт называет свою теорию населения социологической, считая, что она отличается от всех прочих выдвигавшихся до сих пор учений о населении своей всесторонностью. Эта теория должна как учесть всю сумму условий и обстоятельств, влияющих на движение населения, так и проследить все влияния, исходящие от населения.

Всестороннее учение о народонаселении, как называет свою теорию Зомбарт, выдвигает в качестве исходного пункта положение, что движение населения есть результат совместного действия трех причинных рядов:

а) «биологически-технического ряда», в котором заключаются все влияния, вытекающие из «естественных» свойств рас и народов и из их способности к размножению, а также и из тех технических средств, которыми располагает «население» для защиты себя от смерти и для сохранения жизни; сюда также относится и учет значения гигиены, медицинской техники предотвращения зачатия и т. д.;

б) «ряда психологического»; сюда Зомбарт относит все те влияния, которые вытекают из «духовного отношения человека» и отражаются на движении населения, а именно желание поддержания рода, отношение к семейной проблеме, к детям и т. д.;

в) «ряда социологического»; среди социологических условий, воздействующих на население, первое место Зомбарт отводит экономическим отношениям. Здесь нельзя ограничиваться, говорит он, только потребной для пропитания площадью, «размеры которой определяются производительностью хозяйства». Столь же большое значение имеют и «жизненные условия, создаваемые своеобразными особенностями производства и распределения». Считая, что было бы односторонним ограничивать влияния социальных отношений людей на движение и состояние населения исключительно явлениями хозяйственного порядка, Зомбарт говорит, что влияние это могут оказать и другие социальные факторы, как-то: «сословие, профессия, партия, семья, церковь, секта».

Уже из этих основных положений теории Зомбарта видно, что мы

¹ З о м б а р т, цит. соч., стр. 323.

имеем перед собой типичного буржуазного социолога, крайне узко и бессвязно представляющего себе значение экономических вопросов. Как нельзя ярче проявляется здесь беспомощность буржуазного идеолога, не могущего в общей связи явлений отличить важное от неважного, не могущего найти экономический критерий для этого разграничения. Положения Зомбарта лишней раз подтверждают, что и в теории народонаселения только марксизм, только исторический материализм, может дать осмысленный анализ сложных явлений, подлежащих изучению этой теорией. С другой стороны, в методологии Зомбарта совершенно ясна установка на то, чтобы затемнить, прикрыть классовую сущность явлений, скрыть движущие противоречия под маской «объективизма».

Зомбарт считает, что его социологическая теория населения должна «проложить путь» для рассмотрения той специальной проблемы, которая его в теории населения больше всего занимает, проблемы о том, «каким образом создается рабочая сила, необходимая для развития высшей фазы капитализма»¹.

Проблема создания необходимой рабочей силы ставится перед капитализмом, по Зомбарту, в двойственном виде, «как бы на двух ступенях своего разрешения»: 1) как проблема получения необходимого числа людей — количественная проблема и 2) как проблема получения необходимого числа специально приспособленных людей — качественная проблема. Первая сводится к вопросу о создании «потенциального» пролетариата, а вторая — к вопросу о создании «реального» пролетариата. Согласно Зомбарту, человеческая масса, из которой выходят подготовленные наемные рабочие, состоит из людей «свободных» и «несвободных». В свою очередь «свободные» выходят либо из рядов «добавочного» населения, либо из рядов «избыточного» населения. «Добавочным» населением Зомбарт называет те элементы населения, которые потеряли свою «хозяйственную самостоятельность» и должны искать новых заработков. Иными словами, это — самостоятельные производители, пролетаризованные благодаря процессу отделения их от средств производства (ремесленники, крестьяне), насильственно лишенные своих хозяйственных позиций, или люди, которые, как говорит Зомбарт, в силу «неблагоприятных обстоятельств» потеряли возможность самостоятельного существования.

«Избыточным» населением Зомбарт называет подрастающее поколение пролетариата и мелкой буржуазии, ту массу населения, которая не может стать самостоятельными производителями, «Эти массы образовались благодаря увеличению потомства и следовательно количественно определяются приростом населения, поскольку число самостоятельных производителей или иных получателей дохода перестает возрастать в соответствии с нормой прироста населения»².

Исходя из этого, Зомбарт рассматривает увеличение населения и возникновение «избыточного» населения в течение XIX столетия как идентичные явления. Таким образом изучение проблемы населения, согласно Зомбарту, сводится к тому, чтобы «исследовать причину возникновения добавочного населения и избыточного населения (во всех их ответвлениях) и выяснить влияние биологически-технических, социологических и психологических факторов».

Для «объективизма» Зомбарта чрезвычайно характерен его анализ возникновения «добавочного» или «свободного добавочного» насе-

¹ Зомбарт, цит. соч., стр. 334.

² Зомбарт, цит. соч., стр. 335.

ления, т. е. экспроприации самостоятельных производителей, их пролетаризации. Рассматривая возникновение «добавочного» населения в сельских местностях, по существу экспроприацию сельскохозяйственных производителей, насильственное обезземеление и разорение крестьян, Зомбарт изображает этот процесс как разложение старых сельских общин вследствие проникновения новых «рационалистических» экономических принципов в законодательство, управление и ведение хозяйства в результате укрепления капиталистического способа производства. «Сельское хозяйство» нуждалось, по Зомбарту, в установлении «ясных собственнических отношений», в наилучшем использовании земли и «рациональных» способах ведения хозяйства. Землевладелец, по Зомбарту, стал стараться так округлить свои владения, чтобы быть в состоянии вести «рациональное» сельское хозяйство и таким образом выйти из запутанного положения, в котором он нередко находился. Когда потребности эти были удовлетворены, большая часть жившего на земле сельского населения «оказалась» лишенной корней, «превращенной как бы в зыбучий песок».

В то же время развитие капитализма переносит центр тяжести «культуры» в современные города, образуется «новый идеал личности», создается новый масштаб «благополучия и довольства», неудержимо проникающий в самые отдаленные деревни. Возникает «свободное сословие сельскохозяйственных наемных рабочих». Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве приводит «с роковой неизбежностью» к тому, что использование рабочей силы сельскохозяйственного пролетариата вследствие уменьшения спроса на труд стало более трудным. В связи с этим у известной части населения, как говорит Зомбарт, «возникла потребность «переменить место жительства». «Земля выбрасывала своих детей» (стр. 397). Этому процессу способствовало пробуждение в сельском населении «индивидуалистического духа», вызванное расширением и усилением промышленного капитализма... В результате этих изменений широкие слои сельского населения стали испытывать «усталость от земли» — состояние, «иногда» вызывавшееся внешними обстоятельствами, иногда вытекавшее из «внутренних потребностей» (стр. 387).

Так изображает Зомбарт процесс экспроприации сельского населения и беспощадное изгнание его с земли, доставлявшее городской промышленности все новые массы пролетариев.

Как видим, «психологический ряд» представлен здесь довольно широко. В этом же духе производится анализ происхождения «добавочного» населения из разоренных самостоятельных производителей сельскохозяйственного труда, ремесленников и т. п. Процесс, который согласно указанию Маркса совершался «с беспощадным вандализмом», экспроприация, движущей силой которой являлись «самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные отрасли»¹, изображаются Зомбартом как «разложение старой трудовой организации», явившееся «результатом капиталистического развития» с его «рационализацией», «индивидуальным духом» и т. д. и т. п. Не менее характерен для «объективизма» Зомбарта как апологета капитализма его анализ происхождения «несвободной» рабочей силы, под которой Зомбарт понимает цветные расы. Он говорит, что капитализм взял из этого людского запаса «известное число» принудительным путем. Под этим следует подразумевать порабощение колониальных народов, о котором Маркс говорил, что оно превосходит «все ужасы,

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 612, изд. 8-е:

совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных»¹. Зомбарт считает, что в отношении цветных капиталу «не пришлось дожидаться», как в Европе, пока известная часть населения поступит «добровольно» к нему на службу. То, что Зомбарт называет «добровольной» службой капитализму в Европе, есть не что иное, как «скрытое рабство наемных рабочих в Европе» (Маркс). Характеризуя период первоначального накопления, Маркс говорит, что «новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»². Зомбарт обходит социальные противоречия капитализма, он обходит тяжелые страдания трудящихся, обусловленные проникновением капитализма в село и город.

Перейдем к анализу происхождения «избыточного» населения. Зомбарт, приводя статистические данные движения населения за вторую половину XVIII и XIX столетий, констатирует громадное увеличение прироста населения Европы, не имеющее прецедента в прошлые эпохи. Зомбарт резко выступает против мальтузианцев, которые относят рост населения на счет роста рождаемости, а последний рассматривают как следствие расширения пищевых площадей. Зомбарт указывает, что в XIX столетии происходил большой прирост населения, несмотря на стабильность и падение рождаемости, что он происходил благодаря падению смертности. Зомбарт подобно всем апологетам капитализма утверждает, не приводя доказательств, что падение смертности населения произошло благодаря увеличению средств существования, уменьшению заболеваемости, повышению благосостояния, повышению питания и т. п.

Выступая против мальтузианской теории роста рождаемости, опровергнутой фактическим движением населения, Зомбарт хочет протащить еще более апологетическую теорию о снижении смертности как следствии повышения благосостояния. Такова количественная проблема населения, или проблема «потенциального пролетариата», происходящего от «добавочного» и «избыточного» населения.

Качественная проблема возникновения пролетариата как класса наемных рабочих является, по Зомбарту, проблемой приспособления потенциальных рабочих масс к нуждам капитализма. Она состоит в том, что «население становится пригодным для капитализма, или, другими словами, человеческая масса становится классом наемных рабочих». Это превращение определяется, по Зомбарту, тремя моментами. Во-первых, «человеческая масса должна находиться там, где она используется. Зомбарт называет это географическим приспособлением. Во-вторых, эта масса должна «хотеть и уметь» выполнять требуемую от нее работу. Это — техническое приспособление. В-третьих, она должна работать за ту заработную плату, которая делает ее использование выгодным для предпринимателя. Это Зомбарт называет экономическим приспособлением.

Что касается процесса «географического приспособления», то выше мы видели, как «обосновывал» Зомбарт «потребность переменить место жительства» сельского населения. Зомбарт считает кроме того, что отлив населения из деревни есть явление, неизбежно вытекающее из «быстрого роста населения», хотя Маркс в «признаваемом» Зомбартом законе относительного перенаселения с абсолютной ясностью показал, особенно на примере Ирландии, что от роста населения это

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 603, изд. 8-е.

² Там же, стр. 611.

явление не зависит. Зомбарт далее указывает, что уход сельского населения в города облегчается постоянным спросом городов на промышленную силу, постоянным ростом спроса на личные услуги, особенно в больших городах. Зомбарт рисует «богатые» перспективы и возможности заработка в городе. В описании моментов, «привлекающих» сельское население в город, особенно значительное применение получал зомбартов «психологический ряд». «Для жен и детей открываются тысячи выгодных занятий... Такими занятиями являются для женщин домашняя промышленность, стирка и глажение белья, домашнее хозяйство, мелкая торговля, услужение и т. п.»¹. Этим «богатые» перспективы, ожидающие «усталое от земли» сельское население в городе, не исчерпываются, Зомбарт не устает рисовать привлекательную картину капиталистического города: «В зрелые дочери могли уйти в проституцию, поступить приказчицами в магазины (часто по совместительству с проституцией как подсобным заработком для достижения прожиточного минимума. — *Б. С.*) и т. д. Словом, всевозможные добавочные заработки на очень много повышают доход семьи по сравнению с добавочным заработком в деревне или мелком городе»². С другой стороны, прошлое население способствует развитию отраслей домашней промышленности, «которым благоприятствует наличие чрезвычайно дешевого человеческого материала (женщины и более низко стоящие расы)»³. Таков первый способ «приспособления» трудящегося населения к нуждам капитализма — «географическое приспособление».

Не меньше прелестей сулит трудящимся и второй вид «приспособления» — «техническое приспособление», или, как говорит Зомбарт, «внедрение капиталистического духа в пролетариат». Капитализм для своих целей нуждался, говорит Зомбарт, «в новой породе людей». Капитализму нужны были такие люди, которые легко нашли бы свое место в том сложном целом, каким являются капиталистические предприятия или фабрики, эти «чудеса иерархического подчинения и соподчинения людей-машин». Для новой экономической организации нужны были «обездушенные», «обезличенные» люди, которые способны были стать частями, «колесиками этого сложного механизма». Расхваливая его «глубину» и «меткость», Зомбарт приводит мнение неоднократно упоминаемого Марксом как яркого апологета капитализма крупного предпринимателя Юра. Единственное, что требуется на фабрике от рабочего, утверждал Юр, это «усвоить себе неизменную регулярность сложного автомата». Но к такого рода деятельности люди способны только тогда, если они «внутренне, в душе, начинают относиться к труду совершенно особенно». Что понимает Зомбарт под «особенным» отношением к труду? Под особенным отношением к труду, от которого, по его мнению, зависит завоевание масс для капитализма, Зомбарт понимает устремление всех помыслов и чувств «на наживу, на заработок»⁴. Зомбарт дальше указывает, что таким требованиям рабочие совершенно не удовлетворяли, ибо «рабочий лишен всякого духа наживы... Он не хочет наживать ради самой наживы, а хочет лишь приобрести ровно столько, сколько ему нужно, чтобы жить привычным для него образом»⁵.

¹ Зомбарт, цит. соч., стр. 433.

² Там же.

³ Там же, стр. 424.

⁴ Там же, стр. 439.

⁵ Там же, стр. 440.

Описывая процесс и методы превращения живых людей в автоматы, в придатки машин, Маркс характеризует их как методы «...насилия, при помощи которых были созданы поставленные вне закона пролетарии, тот кровавый режим, который превратил их в наемных рабочих, те грязные высокочудовищные меры, которые, усиливая степень эксплуатации труда, тем самым полицейскими способами повышали накопление капитала»¹.

Зомбарт не может пройти мимо методов внедрения капиталистического «духа», мимо широко известных драконовых законов, насилий, плетей, клейма, пыток, при помощи которых капиталисты пытались приучить к дисциплине наемного труда насильственно выброшенных на рынок труда, экспроприированных самостоятельных производителей.

Но как выглядят эти методы в изображении апологета капитализма? О сопротивлении рабочих каторжной дисциплине капиталистических предприятий, убийственно однообразной и чрезмерно продолжительной работе, в ужасных условиях капиталистических фабрик Зомбарт говорит: «Они (рабочие.— Б. С.) еще не подозревают, утверждает тот же авторитетный автор (Юр), что они своим разнузданным поведением разрушают чудесный космос фабрики и бесчинствуют наподобие людей, преступающих божеский нравственный закон... Юр. на основании своих наблюдений приходит к пессимистическому выводу, что с такими людьми вообще нельзя ничего начинать». Вместе с рабовладельцем Юром Зомбарт сожалеет, что «оказалось почти невозможным превратить людей уже взрослых в полезные рабочие руки, безразлично, занимались ли они раньше сельским хозяйством или ремеслом»; эти упрямые «дети природы», когда их уже «впрягали в ярмо фабрики, упорно оставались при старых навыках и коснели в традициях»².

К техническому приспособлению Зомбарт относит и проблему квалификации рабочего. Он открыто заявляет, что интерес предпринимателя заключается в том, чтобы по возможности обойтись без высококвалифицированной работы, так как с упрощением операций расширяется круг рабочих, которых он может использовать для своего производства. Зомбарт считает, что в целом процесс развития пошел именно по пути удовлетворения этого интереса капиталистов. Новейшая техника, особенно применение машин, способствует все большему и большему превращению квалифицированной работы в работу «приученного» рабочего или даже чернорабочего, такому упрощению работы «приученного», что самое приучение рабочего к работе требует все меньше и меньше времени. «Поэтому современного обученного рабочего в гораздо большей мере можно «заменить» всяким другим обученным рабочим, чем это было возможно при прежнем ремесленном разделении труда» (стр. 448). Так представляет себе Зомбарт процессы, которые, по указанию Маркса, уничтожают всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего и угрожают сделать излишним и его самого. Как говорит Маркс, «...капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время мартирологом (историей страданий) производителей, средство труда — средством порабощения, средством эк-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 596. изд. 8-е,

² Зомбарт, цит. соч., стр. 439—440 (разрядка моя.— Б. С.).

сплоатации и лауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизни, свободы и самостоятельности»¹.

Следующим моментом технического приспособления, отмечаемым Зомбартом, является стремление многих предпринимателей обеспечить себя «штатом дельных рабочих». Цифры перехода рабочих с места на место «поразительно высоки». По признанию Зомбарта, это объясняется тем, что «современный рабочий как будто хочет облегчить мучительность работы тем, что подобно тяжело больному, лихорадочно мечущемуся на постели, он часто меняет место работы»². Наблюдения показывают, что склонность к перемене места возрастает по мере трудности работы. Во вредных для здоровья производствах эти перемены места наблюдаются особенно часто. Зомбарт показывает, как предприниматели пытаются бороться с этой текучестью, которую он, забывая только-что сказанное, объясняет «прирожденной рабочим склонностью к перемене места». Наиболее легким средством прикрепления рабочих к предприятию Зомбарт считает поселение их на фабрике. Другой способ прикрепления к месту — предоставление рабочему возможности пользоваться пособиями из кассы. Этому же способствуют и всякие другие «льготы и привилегии», т. е. способы обмана и закабаления рабочих. Таково техническое приспособление в изображении Зомбарта.

Под третьим способом «приспособления», т. е. закабаления рабочих так называемым «экономическим приспособлением», Зомбарт понимает приспособление рабочих масс к потребности капитала в «производительном» применении. Зомбарт откровенно указывает, что для предпринимателя совершенно бесполезна наличность рабочей силы, хотя бы и технически пригодной для выполнения известной работы, если рабочие требуют столь высокой заработной платы, что применение их труда не обещает предпринимателю прибыли. Исследуя «экономическое приспособление», Зомбарт констатирует тот факт, что в течение периода «развитого капитализма» зарплата никогда не слагалась к «невыгоде капитализма» (стр. 461), другими словами, она никогда не поднималась до такого уровня, чтобы извлечение прибыли из капитала стало невозможным. Это удалось капитализму, согласно Зомбарту, благодаря трем факторам: сильному росту населения Европы во времена «развитого» капитализма, наличию внеевропейских «подсобных народов» и наличию «подсобного населения», живущего внутри страны.

Под внеевропейскими подсобными народами капитализма Зомбарт подразумевает цветных рабочих колониальных стран, которые обслуживают капиталистические плантации, золотые россыпи и т. д. в Африке, Индии, Ост-Индии и т. д.; к этой же категории он относит и рабочие массы, эмигрирующие из более отсталых аграрных стран в индустриальные. Это — источник наиболее дешевой рабочей силы.

Следующим источником понижения заработной платы является, по Зомбарту, «дешевая рабочая сила» в собственной стране. Это — внутренняя «подсобная рабочая сила», предоставляемая к услугам капитализма в виде детей, женщин, деревенских рабочих. Зомбарт приводит данные о том, как капитализм широко использовал в качестве де-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 392 (разрядка моя. — Б. С.).

² Зомбарт, цит. соч., стр. 457.

шевой рабочей силы массы детского населения, скоплавшиеся в быстро развивавшихся промышленных городах.

Затем он приводит статистические данные, показывающие быстрый рост числа занятых в промышленности детей, главным образом в текстильной промышленности, до середины XIX столетия, а частью и позже. Он богато иллюстрирует степень тогдашней эксплуатации детей, он приводит таблицу заработной платы Юра, из которой можно видеть, какие до смешного низкие ставки выплачивали детям в «доброе старое время», когда еще не было никакого ограничения детского рабочего дня и дети должны были наравне с другими рабочими работать на фабрике по 14 или 16 часов в сутки.

Зомбарт дальше показывает, как наряду с детьми дешевой рабочей силой служит женщина. С распадом домашнего хозяйства женщина вытесняется из дома. Женщина, которая до того времени зарабатывала средства существования, применяя свою рабочую силу в домашнем хозяйстве, теперь вынуждена все в большей и большей степени продавать эту силу на рынке труда. Капитализм явился «спасителем» этих выкинутых из дома женщин. «Он предоставил им желанную возможность получить заработок вне дома».

Каков социальный смысл «теории» «экономического приспособления»? Зомбарт признает, что зарплата никогда не слагалась к «невыгоде капитализма». Но объясняет он это прежде всего мальтузианским положением о сильном росте населения, импортом и иммиграцией рабочей силы, эксплуатацией детей в прошлом, «когда еще не было» ограничения детского рабочего дня, т. е. явлениями, якобы внешними, не вытекающими из внутренних закономерностей капитализма. Все это делается для того, чтобы запутать, замазать основное — растущее обнищание рабочего класса, вытекающее из имманентных капиталистической системе законов, чтобы проташить свои апологетические установки о прогрессе и росте благосостояния; все это он пытается доказать статистическими данными о высоте тарифных ставок заработной платы, которые не могут служить показателями уровня жизни.

Такова в основных чертах «социологическая теория населения» Зомбарта.

Чрезвычайно характерной для Зомбарта как идеолога буржуазии является основная установка его, сводящая всю проблему населения к вопросу о том, откуда берется рабочая сила, необходимая капитализму, чтобы «превратить ценности, притекающие к нему, в вещный капитал», т. е. откуда берется рабочая сила как средство увеличения прибавочной стоимости. Эта постановка вопроса, столь характерная для буржуазного экономиста, вытекает из того основного положения, что Зомбарт рассматривает рабочего с «чисто экономической» точки зрения — не как человека, а как носителя товара — рабочая сила как вещь.

Во всех вопросах: проблеме эксплуатации самостоятельного производителя, источника так называемого добавочного населения, проблеме женского и детского труда, проблеме технического и экономического «приспособления» — везде Зомбарт — апологет капитализма, идеолог наемного рабства — рассматривает рабочего, нужного капитализму, как вещь, как средство накопления капитала.

Это вытекает из его взгляда на капитализм, на роль в нем предпринимателя и рабочего. Современный капитализм Зомбарт изображает «как огромный космос», «гигантское создание». Это «удивитель-

ная организация, все части которой притянуты одна к другой», это «система, объективно призванная к преодолению всех живых и мертвых сил природы». Зомбарт поет дифирамбы капитализму, системе, которая вносит живую струю «рационализации» во всю хозяйственную жизнь.

Марксизм ни в малейшей степени не преуменьшает огромного роста производительных сил при капитализме, но наряду с этим он указывает, что этот рост проходит в противоречивой форме—противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения ограничивает развитие производительных сил при капитализме. Чем сильнее развивается капитализм, тем больше обостряются его противоречия. В условиях же империализма рост противоречий приводит к закону загнивания техники. Зомбарт не хочет видеть этого антагонизма, он выпячивает в апологетических целях только рост производительных сил.

Маркс показывает, что превращение рабочего в частичного рабочего означает его обезчеловечение, его одностороннее физическое и умственное функционирование, означает его уродование, физическое и умственное обеднение. Это — объективный, исторически неизбежный факт. Но не ограничиваясь подобно Зомбарту установлением неизбежности этого объективного факта, Маркс вскрыл противоречия между капиталистическими производственными отношениями и общественными производительными силами, главной из которых является революционный рабочий класс. Идеолог рабочего класса, Маркс не мирится с объективной, «чисто экономической» точкой зрения превращения рабочего класса в вещь. Маркс показывает, что «чисто экономическая» точка зрения есть буржуазная точка зрения. Маркс в противоположность Зомбарту рассматривает рабочего как человека. Вот почему марксова теория населения, вскрывающая основные противоречия капитализма, является чрезвычайно революционизирующей теорией, в то время как буржуазный «объективизм» Зомбарта устраняет все революционное, затушевывает противоречия.

Действительно объективной, единственно научной, соответствующей ходу исторического процесса является точка зрения Маркса, точка зрения революционного пролетариата, разрешающего противоречия между капиталистическими производственными отношениями и общественными производительными силами в борьбе за освобождение рабочего класса. Поэтому прав Маркс, который в нарушении нормальных, соответствующих человеческой природе условий существования и воспроизводства видит не объективную необходимость, а источник противоречий и падения капиталистической системы производственных отношений. Поэтому действительно научную теорию народонаселения, теорию, вскрывающую условия существования и воспроизводства рабочего класса, мог дать и дал только Маркс, а не Зомбарт, ставящий себе задачей не вскрыть, а прикрыть действительные условия существования и воспроизводства рабочего класса и их антагонистический характер.

II

Социальная задача Зомбарта не была бы выполнена, если бы кроме защиты мальтузианства под видом критики Мальтуса, кроме создания собственной апологетической теории населения Зомбарт не попытался запутать, извратить и подвергнуть «критике» теорию народонаселения Маркса.

Весьма характерно, что Зомбарт, приступая к «критике» Маркса, начинает с его восхваления. Он восхваляет Маркса за то, что последний превосходит своих предшественников в следующих отношениях: 1) он решительно подчеркивает, говорит Зомбарт, что «законы народонаселения» можно устанавливать только для определенных периодов времени, т. е. что они имеют исторически ограниченное содержание; 2) в частности при освещении проблемы создания рабочей силы Маркс понял разницу между потенциальной, биологической, и действительной, экономической, рабочей массой; 3) он сделал ценные «замечания» о происхождении пролетариата. Таковы заслуги Маркса по Зомбарту. Но... когда пришлось формулировать,—говорит Зомбарт,—«закон населения» для периода развитого капитализма или, лучше сказать, формулировать условия и тенденции движения населения в эпоху развитого капитализма, он запутался и потерял правильное направление»¹. В чем же находит Зомбарт у Маркса «путаницу» и «потерю направления»? Сам Маркс, продолжает наш «критик», считает центральным пунктом своей теории населения «свойственный капиталистическому способу производства закон населения», который можно назвать экономической теорией населения, ибо она пытается оторвать движение населения от его биологической основы и рассматривать его исключительно как следствие хозяйственных процессов»². Как мы указывали выше, Зомбарт восхвалял Маркса за то, что он понял разницу между биологическими и экономическими процессами создания пролетариата. Но тут он уже обвиняет Маркса в отрыве движения населения от его биологической основы. В дальнейшем Зомбарт излагает содержание марксовой «экономической теории населения». «Содержание этого «закона населения», — говорит Зомбарт, — таково: население, т. е. пролетариат (?! — Б. С.) всегда растет быстрее, чем потребность капитала в промышленном применении рабочей силы; поэтому в распоряжении капитала всегда находится обильное количество рабочих»³.

С первого же взгляда видно, что Зомбарт подsunул на место марксова закона явную фальшивку. Маркс закон относительного перенаселения формулирует так: «... рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»¹. Как видим, закон Маркса не имеет ничего общего с его изложением у Зомбарта. Маркс говорит об образовании относительного перенаселения или резервной рабочей армии в результате процесса капиталистического накопления, — Зомбарт говорит о том, что «население, т. е. пролетариат», всегда растет быстрее потребности в нем капитала. Маркс никогда не идентифицировал населения с пролетариатом, Маркс никогда не говорил и не мог говорить, что население всегда растет быстрее потребности в нем капитала; это говорил не кто иной, как... Томас Роберт Мальтус.

Превратив Маркса в мальтузианца, Зомбарт дальнейшими фальшивками пытается «обосновать» свои утверждения. «Положение это доказывается, — продолжает Зомбарт, — другими положениями, соглас-

¹ Зомбарт, Современный капитализм, т. III, первый полутом, стр. 327 (разрядка моя. — Б. С.).

² Там же (разрядка моя. — Б. С.).

³ Там же (разрядка моя. — Б. С.).

⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 502, изд. 8-е.

но которым всякое накопление капитала связано с изменением в «органическом» строении капитала, так что «постоянный» капитал (с) образует все большую и большую часть общего капитала, а «переменный» капитал (v), т. е. фонд заработной платы, становится все меньше и меньше (?! — Б. С.). Но если фонд заработной платы уменьшается, то все меньшее и меньшее количество рабочих находит занятия: рабочие рассчитываются с фабрик, и безработные образуют «промышленную резервную армию», «относительное перенаселение»¹. Хорошо известно, что Маркс говорит об относительном перенаселении, т. е. населении избыточном по сравнению с средней потребностью капитала в самовозрастании, а не об абсолютном перенаселении.

Точно так же Маркс говорит везде не об абсолютном, а об относительном уменьшении переменного капитала, об относительном, а не об абсолютном уменьшении рабочего класса (кроме земледелия).

Только сознательно извращая основные положения марксовой теории населения, можно ей приписывать вывод, будто количество рабочих должно становиться «все меньше и меньше».

Извратив Маркса, Зомбарт торжественно приступает к его «критике». «По истине чудовищной, — говорит он, — является мысль выводить средний рост пролетариата из тех же самых причин, которые ведут к образованию промышленной резервной армии. Однако эта средняя масса пролетариата должна расти, если должно расширяться производство, или, выражаясь капиталистическим языком, если должно происходить «накопление». «Производство нельзя расширять, рассчитывая все большее и большее количество рабочих»². Чтобы окончательно «опровергнуть» Маркса, Зомбарт приводит данные профессиональной статистики и статистики фактически выплачиваемой заработной платы и показывает, что в настоящее время в производстве занято больше рабочих и выплачивается больше заработной платы, чем сто лет назад.

Великой заслугой марксовой теории населения является то, что, опровергая апологетические басни Мальтуса, Маркс показывает независимость образования относительного перенаселения, или резервной армии, от естественного движения населения, т. е. от процессов биологического воспроизводства. Но это не означает, что он отрывает проблему роста пролетариата вообще от его биологического воспроизводства и тем менее проблему роста населения от биологического процесса.

Маркс показал, что промышленная резервная армия образуется независимо от границ действительного прироста населения. Она делает возможными в нужный момент при подъеме капиталистической промышленности переброски в одни отрасли производства массы людей без сокращения размеров производства в других отраслях. Маркс показал, что для капиталистического производства недостаточно такое количество свободной рабочей силы, которую доставляет естественный прирост населения. «Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной

¹ Зомбарт, цит. соч., стр. 327 (разрядка моя.— Б. С.).

² Там же, стр. 329 (разрядка моя.— Б. С.).

армии, независимой от этой естественной границы»¹.

В качестве примера Маркс приводит Ирландию, где расцвет механических шерстяных фабрик вместе с превращением пахотной земли в пастбища для овец вызвал массовое изгнание земледельческих рабочих и превращение их в «избыточных». Маркс указывает, что благодаря эмиграции, голоду и т. д. в Ирландии происходит постоянное и быстрое уменьшение населения, которое не возмещается ежегодным приростом. «Каковы же были последствия для оставшихся рабочих Ирландии, освобожденных от перенаселения? Последствия таковы, — говорит Маркс, — что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработная плата так же низка, что тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне угрожает новым кризисом. Причины очень простые. Переворот в земледелии идет рука об руку с эмиграцией. Производство относительного перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения»².

Указанным выше не ограничивается однако Зомбарт в извращении марксовой теории населения. Обвиняя Маркса в том, что он дал экономическую теорию населения и обошел проблемы биологического воспроизводства, Зомбарт вынужден признать, что «кое-что» Маркс дал и в этом отношении.

«...Сам Маркс чувствовал потребность, — говорит Зомбарт, — устанавливать такие положения насчет абсолютного увеличения пролетариата, которые не находятся ни в какой связи с его «законом населения»³. В чем же состоят эти якобы случайные положения Маркса? В существенных чертах они сводятся к тому оптимистическому взгляду на рождаемость, который мы встречаем уже у классиков и согласно которому, как мы видели, наемные рабочие размножаются самое меньшее в такой степени, в какой это им позволяет заработная плата, а также к тому взгляду, особенно ясно выражаемому у Сисмонди, но высказывавшемуся еще до него, что увеличение населения стоит в обратном отношении к высоте дохода, согласно изречению Адама Смита: «Бедность повидимому благоприятствует рождению»⁴.

В своем горячем стремлении извратить Маркса Зомбарт снова запутался. В самом деле, если бы Маркс придерживался мальтузианского тезиса, что рабочие размножаются в такой степени, в какой позволяет им заработная плата, то он должен был бы считать, что, чем выше заработная плата, тем выше рождаемость. Но тогда совершенно непонятно, как он одновременно мог выдвигать диаметрально противоположный тезис, что увеличение населения стоит в обратном отношении к высоте дохода.

Между прочим последний тезис приписывался Марксу в свое время Каутским. Такое же «толкование» марксова закона населения можно встретить и у некоторых советских демографов.

Нечего говорить, что такое толкование взглядов Маркса на процессы размножения, какое дается Зомбартом, не имеет ничего общего со взглядами Маркса и полностью противоречит всей марксистской методологии.

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 506, изд. 8-е (разрядка моя.— Б. С.).

² Там же, стр. 565.

³ Зомбарт, Современный капитализм, т. III, первый полутом, стр. 330.

⁴ Там же.

Зомбарт, приписывая Марксу взгляд, что население увеличивается в обратном отношении к высоте дохода, ссылается на то место первого тома «Капитала», где Маркс говорит о застойном перенаселении; это же место имеют в виду и другие сторонники зомбартовского толкования взглядов Маркса на этот предмет. Однако Маркс, рассматривая третью категорию относительного перенаселения, застойное перенаселение, с ее главной формой домашнего труда, указывает, что эта категория рабочих, жизненный уровень которых ниже среднего нормального уровня рабочего класса, принимает относительно большее участие в общем приросте рабочего класса, чем все остальные элементы. Но никогда Маркс не выводил этого из приписываемого ему абстрактного закона, согласно которому «увеличение населения стоит в обратном отношении к высоте дохода».

Рассматривая условия размножения данной категории рабочих, Маркс имеет в виду конкретные условия жизни разных категорий рабочих. В частности, что касается домашнего труда, то условия жизни, по указанию Маркса, определяются чрезвычайно низкой заработной платой, заставляющей родителей злоупотреблять своей родительской властью и превращать детей в простые машины, которые должны давать известный еженедельный заработок. Маркс указывает, что в домашнем труде «в школах кружев» детей эксплуатировали уже в возрасте от 3 до 4 лет и даже от 2½ лет, что дети в этих условиях являются «премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация»¹. Вполне понятно, что это должно стимулировать высокую рождаемость, как и то обстоятельство, что условия жизни этой категории рабочих способствует ранним бракам. Таковы конкретные условия, приводящие к тому, что эта категория рабочих принимает относительно большее участие в общем приросте рабочего класса.

Маркс дает несравненные по глубине указания о характере процессов воспроизводства населения и методологии их изучения. Только эта методология в состоянии вывести демографию из того тупика и бесплодности, в которые забила ее мальтузианская, апологетическая методология.

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 512.

Концентрация крупной промышленности в СССР в 1-й и во 2-й пятилетках¹

Концентрация производства является одним из важнейших показателей разрешения исторической задачи догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны. Она дает вместе с другими показателями наглядное выражение преимуществ социалистического обобществления труда перед антагонистическими методами ограниченного капиталистического обобществления.

Концентрация крупной промышленности СССР — следствие и предпосылка роста социалистических производительных сил.

Высокий уровень концентрации крупной промышленности СССР, будучи сам обусловлен темпами и масштабами социалистического строительства, в свою очередь является исходным пунктом значительного ускорения социалистической реконструкции.

«Мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления» (Сталин, О задачах хозяйственников).

Анализ концентрации как чисто количественного возрастания размеров предприятия является выхолощенным, бессодержательным отражением действительного процесса. Концентрация производства является количественным выражением определенных качественных сдвигов в отношениях собственности, в организации труда, в размерах и мощности орудий производства.

Рассматривая три стадии развития капиталистической промышленности, Маркс показал три ступени капиталистической концентрации. Этапы социалистической концентрации определяются этапами социалистической реконструкции народного хозяйства.

Выполнение одной из основных задач первой пятилетки — создание собственной технической базы для социалистической реконструкции и всего народного хозяйства — означает переход на качественно новую ступень концентрации промышленности.

Главнейшие линии реконструкции в период первой пятилетки характеризуются: а) форсированным развертыванием нового строительства, б) изменением типа реконструкции действующих предприятий.

¹ Настоящая статья ставит своей задачей лишь систематизацию последних данных сравнительного анализа концентрации промышленности СССР и передовых капиталистических стран.

Если до первой пятилетки реконструкция в большинстве случаев означала последовательное повышение эффективности наличных основных фондов, то теперь она характеризуется коренной переделкой производственно-технического лица предприятия, его типа и мощности.

Пафос нового строительства — главная характерная черта первой пятилетки. «Первая пятилетка была пятилеткой строительства новых заводов, представляющих новую техническую базу промышленности для реконструкции всего народного хозяйства»².

Переход на новую техническую базу в течение первой пятилетки выразился в создании почти в каждой отрасли ведущего ядра предприятий-гигантов, оставляющих нередко далеко позади достижения не только европейской, но и американской техники.

Уровень концентрации промышленности в СССР к началу пятилетки в сравнении с такой передовой капиталистической страной, как США, показывают следующие данные:

Концентрация промышленности СССР и США

(рабочие в тыс.)

Таблица № 1

Группы ³ предприятий по коли- честву персонала	СССР на 1/1 1929 г. ⁴				США — 1929 г. ⁵			
	предприя- тий		рабочих		предприя- тий		рабочих	
	абсо- лютно	в % к итогу	абсо- лютно	в % к итогу	абсо- лютно	в % к итогу	абсо- лютно	в % к итогу
От 51 до 500	4 706	77,4	578,6	21,2	26 502	90,7	3 811,8	53,3
» 501 » 1 000	712	11,7	376,5	13,8	1 722	5,9	1 177,0	16,5
свыше 1 000	666	10,9	1 772,8	65,0	996	3,4	2 160,0	30,2
Итого	6 084	100,0	2 727,9	100,0	29 220	100,0	7 148,8	100,0

В 1929 г. на предприятиях США, имеющих свыше 1000 чел., было сосредоточено только 30,2% всех рабочих крупной промышленности, в СССР — 65,0%; на относительно мелких предприятиях с числом персонала от 51 до 500 в США сосредоточено 53,3% всех рабочих, в СССР — только 21,2%. Однако абсолютное число предприятий-гигантов (имеющих свыше 1000 рабочих), в СССР было меньше, чем в США: в СССР — 666, в США — 996.

² Из резолюции январского объединенного пленума ЦК и ЦКК по «Итогам первой пятилетки».

³ Группировки предприятий по СССР проведены по количеству занятого персонала, по США — по количеству занятых рабочих только обрабатывающей промышленности.

⁴ По СССР — данные ЦУНХУ.

⁵ По США взяты данные из «Fifteenth census of the United States Manufactures» 1929, Vol. I, «General Report», p. 62.

⁶ Само собой разумеется, что сравнение уровня концентрации по числу рабочих без учета специализации производства, энерговооруженности и производительности труда является чрезвычайно условным.

Характерной чертой концентрационного движения за период первой пятилетки является, как отмечено выше, крутое скачкообразное повышение числа предприятий-гигантов.

Концентрация промышленности СССР и США
(рабочие в тыс.)

Таблица № 2

Группы предприятий по количеству персонала	СССР на 1/1 1933 г.				США — 1929 г.			
	предприя- тий	рабочих	в % к итогу		предприя- тий	рабочих	в % к итогу	
			пред- приятий	рабочих			пред- приятий	рабочих
От 51 до 500	7 541	1 007,4	74,4	19,8	26 502	3 811,8	90,7	53,3
» 501 » 1 000	1 232	657,9	12,2	12,9	1 722	1 177,0	5,9	16,5
свыше 1 000	1 358	3 422,1	13,4	67,3	996	2 160,0	3,4	30,2
Итого	10 131	5 087,4	100,0	100,0	29 220	7 148,8	100,0	100,0

Предприятия-гиганты (имеющие свыше 1 000 чел. каждое) составляют в СССР на 1/1 1933 г. 13,4%, в США в 1929 г. только 3,4%. Удельный вес этих предприятий по числу рабочих в СССР — 67,3%, в США — только 30,2%. 1 358 предприятий с числом персонала свыше 1 000 в СССР и только 996 в США, несмотря на то, что общее число предприятий крупной промышленности в США почти в три раза выше, чем в СССР. 3 422 тыс. рабочих на предприятиях-гигантах в СССР и только 2 160 в США!

Положение, что СССР является страной самой концентрированной в мире промышленности, приобретает новое содержание. Впервые за все годы исторического соревнования двух систем СССР становится страной самой концентрированной в мире промышленности по абсолютному числу гигантов-предприятий. Это превосходство СССР — важнейший итог первой пятилетки в области концентрации производства. Этот итог является прямым результатом невиданного в истории размаха строительства.

Увеличив за четыре года первой пятилетки больше чем в четыре раза объем капитальных вложений в промышленность и свыше чем в два раза число рабочих, Советский союз увеличил в два с лишним раза и число предприятий-гигантов. Половина всех капитальных вложений в промышленность была направлена на строительство новых предприятий, являющихся образцами современной техники. За 15 лет (с 1914 по 1929) число гигантов в США увеличилось на 348, в СССР за 4 года — на 692!

Это превосходство СССР над США в отношении уровня концентрации к концу первой пятилетки вырисовывается еще ярче, если взять самую высшую по концентрации в американской статистике группу. В 1929 г. в США предприятий с числом персонала свыше 2 500 было 206; в СССР на 1/1 1933 г. предприятий с числом персонала свыше 3 000 — 397, т. е. почти вдвое выше.

Это превосходство — прямой результат грандиозного строительства в период первой пятилетки.

Если главной линией концентрации производства в течение восстановительного периода была концентрация путем увеличения нагрузки действующих предприятий при абсолютном уменьшении (примерно до 1925 г.) их числа, то в период первой пятилетки характер направления концентрации определяется созданием сотен новых предприятий-гигантов.

Этот вывод подтверждается данными производственной мощности и выработки по важнейшим отраслям промышленности.

Выполнение сталинского лозунга—сделать СССР металлическим — потребовало умножения на основе новейших технических достижений мощности черной металлургии. Отсюда огромные сдвиги в области концентрации производства чугуна в течение первой пятилетки. В 1928 г. среднесуточная выплавка одной доменной печи равнялась 136 т чугуна; в 1934 г. — 390 т. Выплавка на один металлургический завод в 1927/28 г. — 82 тыс. т, в 1932 г. — 132 тыс. т, в 1934 г. — свыше 220 тыс. т.

По структуре производственного аппарата черной металлургии СССР догоняет передовые капиталистические страны.

Удельный вес по объему крупнейших домен у нас и в США, несмотря на значительное превосходство последних в отношении средней производительности доменных печей, уже к концу первой пятилетки был примерно одинаков. Объем домен, имеющих свыше 900 м³, составлял в СССР на 1/1 1933 г. 8,9% общего полезного объема доменных печей. Объем домен, имеющих свыше 878 м³, в США в 1927 г. — 9,0%.

Данные на 1/1 1935 г. показывают уже огромное превосходство СССР в отношении удельного веса по полезному объему крупнейших домен. Домны, имеющие свыше 900 м³ полезного объема, составляют 32%, т. е. относительно в 3½ раза больше, чем в США. Это превосходство создано целиком в ходе выполнения великого плана работ первой пятилетки. До 1928 г. в СССР не было ни одной домны, имеющей полезный объем свыше 700 м³; на 1/1 1933 г. таких печей было 10, на 1/1 1934 г. — 15, причем из них 8 имеют свыше 900 м³; на 1/1 1935 г. домен, имеющих полезный объем свыше 900 м³ — 15⁷.

Таким образом по абсолютному числу крупнейших домен СССР почти сравнялся с США (в 1927 г. США имели 17 домен с полезным

⁷ Необходимо подчеркнуть, что только 1933 г. даёт более полную картину итогов первой пятилетки в области концентрации производства, так как на этот год падает завершение ряда крупнейших строителств 1928—1932 гг.

Средний объем домны, пущенной в течение первой пятилетки, равен 444,7 м³, т. е. приближается к среднему размеру германских домен, а средний объем 7 домен, пущенных в 1933 г., равен 873,5 т. е. значительно превышает средний объем домен не только в Германии, но и в США. Такой же резкий скачок даёт 1933 г. в отношении средней площади пода мартеновских печей. Средняя площадь пода всех мартеновских печей на 1/1 1934 г. — 25,8 м², пущенных в течение 1-й пятилетки — 27,3, пущенных в 1933 г. — 48,2.

Таблица № 3

Группировка доменных печей по объему в СССР⁸

Группы печей по объему (в куб. м.)	На 1/VII 1928 г.				На 1/I 1933 г.			
	Количество домен	В % к итого	Их объем в куб. м.	В % к итого	Количество домен	В % к итого	Их объем в куб. м.	В % к итого
До 500	60	86,9	14 714	73,4	78	75,7	18 675	50,6
500—900	9	13,1	5 316	26,6	22	21,3	14 944	40,5
Свыше 900	—	—	—	—	3	2,9	3 290	8,9
Всего	69	100,0	20 030	100,0	103	100,0	36 913	100,0
Средний объем	—	—	290,3	—	—	—	358,4	—

Группы печей по объему (в куб. м.)	На 1/I 1934 г.				На 1/I 1935 г.			
	Количество домен	В % к итого	Их объем в куб. м.	В % к итого	Количество домен	В % к итого	Их объем в куб. м.	В % к итого
До 500	76	71,5	17 638,5	43,3	75 ⁹	66,4	17 409,5	35,9
500—900	24	21,1	16 032,5	36,6	23	20,3	15 585,5	32,1
Свыше 900	8	7,4	8 546,0	20,1	15	13,3	15 542,0	32,0
Всего	108	100,0	42 217,0	100,0	113	100,0	48 537,0	100,0
Средний объем	—	—	390,9	—	—	—	429,5	—

Таблица № 4

Группировка доменных печей по объему в США

Группы печей по объему (в куб. м.)	1927 г.				
	Количе- ство до- менных печей	В % к итого	Объем в куб. м	В % к итого	Средн. объем
До 481	77	26,3	26 436	14,9	—
От 481 до 878	198	67,9	134 890	76,1	—
Свыше 878	17	5,8	15 995	9,0	607,4
Всего	292	100,0	177 321	100,0	—

⁸ Учтено изменение полезного объема печей, прошедших капит. ремонт.⁹ Данные взяты по СССР из «Соц. строит. СССР» 1935 г. ЦУНХУ Госплана СССР.

объемом свыше 878 м³) и значительно перегнал Германию¹⁰. В 1929 г. в Германии было всего 2 печи с полезным объемом свыше 900 м³ и ни одной — с полезным объемом свыше 1 000 м³. В СССР на 1/1 1935 г. — 9 печей с полезным объемом от 900 до 1 000 м³ и 6 печей с полезным объемом свыше 1 000 м³.

Сравнительные итоги концентрации черной металлургии СССР и США по числу рабочих показывают следующие данные:

Таблица № 5

Группировка предприятий черной металлургии и занятых в них рабочих по размерам предприятий¹¹

Группы предприятий	СССР на 1/1 1934 г.				США 1929 г.			
	предприятий	рабочих	В % к итогу		предприятий	рабочих	В % к итогу	
			предприятий	рабочих			предприятий	рабочих
От 51 до 500	11	1 730	14,3	0,6	387	81 010	84,5	38,6
" 501 " 1 000	12	6 520	15,6	2,2	101	173 701	8,5	16,7
" Свыше 1 000	54	291 848	70,1	97,2	114	182 879	7,0	44,7
Итого	77	300 098	100,0	100,0	602	437 590	100,0	100,0

Неравномерность концентрации черной металлургии США бросается в глаза. В то время как в СССР почти все рабочие (97,2%) заняты в группе предприятий-гигантов (имеющих свыше 1 000 чел.), в США эта группа охватывает 44,7% рабочих. 84,5% металлургических предприятий США относятся к группе имеющих от 51 до 500 чел. Поэтому среднее число рабочих на 1 предприятии металлургической промышленности в США в пять с лишним раз меньше, чем в СССР (в США — 726,8 рабочих, в СССР — 3 897,4).

По уровню концентрации машиностроения Советский союз в итоге выполнения первого пятилетнего плана также оставил позади не только Германию, но и США.

Об этом достаточно ярко свидетельствуют следующие данные:

Таблица № 6

Группировка предприятий машиностроения (без электротехники) и занятых в них рабочих по размерам предприятий¹²

Группы предприятий	СССР на 1/1 1934 г.				США 1929 г.			
	предприятий	рабочих	В % к итогу		предприятий	рабочих	В % к итогу	
			предприятий	рабочих			предприятий	рабочих
От 51 до 500	1 169	156 736	67,3	13,1	2 884	430 976	85,0	35,6
" 501 " 1 000	258	134 679	14,8	11,3	291	202 726	8,6	16,8
" Свыше 1 000	311	904 542	17,9	75,6	219	575 982	6,4	47,6
Итого	1 738	1 195 557	100,0	100,0	3 394	1 209 684	100,0	100,0

¹⁰ Данные по Германии взяты из «СССР и капиталистический мир», 1934 г.

¹¹ Данные по США взяты из «Fifteenth census of the United States Manufactures», v. I, «General Report», p. 62, по СССР — по неопубликованным данным ЦУНХУ.

¹² Данные по США взяты из «Fifteenth census of the United States Manufactures», v. I, «General Report», по СССР — по неопубликованным данным ЦУНХУ.

Три четверти (75,6%) всех рабочих крупной машиностроительной промышленности СССР заняты на предприятиях-гигантах, имеющих свыше 1 000 чел. каждое, в США меньше половины (47,6%). Более того, несмотря на то, что общее число предприятий машиностроения в США примерно в два раза больше, чем в СССР, абсолютное число предприятий-гигантов в СССР (311) значительно выше, чем в США (219).

Ведущая отрасль реконструкции народного хозяйства — машиностроение — подтверждает вывод об абсолютном превосходстве СССР в отношении уровня концентрации промышленности по числу рабочих в итоге выполнения первого пятилетнего плана.

Особенно ярко превосходство СССР в отношении концентрации тракторостроения. Выпуск тракторов на 1 завод в среднем равнялся по СССР в 1932 г. 16,7 тыс. шт., по США в 1929 г. — всего 4,8 тыс.

Необходимость быстрого укрепления предприятий машиностроения вытекала из роли машиностроения как мощного материального источника технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства.

Значительные концентрационные сдвиги в машиностроении явились предпосылкой и следствием бурного процесса концентрации производства в других областях народного хозяйства.

Введение десятков новых гигантов машиностроения, на строительство каждого из которых затрачено свыше 50 млн. руб., означало коренные сдвиги в структуре нашей промышленности. Постройка и пуск Горьковского автозавода обуславливают, как отметил т. Сталин, подлинную революцию во всех смежных отраслях промышленности, которые так или иначе, прямо или косвенно соприкасаются с автомобилестроением. Сотни тысяч тракторов СТЗ и ХТЗ сыграли роль сотен тысяч снарядов, ломающих старые отношения в деревне. Уральский и Краматорский заводы тяжелого машиностроения в основном в состоянии обеспечить оборудованием внутреннего производства огромный рост металлургической промышленности во втором пятилетии.

Создание новейшей энергетической базы является важнейшим элементом технической реконструкции народного хозяйства. Пятилетка выдвинула на первый план станцию, имеющую свыше 100 тыс. *квт* мощности. До начала пятилетки у нас не было ни одной станции мощностью в 100 тыс. *квт*. В 1933 г. у нас работало 11 станций мощностью 100 тыс. *квт*. и выше. Таким образом по абсолютному числу крупнейших станций СССР почти сравнялся с Германией¹³. Удельный вес этих станций по мощности составляет в Германии 32,4%, в СССР — 50,2%. Процент этих станций к общему числу станций в Германии — 0,7, в СССР — 10,9.

91,1% всех станций Германии представляет относительно мелкие установки, имеющие до 10 тыс. *квт*. Отсюда огромное превосходство

¹³ Необходимо учесть, что киловатт установленной мощности в стране пролетарской диктатуры, в стране планового энергетического хозяйства означает выработку энергии в два раза большую, чем в Германии. Годовое число часов использования установленной мощности в Германии в 1933 г. — 1 970, в США в 1933 г. — 2 360, в СССР — 3 700; в СССР в 1934 г. — 4 000 (Главэнерго, НКТП, «Электроэнергетическое хозяйство СССР», 1935 г., стр. 85).!

Таблица № 7

Концентрация районных станций по мощности по СССР^{13а} и Германии

Группы станций по мощности установл. генераторов в тыс. <i>квт.</i>	СССР — 1933 г.						Германия 1931 г.			
	Число станций		Мощность		Произ. энерг.		Число станций		Мощность	
	Ко-лич	в % к итогу	в тыс. <i>квт.</i>	в % к итогу	Млн. квт. ч.	в % к итогу	Абс.	в % к итогу	в тыс. <i>квт.</i>	в % к итогу
До 10 тыс. <i>квт.</i>	43	42,6	194,1	5,2	549,3	4,8	1494	91,1	1008 042	12,6
От 11 до 100 тыс. <i>квт.</i>	47	46,5	1655,0	44,6	5107,3	44,4	134	8,2	4407 884	55,0
Свыше 100 тыс. <i>квт.</i>	11	10,9	1864,0	50,2	5845,1	50,8	12	0,7	2591 000	32,4
Всего .	101	100,0	3714,1	100,0	11501,7	100,0	1640	100,0	8006 926	100,0

СССР в отношении средней мощности станций еще до первой пятилетки. Средняя мощность электростанций составляла в СССР в 1928 г. 27,2 тыс. *квт.*, в Германии — только 4,4 тыс. *квт.*; в СССР в 1933 г. — 37 тыс. *квт.*; в Германии — только 4,9 тыс. *квт.*

В результате колоссального шахтного строительства СССР по уровню концентрации каменноугольной промышленности близко подходит к США.

Таблица № 8

Концентрация добычи угля в США и в СССР¹⁴

	До 10 тыс. <i>т</i>			От 10 до 100 тыс. <i>т</i>			От 100 до 500 тыс. <i>т</i>			Свыше 500 тыс. <i>т</i>		
	Количество шахт	в % к общему числу шахт	в % к общей добыче	Количество шахт	в % к общему числу шахт	в % к общей добыче	Количество шахт	в % к общему числу шахт	в % к общей добыче	Количество шахт	в % к общему числу шахт	в % к общей добыче
СССР за 1935 г.	21	4,0	0,1	253	47,5	19,4	242	45,5	67,2	16	3,0	13,3
США за 1931 г.	2 833	50,2	2,1	1 695	30,1	18,0	988	17,5	56,3	126	2,2	23,6

Шахты с годовой добычей свыше 100 тыс. *т* дают в США 79,9% всей добычи, в СССР — 80,5%. Правда, шахты с годовой добычей свыше 500 тыс. *т* дают в США 23,6% всей добычи, в СССР соответ-

^{13а} По основным районным станциям Главэнерго, промстанциям районного значения Азнефти и Грознефти. Данные по СССР взяты из «Соц. строит. СССР» ЦУНХУ Госпл. СССР М. 1935 г. Данные по Германии взяты из: «Statistisches Jahrbuch für Deutsche Reich 1933».

¹⁴ Данные по СССР взяты из «Статистического ежегодника социалистического строительства СССР», Центральное управление народнохозяйственного учета 1935 г.

По США «Mineral Resources of the United States», 1931.

По США данные по битуминозному угляю.

ственно только 13,3%, но зато относительно мелкие шахты с годовой добычей до 10 тыс. т составляют в США 50,2% общего числа шахт; в СССР соответственно только 4,0%. Таким образом и данные по каменноугольной промышленности дают яркую иллюстрацию крайней неравномерности концентрации в капиталистических странах.

Основная химическая промышленность принадлежит к отраслям, заново созданным пролетариатом СССР. 96,2% продукции в 1934 г. было выпущено новыми гигантами, технически совершенными предприятиями¹⁵.

Концентрацию химической промышленности, важнейшей для укрепления обороноспособности и реконструкции народного хозяйства отрасли, показывает следующая таблица:

Таблица № 9

Концентрация производства химической промышленности по СССР и США по группам персонала¹⁶

Группы предприятий	СССР на 1/I 1934 г.				США — 1929 г.			
	предприятий	рабочих	В % к итогу		предприятий	рабочих	В % к итогу	
			предприятий	рабочих			предприятий	рабочих
От 51 до 500	261	33 386	68,3	14,7	1 112	149 740	89,7	42,3
„ 501 „ 1 000	40	21 179	10,5	9,4	63	44 206	5,15	12,4
Свыше 1 000	81	171 700	21,2	75,9	64	160 554	5,15	45,3
Итого	382	226 265	100,0	100,0	1 239	354 500	100,0	100,0
В среднем на 1 предприятие	—	592,0	—	—	—	285,9	—	—

Три четверти рабочих — на предприятиях-гигантах в СССР и меньше половины в США.

К аналогичным выводам приводит рассмотрение данных по концентрации важнейших отраслей легкой индустрии СССР в сравнении с США.

В условиях неуклонного роста потребления широких трудящихся масс в легкой промышленности Советского союза развернулось новое строительство и превращение старых полукустарных отраслей в отрасли машинного стандартизированного массового производства.

За годы пятилетки в швейной промышленности, как и в кожевенной, обувной и целом ряде других, абсолютно преобладающим стал тип предприятия, организованного на основе применения новейших ме-

¹⁵ См. речь т. Ратайчака на VII съезде советов.

¹⁶ Данные по США взяты из «Fifteenth census of the United States Manufactures», 1929, «General Report», по СССР — по неопубликованным данным ЦУНХУ. Данные и по США и СССР включают резиновую и коксобензолную промышленность. Данные по США не включают спичечную промышленность с числом предприятий: от 51 до 500 чел. — 13 предпр. и от 500 до 1000 чел. — 2 предпр.

тодов производства — электрификации, конвейерно-поточной системы, автоматизации отдельных звеньев технологического процесса и т. д.

В капиталистических странах, несмотря на шумиху вокруг массового производства, предприниматели отдают себе ясный отчет в той роли, которую играет для современного капиталистического рынка искусственное стимулирование «нужд» небольшой группы населения, концентрирующей в своих руках опранные богатства¹⁷. Отсюда часто встречающаяся ориентировка на индивидуализированное производство предметов роскоши. Отсюда более низкий по сравнению с СССР уровень концентрации важнейших отраслей легкой индустрии: 77,4% всех рабочих текстильной и швейной промышленности на предприятиях-гигантах в СССР и только 22,3% в США; 305 предприятий-гигантов в текстильной и швейной промышленности СССР и только 192 в США. 87 предприятий-гигантов в пищевой промышленности СССР и только 48 — в США. Средняя мощность одного предприятия консервной промышленности (20 млн. банок на 1/1 1933 г.) почти в три раза превосходит среднюю производственную мощность консервного завода в США (около 7 млн. банок).

Среднегодовые темпы роста физического объема производства в СССР за 1928 — 1932 гг. — 22,9%. В США наибольшие среднегодовые темпы роста физического объема производства показывает пятилетие 1924 — 1929 гг. — 4,8%.

Основными формами концентрации производства являются строительство новых более мощных типов предприятий, расширение и реконструкция старых. Поэтому СССР показывает совершенно невиданные темпы концентрации.

Таблица № 10

Концентрационные сдвиги в промышленности СССР¹⁸

Группа предприятий по числу персонала	В % к итогу				Прирост (в проц.) за время 1929—1932 гг.	
	на 1/1 1928 г.		на 1/1 1933 г.		предпри- ятий	рабочих (включая учени- ков)
	предпри- ятий	рабочих (включая учени- ков)	пред- приятий	рабочих (включая учени- ков)		
от 51 до 500	77,4	21,2	74,4	19,8	-3,0	-1,4
" 501 " 1 000	11,7	13,8	12,2	12,9	+0,5	-0,9
свыше 1 000	10,9	65,0	13,4	67,3	+2,5	+2,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—

¹⁷ См. «The Decline of American capitalism» by Lewis Corey, 1934.

¹⁸ Вычислено по данным ЦУНХУ.

Таблица № 11

Концентрационные сдвиги в промышленности США¹⁹

Группы предприятий по числу рабочих	В % к итогу				Прирост процента с 1923 по 1929 г.	
	1923 г.		1929 г.		пред- приятий	рабочих
	пред- приятий	рабочих	пред- приятий	рабочих		
От 51 до 500	90,5	53,1	90,7	53,3	+0,2	+0,2
„ 501 „ 1 000	6,1	17,3	5,9	16,5	-0,2	-0,2
Свыше 1 000	3,4	29,6	3,4	30,2	0,0	+0,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—

Происшедшие в США с 1923 по 1929 г., т. е. за годы величайшего производственного напряжения, до которого поднимался капитализм, концентрационные сдвиги совершенно ничтожны. За шесть лет процент прироста предприятий-гигантов равен нулю, рабочих на предприятиях-гигантах + 0,6. Более того, за счет уменьшения средней группы (с числом персонала от 501 до 1 000) растет низшая группа предприятий (с числом персонала от 51 до 500).

В СССР за четыре года первой пятилетки при значительном уменьшении процента низшей группы предприятий-гигантов увеличивает свой удельный вес на 2,5% по числу предприятий и на 2,3% по числу рабочих на этих предприятиях.

В кратчайшие исторические сроки создана первоклассная индустрия. Необходимо однако подчеркнуть, что полное использование колоссальных мощностей этой индустрии находится еще в значительной степени впереди.

Отсюда некоторое расхождение в период первой пятилетки между темпами концентрации по основным фондам и по числу рабочих и темпами концентрации по валовой продукции.

Борьба за освоение новой техники и повышение производительности труда является центральной проблемой второй пятилетки.

«Техника без людей, овладевших техникой, мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса»²⁰.

В течение второй пятилетки овладение техникой должно дать, особенно на крупнейших, снабженных современным оборудованием предприятиях, огромное возрастание продукции.

Если качественные изменения динамики концентрации в первой пятилетке характеризуются в итоге колоссального строительства резким возрастанием концентрации по основным фондам и по числу рабочих при относительном отставании концентрации по валовой продукции, то во втором пятилетии, идущем под знаком освоения гигантских капитальных вложений предыдущих лет, под знаком более полного использования резервов производственных мощностей, под знаком овладения новыми технологическими процессами, должно иметь место значительное повышение в общей продукции, удельного

¹⁹ По США за 1929 г. расчет произведен по персоналу, а не по рабочим. Данные по США за 1914, 1923 гг. и прирост за 9 лет взяты из «Fifteenth census of the United States Manufactures», в. I, «General Report». Данные по США охватывают только обрабатывающую промышленность.

²⁰ Сталин, речь на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.

веса верхних по концентрации производства групп предприятий при некотором отставании концентрации этих групп по числу рабочих.

Таблица № 12

Динамика удельного веса на предприятиях различных групп цензовой²¹⁾ промышленности СССР (вкл. учеников)

	1932 г.				1933 г.				1934 г.			
	Предприя- тий	Рабочих	В % к итогу		Предприя- тий	Рабочих	В % к итогу		Предприя- тий	Рабочих	В % к итогу	
			пред- пр.	рабо- чих			пред- пр.	рабо- чих			пред- пр.	рабо- чих
До 500 .	8 306	960,4	77,0	18,4	9 812	1 058,8	79,1	20,6	10 888	1 152,3	80,8	22,1
501—1 000	1 201	676,0	11,1	12,9	1 232	657,9	9,9	12,8	1 232	672,6	9,1	12,9
1 001-5 000	1 105	1 881,2	10,2	36,0	1 157 68,7	1 845,1	9,4	35,9	1 189 66,6	1 941,7	8,8	37,3
Св. 5 000	185	1 712,2	197	32,7	201	1 577,9	1,6	30,7	170	1 444,2	1,3	27,7
	10 797	5 229,8	100,0	100,0	12 402	5 139,7	100,0	100,0	13 479	5 213,8	100,0	100,0

Динамика удельного веса рабочих на предприятиях различных групп цензовой промышленности показывает уменьшение удельного веса рабочих, занятых на предприятиях-гигантах (имеющих свыше 1 000 рабочих), с 68,7% в 1932 г. до 65,0% в 1934 г. Еще большее уменьшение показывает группа предприятий, имеющих свыше 5 тыс. рабочих — с 32,7% в 1932 г. до 27,7% в 1933 г. Это уменьшение объясняется сокращением раздутых штатов в связи со снижением текущей рабочей силы и в особенности в связи с повышением производительности труда. Так, по 25 крупнейшим заводам машиностроения количество рабочих уменьшилось с 1932 по 1933 г. с 218 455 до 215 913, т. е. на 1—2%, при одновременном увеличении валовой продукции с 1 404 468 руб. до 1 807 797 руб., т. е. на 28,7%, и основных фондов с 1 301 940 руб. до 1 607 910 руб., т. е. на 31,2%²²⁾.

²¹⁾ «Соц. строительство СССР» 1934 и 1935 гг.

²²⁾ Данные ЦУНХУ. Взяты следующие заводы:

Завод с.-х. машиностр. им. Сталина (Ростов).

Тракторный завод им. Орджоникидзе (Харьков).

Тракторный завод им. Дзержинского (Сталинград).

Завод «Красное Сормово».

Машиностроительный завод «Красный Профинтерн» (Бежица).

Автозавод им. Молотова (Горький).

Завод им. Марти (Николаев).

Судостроительный завод им. 61 (Николаев).

Севастопольский морской завод.

Опытный механический завод им. ОГПУ (Ленинград).

Златоустовский инструментальный завод.

Челябинский тракторный завод.

Завод текстильного машиностроения им. К. Маркса.

Подольский механический завод.

Люберецкий завод.

Завод комбайнов (Саратов).

Завод с.-х. машиностроения «Серп и молот» (Харьков).

Завод «Коммунар» (Запорожье).

Завод «Красная звезда» (Кирово).

«Красный путиловец» (Ленинград).

Машиностроительный завод им. Фрунзе (Сумы, Харьковской области).

Горьковский машиностроительный завод.

Торецкий завод им. Ворошилова.

Ижорский завод (Колпино).

Краматорский машиностроительный завод.

Повышение удельного веса рабочих, занятых на относительно мелких (до 500 рабочих) предприятиях, обусловлено в значительной мере ростом местной промышленности и предприятий промкооперации.

Социалистическая концентрация означает принципиально новое соотношение между крупной и относительно более мелкой промышленностью. Волчий закон конкуренции определяет насильственное подчинение мелких предприятий крупным в капиталистических странах. В СССР плановые наметки фиксируют продуманное сотрудничество крупной государственной промышленности с местной промышленностью и предприятиями промкооперации. Используя многообразные местные сырьевые ресурсы и отходы крупной промышленности, специализируясь на производстве изделий местного ассортимента, на максимальном обслуживании индивидуальных запросов потребителя и частично на ремонте и производстве оборудования, удовлетворяющего нужды местного строительства, промкооперация и местная промышленность являются необходимым дополнением крупной государственной промышленности.

Довоенная Россия, обладая промышленностью, стоящей на первом месте в отношении процента рабочих, занятых в крупнейших предприятиях, значительно отставала по концентрации мощности двигателей, обслуживающих рабочие машины. В этих своеобразных «ножницах» ярко сказывались низкий органический состав капитала, слабость механизации предприятий царской России. Это отставание в значительной степени сохранилось и в СССР к концу восстановительного периода. Уже в первые годы реконструктивного периода были достигнуты некоторые успехи в изживании этой отсталости.

Но лишь первая пятилетка, увеличив энерговооруженность труда с 1,30 в 1928 г. до 1,86 в 1933 г., мощность двигателей, обслуживающих рабочие машины, с 2 638,7 тыс. *квт* в 1928 г. до 5 890,8 тыс. *квт* в 1933 г. и количество потребленной в промышленности энергии по тем же годам с 5 801,9 млн. *квт* — до 13 533,7 млн. *квт*, создала решающий перелом в качественной характеристике уровня концентрации. Среднегодовая выработка на одного рабочего в ценах 1926/27 г. возросла с 1928 по 1934 г. на 63%. Однако и после первой пятилетки промышленность СССР по уровню энерговооруженности рабочего продолжает несколько отставать от Германии и более резко от США.

К концу второй пятилетки, по данным Госплана, электровооруженность рабочего в промышленности СССР должна составить 71% электровооруженности рабочего в промышленности США в 1928 г. и 160% электровооруженности рабочего в промышленности Германии в 1930 г.²³ Выплавка чугуна на одного рабочего в год составит 710 *т* против 611,9 *т* в Германии в 1929 г.; добыча угля на одного рабочего в смену — 1 302 *кг* против 1 271 *кг* в Руре и 1 102 *кг* в Англии в 1929 г.²⁴

Одной из важнейших задач плана второй пятилетки является повышение использования мощности производственного аппарата. Во втором пятилетии темпы роста промышленной продукции обгоняют темп роста технической мощности оборудования предприятий.

Так, по чугуну мощности возрастают в 2,1 раза, продукция — в 2,6 раза, в автомобильной промышленности мощности возрастают в 3,9 раза, продукция — в 8,4 раза; по с.-х. машиностроению мощности

²³ «Второй пятилетний план», стр. 55—56.

²⁴ Там же, стр. 66.

возрастают в 1,2 раза, продукция — в 1,8 раза; по хлопчатобумажной промышленности при росте мощности в 1,5 раза продукция возрастает в 1,9 раза и т. д.

Это повышение использования мощности производственного аппарата с особой силой проявляется на новых предприятиях-гигантах с сложнейшим модернизированным оборудованием. При росте производительности труда в среднем по машиностроению (по сопоставимому кругу) на 85% рост производительности труда по важнейшим новым предприятиям запроектирован более чем в 2—2,5 раза; в черной металлургии при росте производительности труда в среднем на 100% повышение производительности труда на новых агрегатах запроектировано на 216%, а на старых 72%²⁵.

Основной формой концентрации промышленности в течение второго пятилетия становится резкое возрастание удельного веса продукции новых и целиком реконструированных заводов, преимущественно заводов-гигантов. Эти заводы в последний год второй пятилетки дадут около 80% всей продукции промышленности.

В черной металлургии СССР предприятия мощностью более 600 тыс. т в 1937 г. дадут 70% всего чугуна против 58% в 1929 г. в США. В тракторостроении СССР в 1937 г. выпуск тракторов, по мощности равный 74,8% выпуска тракторов в США в 1929 г., дадут 4 завода против 12 основных заводов в США в 1929 г. В СССР в 1937 г. 60% электроэнергии районных станций дадут станции мощностью более 100 тыс. кВт каждая, в то время как в Германии в 1931 г. станции этой мощности дали лишь 42,7% электроэнергии общего пользования. В хлопчатобумажной промышленности СССР в 1937 г. 70% всех веретен будет сконцентрировано на предприятиях с числом более 100 тыс. веретен в каждом против 64% в США (Массачусетс) и 45% в Англия²⁶.

Эти огромные сдвиги в области концентрации производства в течение второй пятилетки выражают мощный подъем производительности труда на основе ввода в эксплуатацию и освоения новых технически передовых предприятий-гигантов.

«Новое в борьбе двух систем во втором пятилетии состоит в том, что СССР не только обгоняет самые передовые капиталистические страны по темпу роста физического объема производства, по темпу роста производительности труда, как в первой пятилетке, но также опережает самые передовые страны Европы по уровню физического объема производства, по мощности производственного аппарата, по уровню технической базы народного хозяйства и начинает опережать по уровню производительности труда»²⁷.

²⁵ «Второй пятилетний план», стр. 62.

²⁶ Там же, стр. 59.

²⁷ Там же, стр. 68.

За рентабельную советскую металлургию

(Об опыте Макеевского завода)

В начале 1935 г. Макеевский завод полностью отказался от дотации и обязался сэкономить государству 45 млн. руб. В марте Макеевка дала первую прибыль в 618 тыс. руб. и около 600 тыс. руб. в апреле. В мае прибыль составила 700 тыс. рублей.

Опыт Макеевки неразрывно связан с крупнейшими сдвигами, происшедшими в последние годы в черной металлургии. Процесс освоения в черной металлургии проходил значительно медленнее чем, в ряде других отраслей. Эти трудности в освоении сказались в себестоимости металлургической продукции. На протяжении последних лет до 1934 г. себестоимость металлургической продукции не только не снижалась, но продолжала (с 1931 до 1933 г.) повышаться.

Решающий перелом произошел в 1934 г. Этот год оказался годом исключительных успехов черной металлургии. Впервые черная металлургия добилась значительного снижения себестоимости — на 7,8%. Сделан был решительный шаг для ликвидации отмеченного т. Сталиным отставания черной металлургии. 1935 г. показывает нарастающие темпы снижения себестоимости и резкий подъем производства стали и проката. Вслед за Макеевкой на бездотационную работу переходит ряд других металлургических заводов (им. Дзержинского, им. Ворошилова, им. Коминтерна).

Макеевский завод имеет ряд серьезных технических предпосылок к снижению себестоимости. Но при том же оборудовании и тех же условиях Макеевка в 1933 г. давала совершенно обратные результаты и являлась наиболее отсталым по качественным показателям предприятием. Глубокий смысл макеевского опыта в том и состоит, что победы макеевцев являются победой новых методов организации производства и хозяйственного руководства, обеспечивающих действительное снижение себестоимости и быстрое освоение новой техники.

Опыт Макеевки, как и других заводов (Сталинградский, «Красный Октябрь», «Серп и молот» (Москва), Электросталь и др.), ярко показывает, что корни финансовых затруднений таились только в неумении предприятия укладываться в лимиты себестоимости вследствие невнимания к расходным коэффициентам, небрежного отношения к сырью, вспомогательным материалам и пр., вследствие того, что вопросы цены не связывали со всем комплексом условий, которые формируют эту цену.

Результаты борьбы за новые методы работы и победа новых форм технического и хозяйственного руководства особенно ярко проявляются при анализе работы отдельных цехов.

В 1935 г. доменный цех должен дать экономию в 9 млн. руб. Итоги 1934 г. и пяти месяцев 1935 г. убеждают в том, что эта программа будет несомненно выполнена.

Использование объема доменных печей в январе составляло 1,10, в феврале — 1,09, в марте — 0,98, в апреле 0,97, а в мае 0,92. На одних и тех же домах в 1933 г. среднесуточная производительность чугуна достигала 1 890 т. Уже в 1934 г. среднесуточная выплавка достигла 2 200 т, а в IV квартале — 2 600 т. В I квартале 1935 г. суточная выплавка не снижалась ниже 2 700 т.

Макеевцы обязались дать коэффициент 0,90. Этих результатов они добьются. Об этом говорит опыт ряда доменных печей Макеевки, которые добились прекрасных результатов в использовании полезного объема печей. Так, доменная печь № 5 в отдельные дни дает коэффициент 0,83, выплавляя свыше 1000 т чугуна. Такого коэффициента не достигала еще ни одна домна подобного размера. Этот коэффициент перекрывает рекордный результат лучших американских домен.

Годовая выработка чугуна на одного рабочего по доменному цеху выросла с 275,5 т в 1927/28 г. до 836 т в 1934 г.

В 1934 г. тонна передельного чугуна стоила 56 р. 09 к., в январе 1935 г. — 54 р. 65 к., в марте — 49 р., в апреле 48 руб., а в мае 44 руб. 61 к. Простои по доменному цеху в 1934 г. составили в среднем 2,1% календарного времени, в марте достигали лишь 0,7%. Уменьшился тихий ход печей, достигший в марте лишь 0,4, в то время как в 1934 г. он составлял 2,6%. Расход кокса составил в мае 0,85, на тонну передельного чугуна. Этот коэффициент приближается к лучшим показателям иностранных заводов. В 1934 г. расход кокса в 1,07 считался еще крупным достижением.

Огромный шаг на пути снижения себестоимости сделал новомартеновский цех. Стоимость тонны стали снизилась с 94 р. 47 к. в 1934 г. до 68 р. 73 к. в мае 1935 г. Данные за апрель и май показывают, что стоимость тонны стали может быть доведена до 64 руб. В мае съём стали с квадратного метра пода составлял 5,85 т. Имеются реальные возможности к достижению намеченных Макеевкой 6,5 т с квадратного метра пода.

В 1934 г. съём с квадратного метра пода составлял лишь около 4 т стали. Выход годного составлял в 1934 г. 88 389, а в марте 1935 г. — 90,12%. Резко снижен расход топлива. На тонну стали в 1934 г. уходило условного топлива 0,203 т. В 1935 г. расход топлива систематически снижался, составляя в январе 0,167, в феврале — 0,159 и в марте — 0,142 т. Резко сократилась продолжительность плавки, составляя в 1935 г. 10 часов вместо 12,6 часа в 1934 г. Увеличено общее количество плавки. 10 часов вместо 12,6 часа в 1934 г. Увеличено общее количество плавки.

На общем фоне подъема Макеевки выделяется также старомартеновский цех. В 1935 г. этот цех систематически из месяца в месяц резко улучшает показатели работы, а в марте добился лучших результатов по своему заводу. Этот цех должен в 1935 г. дать 6 млн. руб. экономии. Стоимость тонны слитка в 1934 г. составляла 114 руб., в 1935 г. снизилась до 86 руб. Систематически повышается выход годного. В январе выход годного составлял 79,64%, в феврале — 87,29 и в марте — 88,91%. Среднесуточная выплавка стали поднялась до 884 т в марте с 654 т в прошлом году. Съём с квадратного метра пода в 1932 г. составлял 2,7 т, в 1934 г. — 3,22, а в марте — 4,12 т.

Огромные достижения в деле снижения себестоимости показал блюминг. Стоимость тонны обжатой болванки в 1934 г. достигала 119 р. 20 к. В мае 1935 г. стоимость снизилась до 91 руб. 44 к. В I квартале 1935 г. производительность блюминга достигала 140 846 т, что превысило план на 10 тыс. проката. В тех же условиях, но при менее правильной организации труда блюминг дал в I квартале 1934 г. 58 888 т блюмов. В I квартале 1934 г. перерасход по себестоимости составил 729 900 руб., а в I квартале 1935 г. экономия достигла суммы в 260 тыс. руб.

Крупные успехи сделаны в области освоения техники производства. Горячая болванка температурой 650—700° нагревается сейчас за 3,5 часа вместо 5 часов. Нагрев холодной болванки до необходимой для проката температуры производится за 7,5 часа вместо 10,5 часа.

Люди Макеевки опрокинули легенды о пределах проектных мощностей. Доменная печь проектной мощности в 650 т дает 1000 т в сутки. Новомартеновская печь проектной мощности в 300 т дает 350 т. Сломали «законные» нормы простоев транспортники, снизив эти нормы в мае до 14 час. вместо нормы в 18 час. Макеевцы смогли наконец сочетать борьбу за глубокое использование резервов с освоением новых методов и сортовентов.

Рентабельность производства предполагала прежде всего борьбу за высокую производственную культуру и перевод производства на научные рельсы. Это требование жестоко выдвигалось глубокими качественными изменениями, которые произошли в материально-технической базе завода. Это ярко подтверждалось и опытом завода, обладавшим самым молодым коллективом металлургов, из которых многие впервые столкнулись со сложными агрегатами и механизмами.

Показательно имевшее место на Макеевке трудности с освоением осевой заготовки. Эти трудности являются результатом того, что технический коллектив, работавший на новом оборудовании, не осознал связи применения новых агрегатов с новыми формами технического и организационного руководства, новой системой организации производства. Так, изменение температуры разливаемой стали от начала операций до конца на 40° (1 460 до 1 420°) требовало внесения известных коррективов в организацию процесса. Между тем производственники ориентировались лишь на постоянную температуру, что вело к увеличению брака. Технические неполадки искали часто не там, где следует. Борьба с браком велась на отдельных участках разрозненно, в то время как источники брака в одном цехе тесно связаны с работой смежных цехов.

Поэтому борьба за производственно-техническую культуру и перевод производства на научные рельсы осуществляется на основе многообразной системы тесно связанных между собой мероприятий. Эти мероприятия находят в частности выражение в установлении жестких регламентов работы агрегатов и переходе на твердый график; теснейшей увязке производства с повседневной работой лабораторий, перенесении центра тяжести лабораторий в цехи (экспресс-лаборатории) и изменении функций последних; внедрении системы диспетчеризации в производственных и вспомогательных цехах; развернутой системе планово-предупредительных ремонтов; новом отношении к сырью и использованию отходов; коренном изменении отношения к вспомогательному хозяйству и подъеме последнего на уровень производственных цехов (в организации производства, организационных формах, труде, зарплате); перестройке общезаводского и цехового тыла; внимании к «мелочам» (система уборки готовой продукции, упорядочение складского хозяйства и т. д.).

Реализация всех этих мероприятий усиливала остроту организационно-хозяйственной перестройки, появление новых форм технического руководства, изменение технической политики отдельных цехов, межцеховых взаимоотношений, подъем технической инициативы, рост движения за техническое совершенство и экспериментирование.

Введение твердого регламента в доменном цехе положило начало коренных изменений в существовавшей системе работы: сведение к минимуму тихого хода, ликвидация аварий, простоев механизмов, резкое уменьшение перешихтовок. Установление графика в одних цехах ставило со всей резкостью аналогичную задачу и перед другими цехами.

Перевод печей и агрегатов на твердый график внес свежую струю в систему расстановки людей и организацию производства не только в основных, но и вспомогательных цехах.

Установление твердой регламентации производственного цикла имело большое значение не только для производственных цехов, но и для вспомогательного хозяйства. Это помогло вскрыть новые резервы. Введение твердого графика выпуска чугуна из различных печей способствовало созданию нормальных условий разлива чугуна, отпала необходимость в увеличении количества разливочных машин. Раньше при одновременном выпуске чугуна из нескольких печей скапливалось много чугуна, заливались пути, создавалась ненормальная перегрузка транспорта.

Установление твердого регламента сыграло большую роль в изменении методов работы рабочих, мастеров, инженеров. Большое внимание стали обращать на порядок приема-сдачи смен.

В тесной связи с регламентацией проводится ряд других мероприятий, в частности паспортизация оборудования, которая также помогает вскрывать резервы оборудования. Так, паспортизация стана «850» с часовой производительностью в 1934 г. в 24 т показала, что стан в состоянии давать до 37 т и стан «330», давший в 1934 г. 12 т в час, может дать 24 т. Паспортизация становится на Макеевке мощным орудием рационализации технологического процесса и снижения брака. Введение паспортов на каждую плавку в новомартеновском цехе резко улучшило качество металла, вскрыло источники брака. Оказалось, что по мере понижения количества углерода и повышения содержания марганца возрастает выход годной осевой стали.

Перенесение центра тяжести лабораторной работы в цех и приспособление ее к нуждам производства потребовали изменения форм и функций цеховых лабораторий.

Перестройка лабораторной работы идет не только в направлении комплексных изысканий и контроля производства, но и обеспечения борьбы с браком, освоения новых видов продукции, налаживания правильного технического руководства и т. д. Это выдвинуло задачу комплексного охвата не только чисто металлургических процессов, но и других (например теплотехнических), ибо производственник хочет знать и изучить все, что может в какой-либо мере влиять на ход процесса и конечные результаты его.

Экспресс-лаборатории сыграли огромную роль в установлении твердого режима печей и агрегатов, внесшего коренной переворот в старых методах цеховой работы. Экспресс-лаборатория, становясь помощником начальника цеха, является одной из основ улучшения качества административно-технического руководства и усиления внимания коллектива и руководства цеха к отдельным производственным деталям. В связи с этим экспресс-лаборатория становится не только орудием научной организации производства, но и средством технического воспитания коллектива. Цеховые лаборатории серьезно способствовали изменению отношения к измерительным приборам. Измерительный прибор стал потребностью не только начальника цеха, смены, инженеров, но и рядового сталевара и горнового.

В тесной связи с правильной организацией производства стоит вопрос о планово-предупредительных ремонтах. Система планово-предупредительных ремонтов поднята на заводе на огромную высоту. Они производятся по определенному графику. Это сразу же дало большой эффект. Раньше же работали до того, пока не получались аварии, так как существовала обезличка на этом важнейшем участке.

Проявлением роста производственной культуры является новое отношение к сырью и материалам. Резкое изменение отношения к сырию проявляется в переходе к максимальному использованию отходов, снижению расходных коэффициентов, в растущем потреблении низкосортного сырья. Ранее цехи стремились получать повышенные нормы материалов и работать только на высококачественной руде, коксе, доломите и т. д. Сейчас перестали пренебрегать бедным низкосортным сырьем. Так, новомартеновский цех старается сейчас брать сырой, дешевый доломит. Это дает большую экономию.

Этот новый подход к сырию в свою очередь отражает повышение технического уровня коллектива. Рациональное использование и эффективная переработка низко-

сортного сырья требует более глубоких технических знаний, лучшего понимания режима, серьезного освоения агрегатов и механизмов.

Яркие образцы максимального использования отходов показывает доменный цех, который проявляет в этом направлении широкую техническую инициативу. Еще и сейчас на металлургических заводах мартеновский шлак используется в совершенно ничтожных количествах (3,5% от веса шихты). На Макеевке этот шлак уже в 1934 г. добавлялся к доменной шихте в количестве 150—200 *t* в сутки. Сейчас увеличили добавку мартеновского шлака до 500 *t* в сутки. Это оказывает большое влияние на снижение себестоимости. Мартеновский шлак содержит до 13% железа, и поэтому использование этого отхода дает экономию не менее 100 тыс. *t* высокосортной криворожской руды. Кроме того применение мартеновского шлака дает экономии марганцевой руды, известняка, флюса и увеличивает производительность печей.

Используются отходы зеленого шлака печи № 3, где производится выплавка ферромарганца. Шлак этот содержит много марганца. Ежесуточное использование этого шлака в количестве не менее 90 *t* заменяет не менее 40 *t* богатой чиатурской руды, что дает экономию в 1½ млн. руб.

Большой заслугой макеевцев является решительная перестройка условий работы в вспомогательных цехах. Макеевцы глубоко поняли, что одним из важнейших резервов снижения себестоимости является высокий уровень работы вспомогательных цехов.

Перестройка вспомогательного хозяйства идет по двум линиям: общезаводской и внутрицеховой. Так, перед энергетическим цехом во весь рост встала задача проведения твердой технической политики в отношении отдельных звеньев завода в направлении твердого установления точных расходных коэффициентов.

Как и перед другими цехами, со всей остротой встала перед энергоцехом проблема учета. Налаживающийся учет дает возможность влиять на цехи в направлении сокращения расходов энергии, пара, воды, облегчает возможность маневрирования и использования отходов.

Подъем работы вспомогательных цехов на уровень производственных достигнут на базе коренного изменения отношения к вопросам обслуживания производства в самих цехах.

Так, то обстоятельство, что транспорт является не только одним из важнейших элементов в себестоимости, но и решающим условием бесперебойной работы, заставляет начальников цехов лично заниматься ж.-д. транспортом как своим цеховым участком.

Доменный цех перестроил заработную плату диспетчера, которая стала определяться в зависимости от количества перевозимых ковшей. Это дало увеличение заработной платы диспетчеру на 300 руб. Но благодаря произведенной перестройке удалось освободить три паровоза, что дает экономии доменному цеху в 240 тыс. руб. в год. При среднесуточной производительности цеха в 2 200 *t* в 1934 г. транспорт обслуживался 9 паровозами, а сейчас, при среднесуточной производительности в 2 800 *t*, транспорт цеха обслуживается 6 паровозами. Помимо экономии, которую получает доменный цех, большую выгоду получает общезаводской транспорт в связи с увеличением паровозного парка.

Цехи избегали раньше заниматься вспомогательным хозяйством. Сейчас подобная беззаботность ликвидирована. По инициативе самих цехов организуются вспомогательные участки для использования отходов.

Вспомогательные же цехи интересуются уже не только обслуживанием текущих нужд цехов, но и обеспечением нормальной работы всего цикла производства.

В соответствии с этим проведена например и организационная перестройка транспорта. Так, весь завод имел ранее одну станцию. Сейчас все путевое хозяйство разделено на пять станций, тесно увязываемых с соответствующим производственным звеном. На каждой имеется начальник станции. Налажен учет работы. Имеется твердый график. Начальник станции оказывается заинтересованным в нормальной работе цеха, сам идет к руководителю соответствующего цеха узнать о недостатках, жалобах цеха и т. д.

Транспорт Макеевки добился исключительного по сравнению с другими металлургическими заводами положения в области вывозки готовой продукции. С декабря прошлого года на заводе имеется всегда лишь трехдневный запас продукции. На других заводах запас невывезенной металлургической продукции выражается нередко в 1—2 и более месяцев.

В новом движении, которое имеется на заводе в борьбе за производственную культуру, очень характерны процессы, происходящие в механическом цехе. Раньше работа механического цеха проходила крайне ненормально. Почти все заказы цехов поступали под видом аварийных, а потом месяцами валялись. В условиях, когда механический цех работал только на аварийных заказах, не могло быть и речи о плановой работе в цехе, о борьбе механического цеха за культурное обращение с механизмом. За выполнение аварийных заказов сейчас установлена тройная оплата с обяза-

тельным представлением аварийного акта. Цехи стали внимательно относиться к даче заказов, назначили специальных лиц, ответственных за заявки. Введение нового положения сократило в первый же месяц количество заказов не менее чем на 500. Усилилась система планово-предупредительных ремонтов. Цехи перестали доводить оборудование до аварийного состояния. Вопросами обслуживания механизмов стали заниматься руководители цехов. Перестроился сам механический цех и добился снижения себестоимости по сравнению с 1934 г. в среднем на 15%. Разгрузка цеха дала возможность наладить нормальную плановую работу.

Новые условия потребовали изменения межцеховых взаимоотношений. В корне устранено положение, когда хорошая работа одного цеха происходит за счет ухудшения другого.

В установлении правильных и четких межцеховых взаимоотношений огромную роль сыграло новое положение о том, что сдача смежным цехам продукции производится по техническим нормам отпуска продукции внезаводским потребителям.

В борьбе за безубыточность и быстрое освоение производства одним из основных мероприятий явилась организационная перестройка. Основная идея этой перестройки — повышение ответственности на определенных участках, ликвидация функционалки, перенесение центра тяжести технического руководства в цех и приближение его к механизму и агрегату.

Результаты перестройки сказались очень быстро в силу особой роли организации производства в металлургии, в условиях которой малейшее нарушение нормальной работы какого-либо звена срывает работу всего завода.

Но очень важно, что эта организационная перестройка тесно сочеталась с укреплением технического руководства. Это находит яркое отражение в установлении института начальников печей. Эта система, давшая сразу же исключительный эффект, наиболее ярко отражает тесную увязку перестройки организационного и технического руководства. Это сразу же сделало центральным производственным звеном агрегат. Это мероприятие потребовало изменения системы низового планирования и учета, так как каждый агрегат должен был иметь свое твердое задание.

Появление начальников печей и агрегатов повысило ответственность на каждом участке, потребовало закрепления людей за конкретным агрегатом, усилило ответственность за его работу. Это способствовало конкретизации обязанностей технического персонала: Помимо начальников доменных и мартеновских печей были введены начальники прокатных станов, начальники смен, начальники по подготовке производства в механических цехах и т. п.

Борьба за рентабельность предъявила новые условия к аппарату заводоуправления. Органы, следящие за себестоимостью (группа себестоимости, техническая бухгалтерия), перестают быть оторванными друг от друга звеньями. Наоборот, они приобрели исключительную роль, так как задача заключается в том, чтобы быстро сигнализировать и оперативно воздействовать на ход работы в цехах.

Резко изменилась роль планово-производственного отдела, который должен повседневно следить за себестоимостью, хозрасчетом, регулированием взаимоотношений цехов.

В организационной перестройке огромную роль сыграл перевод каждого участка завода на самостоятельный бюджет, включая вспомогательные и обслуживающие цехи. Это дало мощный толчок к мобилизации резервов и снижению себестоимости во всех направлениях, в частности по линии энергетики и транспорта, за услуги которых установлены твердые цены, в которые они должны укладываться. Результаты уже сказались. В 1934 г. себестоимость электроэнергии равнялась 4,7 коп. за 1 квтч, а на 1935 г. она установлена в 2,7 коп. В 1935 г. стоимость тоннокилометра установлена в 8 коп., а в 1934 г. она обходилась в 11 коп. Разница по транспорту должна дать в этом году экономию в 3 млн. руб.

Организационная перестройка явилась решающим условием создания новой агрегат-бригадной формы хозрасчета, перенесенной постановлением ГУМП на другие металлургические заводы.

Введение начальников агрегатов и превращение последних в основное производственное звено поставили задачу перестройки системы планирования, учета и системы калькулирования применительно к агрегату. Это и создало основу для развертывания новой формы хозрасчета, увязываемой с цеховым и общезаводским.

Задача заключалась в том, чтобы найти такие гибкие формы, которые соответствовали бы специфике металлургического производства и стимулировали борьбу за качественные и количественные показатели. Работа бригад стала учитываться по специально разработанным показателям, в которых устанавливаются все элементы, которые зависят от бригады и которые в конечном итоге сказываются в стоимости продукции. Такая форма хозрасчета помогла действительно вовлечению всего коллектива в борьбу за рентабельное производство, ибо в работе агрегата оказывается заинтересованным весь коллектив. Ранее хозрасчет не давал возможности выявить

действительный эффект отдельных бригад, т. е. применявшаяся система не учитывала специфики металлургического агрегата. Нельзя было выявить, на какие конкретные элементы воздействовала работа бригад.

Развертывание хозрасчета потребовало углубленной перестройки системы учета в направлении установления четкого оперативного учета показателей себестоимости. Внедрение новой формы учета оказывает огромную помощь руководству цеха. Так, в старомартеновском цехе прежняя система учета обеспечивала выявление себестоимости продукции и расходных коэффициентов только в конце первой половины следующего месяца. Благодаря введению системы ежесуточного калькулирования бланки имеется возможность быстро влиять на себестоимость продукции и принимать необходимые меры.

В тесной связи с новой системой хозрасчета проведена перестройка заработной платы. По каждому цеху в отдельности установлен твердый лимит заработной платы, увязанный с планом производства и себестоимости. В пределах этого лимита руководитель цеха может определять оклады, изменять ставки, передвигать людей.

Новая система заработной платы решает задачу сочетания интересов всего завода с личными интересами работника. Это ликвидировало обезличку, повысило заинтересованность рабочих и технического персонала, создало стимулы для освоения новых сортментов, которых раньше избегали, заставило по-новому относиться к оборудованию.

В условиях борьбы за рентабельность совершенно исключительное значение имела перестройка системы заработной платы. Система оплаты труда, задерживавшая рост производства, стала фактором непрерывного подъема его. В новой системе зарплаты, как и в других мероприятиях, ярко проявилось исключительное внимание к людям, выращиванию кадров. В отличие от прежней обезличенной системы заработной платы, не учитывавшей специфики отдельных квалификаций и производств, новая система построена на максимальном учете особенностей отдельных производств, уровня квалификации и условий работы. В корне уничтожено такое положение, когда руководитель производственного участка получал меньше, чем работники, возглавляемые им. А это к сожалению имело место в доменном и других цехах завода.

Раньше заработная плата определялась только в зависимости от выполнения плана. Это вынуждало подчас стремиться не к увеличению плана, а к его сокращению. Это задерживало и освоение новых сортментов и внедрение новых методов производства. Цехи стремились обосновывать отказ от освоения новых сортментов металла, изменения процесса и т. д., так как это влияло на выполнение плана.

Новая система полностью изменила положение. В доменном цехе решающим показателем являются коэффициент использования объема печей и уровень себестоимости продукции. В мартеновских цехах установлены специальные графики технических показателей, в которых учитываются съем стали с квадратного метра пода, расходы сырья и т. д. Соответствующие технические показатели установлены и по вспомогательным цехам. Так, в железнодорожном цехе учитываются себестоимость тоннокилометра, простои вагонов, отгрузка валовой продукции и т. д. Создано такое положение, при котором сами вспомогательные цехи устанавливают расходные коэффициенты энергии, газа, воды и т. д., требуют от производственных цехов рационализации использования различных видов энергии, транспорта и т. д. Эти новые условия потребовали иного внимания к качеству продукции, использованию оборудования, увязки отдельных участков производства.

Перестройка зарплаты захватила все участки завода. Так, зарплата в мелкосортном цехе производилась прежде за продукцию брутто. Сейчас перешли на оплату нетто. Это не только дало экономию в зарплате, но и заставило тщательно следить за качеством продукции. Рабочие одинаковой профессии стали получать разную заработную плату в зависимости от уровня квалификации и качества работы. Поэтому, если раньше повышение заработной платы происходило лишь при передвижках на новую работу, то сейчас повышение зарплаты происходит в пределах работы на том же агрегате. Это толкает на повышение технической грамотности, лучшее изучение агрегата, механизма. Особое значение имеет такая перестройка зарплаты в новых цехах при работе на новом оборудовании. Перестройка заработной платы заставила учесть специфику отдельных процессов и условий труда.

С этой формой зарплаты связана и установленная на заводе система премирования для всех категорий работников. Премия дается из фондов цеха, создаваемых из разницы между фактической себестоимостью и расчетной ценой, установленной на продукцию цеха. Часть этой суммы в размере 50% идет в распоряжение начальников цехов для индивидуального премирования.

Несмотря на продолжающееся повышение заработной платы, удельный вес зарплаты на тонну продукции систематически падает. По доменному цеху заработная

плата на тонну продукции составляла в 1934 г. 3 р. 56 к. В этом году она составит 2 р. 65 к. Новомартеновский цех добился снижения в 1935 г. до 6 р. 09 к. вместо 8 р. 63 к. на тонну стали в 1934 г.

Люди оказались решающим резервом, который обеспечил победу в борьбе за освоение и рентабельность. То обстоятельство, что на Макеевке победу решили люди, имеет исключительный интерес и потому, что Макеевка — не только самое технически совершенное предприятие южной металлургии, но и завод, обладающий самым молодым коллективом металлургов. При этом состав рабочих и ИТР за последние годы серьезно омолаживался.

Коренное изменение технического уровня Макеевки потребовало новых соотношений в кадрах. Изменился состав по стажу, возрасту, квалификации. Из общего числа рабочих в 1934 г. 60% приходилось на долю молодежи со стажем не более трех лет, в то время как доля этих рабочих в 1929 г. едва достигала 30%. Изменилось соотношение между вспомогательными и производственными рабочими. В 1929 г. на одного производственного рабочего приходилось 6,5 вспомогательных рабочих, в 1934 г. — 8,5.

Коренные изменения произошли в управлении и обслуживании агрегатов и механизмов. Вместо работы на-ощупь и на-глаз производство стало базироваться на лабораторных исследованиях контрольно-измерительных приборов. Новые требования стали предъявляться к качеству продукции, разливке металла, отдельным деталям производства (в частности проблеме уборки продукции). Все это потребовало исключительного внимания к конкретным задачам воспитания и выращивания отдельных групп рабочих. Задача заключалась в том, чтобы не только учитывать общие сдвиги в технической базе производства, но и условия труда в отдельных цехах, на отдельных агрегатах и механизмах.

Новые требования к кадрам, выдвинутые сложностью металлургического процесса, масштабами и методами производства, предъявили новые требования к системе подготовки кадров. В условиях борьбы Макеевки, как и других металлургических заводов, задача заключалась в первую очередь в повышении технической квалификации кадров.

Переход цехов на безубыточность и твердый бюджет, широкое развертывание агрегатно-бригадного хозрасчета поставили задачу перед инженерно-техническим и рабочим коллективом — умение читать и понимать калькуляцию. Если раньше этого избегали, то борьба за рентабельность заставляет сейчас думать не только о технологических процессах, но и вникнуть в расходные коэффициенты, подумать о всех условиях, которые мешают нормальному режиму, нарушают ровный ход агрегатов. Поэтому люди, избегавшие калькуляции, стали изучать ее в поисках конкретных возможностей дальнейшего использования резервов.

На заводе существует атмосфера исключительного подъема технической инициативы. Об этом свидетельствует и рост изобретательского движения. Так, за 1934 г. было внесено свыше 1 300 предложений, экономический эффект которых выражается в сумме до 12 млн. руб. На начало апреля было внесено до 250 предложений на сумму около 4 млн. руб.

В 1934 г. помимо сетей стационарного обучения различными видами технической учебы было охвачено без отрыва от производства 6 251 чел. ведущих квалификаций. Во всех цехах имеются технические библиотеки, индивидуальное шефство ИТР и рабочих-отличников над отстающими, индивидуальные консультации, систематический инструктаж у рабочих мест, 25 специальных технических газет и т. д.

Различные формы технической учебы, технические консультации, применение контрольно-измерительной аппаратуры и т. д. дали возможность за очень короткий промежуток выдвинуть в мастера людей, которые на заводе работали лишь несколько лет. Так, если раньше о составе шихты доменщики никакого представления не имели, не знали основ процесса и, чтобы стать мастером, должны были проработать 15—20 лет, то перевод производства на научные рельсы, повышение производственной культуры резко ускорили рост и выдвижение кадров. Это имеет место не только в доменном, но и в других цехах.

По сравнению с 1932 г. в 1934 г. наряду с уменьшением массы неквалифицированных рабочих количество полуквалифицированных возросло на 135%, квалифицированных — на 169, высококвалифицированных — на 183,1%. Сотни отличников переведены в высшие квалификации и разряды.

Показатели работы отдельных цехов оказываются в тесной зависимости от того, как цех воспитывал и вырастил кадры, как цех боролся за техническую грамотность своего коллектива. В этом смысле особенно показателен доменный цех, руководители которого (тт. Злочевский и Кабо) смогли показать образцы исключительного внимания к выращиванию кадров.

Доменный цех — передовой цех Макеевки, овладевший мировыми нормативами. В этом цехе лучше, чем во всех других цехах, поставлена работа по воспитанию кадров. Об этом ясно говорит ход сдачи гостехэкзамена, превратившегося в массовый поход за овладение техникой. Доменщики сдают только на «отлично» и «хорошо».

Люди росли вместе с цехом. Руководство цехом смогло сочетать рост производства с ростом людей. Рост технической грамотности способствовал борьбе с обезличкой в цехе. Техническая неграмотность вела также ранее к безответственности. На агрегатах не было людей, которые знали бы механизм, за который они отвечают. Это приводило к тому, что плано-предупредительный ремонт отсутствовал, механизмы работали до очередной аварии и поломки. Отсюда — бесконечные остановки, аварии на различных участках этого сложного цеха. Это увеличивало простои и остановки. Сейчас положение изменилось. Так, если среднесуточный простой в январе 1935 г. доходил до 3⁰/₀, то в марте простои доведены до 0,3⁰/₀, а сейчас почти ликвидированы.

* * *

Макеевка добилась крупнейших достижений и заслуженно носит почетное звание «завода-лидера», передовика советской металлургии. Но во всех цехах и вспомогательном хозяйстве имеются еще огромные неиспользованные материальные и людские резервы, роль которых на Макеевке особенно велика.

Э. Я. БРЕГЕЛЬ, „Ленинский этап в теории воспроизводства“. Изд. Соцэкгиз. 1935 г. Стр. 168.

Автор поставил перед собой задачу «...подытожить и дать систематическое изложение разработке марксовской теории воспроизводства Лениным и ее дальнейшее развитие Сталиным», «...показать, как Ленин и Сталин... поднимают на новую ступень марксистскую теорию воспроизводства» (стр. 2—3).

Задача очень важная, и замысел автора заслуживает одобрения. Мы имеем прямое указание т. Сталина о необходимости популяризации марксистской теории воспроизводства и прежде всего о необходимости глубокого изучения и популяризации богатейшего наследия т. Ленина в области теории воспроизводства. Тем более заслуживает внимания попытка автора осветить во второй части этой книги «учение Ленина и Сталина о воспроизводстве в переходной экономике». Победа социализма в нашей стране, усиление плановости во всех сферах народного хозяйства и т. д. действительно требуют разработки проблем воспроизводства и планирования народного хозяйства. Поэтому появление в свет книги «Ленинский этап в теории воспроизводства» не может не привлечь внимания не только экономистов и преподавателей, но и широкого партийного актива и вузовской молодежи.

Разрешение этой задачи предполагает однако глубокое изучение теоретического наследия Ленина, трудов т. Сталина в этой области и огромного конкретного материала из области капиталистической экономики и экономики Советского союза. Такая работа, к сожалению, не проделана автором этой книги. Книга перегружена огромным количеством цитат, подобранных часто без достаточной внутренней связи и во многих случаях плохо комментированных. Получилось механическое нагромождение выдержек, а не разработка ленинского этапа в теории воспроизводства.

Это можно проиллюстрировать примерами из различных частей рецензируемой книги. Так, напр., вторую главу составляют цитаты из работ Маркса и Ленина о необходимости деления общественного продукта по стоимости и по вещественной форме при анализе проблемы воспроизводства. Доказав документально, что ленинские высказывания по этому вопросу совпадают с высказываниями Маркса, что поэтому прав Ленин, а не апологеты, автор начинает уверять читателей, что высказывания Ленина нужно оценивать как дальнейшее развитие учения Маркса, потому что они были направлены против «романтиков». «Излагая соответствующие критические соображения Маркса, — пишет автор, — Ленин идет дальше и доказывает, что именно на непонимании действительного состава общественного продукта по его стоимости и по натуральной форме покоится ошибочная теория Сисмонди о невозможности реализации прибавочной стоимости, перенятая затем народниками». Все дело в том, следовательно, против кого направлено то или другое положение.

Нужно ли доказывать, что автор не понял то действительно новое, что внесено Лениным в разрешение проблемы воспроизводства после Маркса?

Подобное же сличение цитат из работ Маркса и Ленина вместо действительного анализа можно найти у автора и во всех других главах. Повсюду т. Брегель декларирует о новом ленинском этапе и нигде однако нет подлинного показа того, как Ленин анализировал капиталистическое воспроизводство, в частности в эпоху империализма, как он анализировал воспроизводство в конкретных условиях России, как Ленин обогатил на этой основе марксову теорию воспроизводства.

В главе пятой автор опять возвращается к вопросу о двух подразделениях. «Исследуя этот вопрос, — пишет он, — Ленин не ограничивается простым пересказом марксовых схем воспроизводства, но дает дальнейшую разработку проблемы». В чем же выражается эта дальнейшая разработка? Маркс в своих схемах, продолжает автор, «... исходил из предположения неизменного органического состава капитала. Это, конечно, не означает, что Маркс вообще игнорировал рост органического состава капитала... Напротив, не кто иной, как Маркс... в «Капитале» исследовал рост органического состава капитала... Конкретизируя и развивая далее положение Маркса, Ленин применил установленный Марксом закон повышения органического состава капитала к анализу воспроизводства общественного капитала и сделал выводы, которые отсюда следуют для теории реализации» (курсив автора стр.—50). Выходит таким образом, что Маркс лишь открыл закон органического

состава капитала, но не сделал соответствующих выводов. Такого рода утверждение принадлежит Туган-Барановскому, который заявлял, что «анализ Маркса остался незаконченным и неиспользованным им самим для каких-либо общих выводов», что «логические выводы, вытекающие из них (из схем Маркса. — А в т о р ы), совершенно не указаны Марксом» и т. д. Классовый смысл такого рода утверждения Тугана заключался в том, чтобы затушевать в интересах апологетики капитализма те революционные выводы, которые Маркс делает в частности во втором томе «Капитала».

Совершенно неудачно показывает автор также борьбу Ленина на два фронта в вопросах воспроизводства. Дело у него здесь сводится в сущности к ученическому сопоставлению цитат из трудов Ленина с цитатами из Туган-Барановского, Каутского и Розы Люксембург. Разбирая эти цитаты, автор может лишь установить, что если противники Ленина либо разрывали связь между первым и вторым подразделениями, либо установили непосредственную связь между ними, то Ленин указывает, что первое подразделение лишь в конечном счете связано со вторым подразделением. Вот все, что автор смог почерпнуть из работ Ленина, направленных против враждебных марксизму оппортунистических теорий воспроизводства.

Он сводит борьбу Ленина в вопросах воспроизводства при капитализме на два фронта к отдельным абстрактным положениям, выхолащивая тем самым политическую ее остроту. Так например, давая критику троцкизма по отдельным частным вопросам абстрактной теории воспроизводства, автор и здесь совершенно обходит вопросы воспроизводства современного капитализма (общий кризис капитализма, современный мировой хозяйственный кризис). Тем самым автор не только не вскрывает до конца контрреволюционной сущности троцкизма, но объективно затушевывает ее.

Совершенно недостаточно освещена в книге ленинская теория воспроизводства в эпоху империализма. Автор не использовал даже опубликованные недавно «Новейшие материалы» к работе Ленина об империализме. Об общем кризисе капитализма, современном мировом кризисе, автор почти не упоминает. Подобный отрыв проблем воспроизводства от характеристики современного империализма грубо ошибочен и показывает, что автор весьма далек от понимания ленинско-сталинской последовательно-революционной постановки этих вопросов.

К сожалению и вторая часть этой книги, посвященная советскому хозяйству, страдает тем же общим недостатком, свойственным всей книге,—перегрузкой цитат, абстрактно-схоластическим подходом к вопросу и игнорированием исторических этапов развития советской экономики.

Известно, что одним из важнейших научных требований при изучении советской экономики, особенно таких синтетических проблем, как теория воспроизводства, является тщательное изучение отдельных этапов социалистического строительства. Все проблемы воспроизводства советской экономики — проблема темпов, пропорций, накопления и потребления, источников накопления и т. д. — имеют на каждом этапе специфические особенности, специфические методы их разрешения и т. д. Нельзя говорить о социалистическом воспроизводстве в переходной экономике безотносительно к этапам социалистического строительства. Этому учит нас т. Сталин. Все высказывания Ленина и Сталина, которые автор расположил в своей книге в механический ряд, имели место в определенном контексте, применительно к конкретно историческим условиям. Ленин и Сталин никогда не говорили «вообще» о темпах, пропорциях, накоплении и потреблении и пр. в переходной экономике. Они давали глубоко научный, т. е. конкретный анализ нашей экономики в каждый данный период ее развития и намечали конкретные задачи и пути ее дальнейшего продвижения к социализму. В каждой работе т. Сталин (в докладах, речах и статьях) привлекает конкретный материал (факты и цифры), на основе которого делаются выводы. В этих трудах дан глубокий анализ особенностей воспроизводства нашей экономики по таким важнейшим этапам, как восстановительный период, начальный период реконструкции, период первой, период второй пятилетки.

Что же получается у автора, когда он выхватывает отдельные положения, отдельные цитаты из различных работ Ленина и Сталина и помещает их в один ряд? Нельзя же назвать освещением по этапам, когда автор высказывания Сталина по вопросам планирования, потребления трудящихся и торговле выделяет в одну главу, назвав ее «Общая характеристика воспроизводства в советской экономике в работах Сталина» (глава 9), а цитаты об индустриализации и коллективизации—в другую главу, назвав ее «Проблемы расширенного воспроизводства в реконструктивный период в работах Сталина» (глава 10). Вторая часть 9 главы озаглавлена, например, так: «Сталин о производстве, распределении, потреблении и обращении в СССР». Вместо того, чтобы показать гигантское историческое значение теоретических работ т. Сталина для построения теории воспроизводства в условиях экономики переходного периода и социализма, автор механически нанизывает ряд цитат из отдельных работ т. Сталина.

Вставки, которые от себя делает автор, как будто нарочито рассчитаны на то, чтобы придать абстрактный характер цитатам из работ т. Сталина. Тов. Брегель, например, считает, что «важным моментом» в характеристике воспроизводства в СССР, данной тов. Сталиным, является рассмотрение этого воспроизводства как единства

производства и потребления при примате воспроизводства (стр. 170), как единства производства и обращения при примате производства (стр. 132), учет обратного влияния обращения на производство. Автор полагает очевидно, что основная ценность приведенных им высказываний т. Сталина сводится к установлению примата производства над обращением и потреблением. Но ведь этот примат производства имеет место и при капитализме. Раз уже автор заговорил о «примате», он должен был показать, в чем заключается особенность этого примата в нашей советской экономике. Тов. Сталин раскрывает именно эту особенность, а автор ориентирует читателя на то, что ценность высказывания т. Сталина по этим вопросам сводится к установлению «примата» как такового. Подобное «комментирование» учения т. Сталина по важнейшим проблемам воспроизводства нашей экономики есть не что иное как выхолащивание социально-экономического содержания этих проблем и умаление их политической остроты.

Касаюсь вопроса о темпах, автор приводит наряду с прежними высказываниями т. Сталина о необходимости быстрых темпов индустриализации также цитаты из доклада Сталина на январском пленуме 1933 г. о том, что для второй пятилетки придется взять менее ускоренные темпы валовой продукции промышленности. Но как автор комментирует ее? Он подменяет ее понятием «темпы расширенного социалистического воспроизводства» (стр. 140—141), включая сюда тем самым вопрос о темпах всего народного хозяйства. Автор очевидно полагает, что существо дела не меняется от того, сказать ли «темпы роста продукции промышленности» или «темпы расширенного воспроизводства». Но как быть с темпами роста во второй пятилетке народного дохода, валовой продукции сельского хозяйства? Полагает ли автор, что и эти темпы также будут ниже по сравнению с темпами первой пятилетки? Решения партии и указания т. Сталина не дают ему для этого решительно никаких оснований.

Автор совершенно недостаточно использовал также указания т. Сталина о возможностях высоких темпов индустриализации нашей страны благодаря огромным преимуществам нашего строя, его указания о важнейших факторах социалистического накопления, о режиме экономии и т. д. Все это является несомненно крупным политическим недостатком книги.

Наконец, говоря о борьбе т. Сталина на два фронта в вопросах воспроизводства советского хозяйства, автор совершает ряд других политических ошибок. Так, критикуя теории контрреволюционного троцкизма, он забывает о троцкистско-зиновьевской трактовке нэпа и лишь упоминает о теории «первоначального социалистического накопления», не раскрывая ее подлинной сущности. Контрреволюционного характера этой троцкистской «теории» накопления автор не раскрыл. Из специального раздела о борьбе с троцкизмом этот вопрос почему-то вообще выпал. В другом месте автор указывает, что «в противоположность контрреволюционной троцкистской теории первоначального социалистического накопления, отрицающей внутренние возможности советской хозяйственной системы в деле социалистического накопления, Сталин наоборот подчеркивает наличие этих возможностей» и т. д. (стр. 143). Этим ограничивается критика троцкизма в вопросах накопления. Между тем автору следовало бы показать, что троцкисты выдвигали свою в корне враждебную ленинскому теории накопления. Автор не показал, что троцкистская политика «перекачивания» средств из деревни якобы в пользу индустриализации была по существу направлена против диктатуры пролетариата.

Автором упущен также вопрос об источниках накопления в трактовке правых. Партии и т. Сталину пришлось провести борьбу с правыми оппортунистами по вопросу о привлечении средств деревни к строительству социалистической индустрии, борьбу против чудовищного обвинения правыми партии во взимании с деревни «военно-феодальной дани» и т. д. Тов. Брегель же очевидно полагает, что к его «теоретическим» исследованиям о ленинском этапе в теории воспроизводства эти вопросы никакого отношения не имеют.

К другим наиболее существенным вопросам борьбы с правым оппортунизмом, не получившим освещения в книге, хотя они имеют непосредственное отношение к проблемам воспроизводства советского хозяйства, следует отнести отрицание правыми оппортунистами необходимости новых форм смычки с крестьянством; отсюда борьба правых против совхозов и колхозов, за развитие кулацкого хозяйства и пр.

Между тем нужно ли доказывать, что борьба партии под руководством т. Сталина против всех этих оппортунистических и контрреволюционных теорий имеет огромное историческое значение. «Отвлечение» от важнейших вопросов этой борьбы является грубой политической ошибкой т. Брегеля.

Вывод ясен: издательству не следовало выпускать такую недоброкачественную работу.

Дж. Б. КЛАРК, Распределение богатства. Перевод Д. Страшунского и А. Бесчинского. Предисловие В. Серебрякова. 1934. Соцгиз.

Выход в свет перевода книги Д. Кларка «Distribution of Wealth» представляет собой положительный факт. За последние годы наши издательства не выпускали переводных работ из области буржуазной теоретической экономики. Между тем нужда в таких переводах является значительной. Наша учащаяся молодежь, да и научные работники в подавляющем большинстве не имеют возможности читать работы буржуазных экономистов в оригинале. Отсутствие переводных работ крупных буржуазных экономистов, почти полное отсутствие серьезных марксистских работ, посвященных современной буржуазной теоретической экономике, объясняют нам, почему последняя еще так мало знакома нашим экономистам.

Кларк — представитель вульгарной политической экономики. Было бы совершенно безнадежным делом искать в его работе «Распределение богатства» какие-то новые положения,двигающие вперед экономическую науку. Под маской научного анализа Кларк дает только своеобразную апологию капиталистического общества. Кларк для нас представляет интерес только как один из наиболее типичных представителей в развитии вульгарной политической экономики.

Дж. Кларк является не только крупным экономистом Америки (за последние 34—десятилетия), он является одним из видных буржуазных экономистов конца XIX и начала XX столетия. В его работе получил законченное оформление ряд идей, играющих крупную роль в современной вульгарной буржуазной теоретической экономике. Среди этих идей следует особо отметить три идеи, составляющие краеугольный камень экономической системы Кларка: а) принцип деления политической экономики на статику и динамику, б) принцип предельной производительности (согласно которому заработная плата определяется предельной производительностью труда, а процент — предельной производительностью капитала), в) учение о том, что ценность определяется социальной предельной полезностью. Из этих трех идей исходной является первая. «Распределение богатства» ставит своей задачей дать законченную характеристику экономической статики.

В основе деления экономической теории на статику и динамику лежит принцип равновесия. Статическая теория, по мнению Кларка, призвана изучить идеальные условия экономического равновесия, взятые изолированно, обособленно от динамического, живого процесса развития. Статическая теория исходит из того, что существует стационарное общество, в котором все экономические характеристики — и величина населения, и величина капитала, и технические методы производства, и формы организации промышленности, и потребности населения остаются совершенно неизменными. «Познавательную ценность» статики Кларк усматривает в том, что она дает абстрактный показ экономических сил и процессов, ведущих к равновесию. Эти силы, по мнению Кларка, господствуют и в условиях развивающегося общества.

Динамическая теория, по его мнению, призвана объяснить двоякого рода процессы: а) трение, по терминологии Кларка, выражающееся в диспропорциях между отдельными отраслями, в несоответствии спроса и предложения, рыночных цен и рыночных стоимостей и т. д. и б) переход от одного состояния равновесия к другому.

Вся эта теоретическая конструкция в своих общих методологических контурах достаточно нам знакома. В другом облачении, в других формах она выступает у наших механистов¹. Основные пороки этой конструкции: а) равновесие выступает как исходный пункт, а не как момент движения; б) процесс развития рассматривается как процесс перехода от одного уровня равновесия к другому; в) все изменения сведены к чисто количественным изменениям (Кларк говорит лишь об изменении величины населения, капитала и т. д., там, где он говорит об изменении форм промышленности, он преимущественно имеет в виду изменение степени концентрации, соотношения

¹ В своей справедливо раскритикованной старой работе («Субъективная школа») я в числе других ошибочных положений выдвинул совершенно ошибочное положение о «необходимости выделить статические и динамические элементы в каждой теории», в том числе у Маркса. Это положение вытекает из теории равновесия.

крупных и мелких предприятий и т. д.); г) условия пропорциональности в товарном обществе изучаются в отрыве от диспропорций, через которые эта пропорциональность осуществляется.

Критический анализ теории статики Кларка дает возможность выявить специфику его апологетики. Кларк является одним из наиболее ярких вульгарных апологетов свободной конкуренции. В этом отношении он продолжает ту линию апологетики, которая в американской литературе в середине XIX в. получила наиболее законченное выражение в работах Кери. Конкуренция предпринимателей в представлении Кларка выступает не как форма движения закона прибавочной стоимости, а как сила, уничтожающая этот закон, делающая невозможной эксплуатацию рабочего класса. Основная идея Кларка состоит в том, что если зарплата будет меньше стоимости, произведенной рабочим, то это вызовет усиленную конкуренцию предпринимателей, усиленный спрос на рабочую силу (на труд, по терминологии Кларка). Эта конкуренция будет продолжаться до тех пор, пока заработная плата придет в соответствие со стоимостью, произведенной рабочим. С этим положением гармонирует тезис Кларка о том, что в статическом обществе нет безработицы¹. «Статический», по Кларку, является синонимом «естественного», «нормального». Теория статики Кларка не только исходит из предпосылки наличия свободной, беспрепятственной конкуренции. Она ставит своей задачей показать, к чему приводит свободная конкуренция, если отвлечься от всяких усложняющих моментов. Безграничное господство свободной конкуренции при отсутствии всяких посторонних влияний приводит к «естественным» законам распределения. Рабочие получают предельный продукт своего труда, капиталисты — предельный продукт своего капитала (Кларк исходит из вульгарного представления, что капитал является источником новой стоимости). Предприниматель в этом статическом мире, по мнению Кларка, ничего не получает. Итак, свободная конкуренция обеспечивает наиболее справедливое распределение продукта между отдельными классами. Всякий получает то, что он производит.

Этот апологетический вывод вытекает из того, что Кларк в исходном пункте подменил капиталистическое производство каким-то вымышленным фантастическим производством. Кларк разорвал капиталистический класс на две половинки — на капиталистов в собственном смысле, владеющих средствами производства, и на предпринимателей, лишенных средств производства, но в то же время осуществляющих господство в капиталистическом производстве. Предприниматель, по мнению Кларка, выполняет функцию координирования, он устанавливает и поддерживает отношения между капиталом и трудом. Благодаря этому хитрому маневру класс капиталистов в собственном смысле оказался совершенно отстраненным от производства, господство капитала отрицается. Вместо капиталистов господствуют в производстве предприниматели, лишенные всякой экономической базы. Нет ничего удивительного в том, что конкуренция предпринимателей сводит на-нет их господство в производстве, делает бессмысленным их существование и обеспечивает рабочим возможность получения полностью продукта их труда.

Предпринимательская прибыль, по мнению Кларка, существует только в динамическом обществе, только в результате развития, только в форме сверхприбыли, получаемой предпринимателями, работающими в лучших условиях, на более передовых предприятиях. Но законы статики, органически связанные с принципом свободной конкуренции, господствуют, по учению Кларка, и в динамическом обществе. Эти законы приводят к установлению соответствия между статическими уровнями и доходами отдельных классов, к ликвидации предпринимательской прибыли. Отсюда для предпринимателей жизненной необходимостью является непрерывное развитие методов производства. Отсюда и сама предпринимательская прибыль выступает как своеобразная премия за технический прогресс. Предприниматели, по Кларку, только временно реализуют в свою пользу преимущества новых методов. Неумолимые законы статики приводят к тому, что эти преимущества становятся достоянием всего общества и в первую очередь — рабочего класса. На эту сторону дела Кларк неоднократно обращает внимание. «Прибыль... является ускользающей суммой, предприниматели ее схватывают, но не могут удержать. Эта сумма... проскальзывает со временем сквозь их пальцы и распределяется между всеми членами общества»². «Прибыль служит приманкой, обеспечивающей совершенствование, а усовершенствование является источником постоянных прибавок к заработной плате. Для обеспечения прогресса эта приманка должна быть достаточно велика, чтобы заставить людей преодолевать препятствия и рисковать. Разница между действительной оплатой труда и нормой, к которой она тяготеет в данный период, служит масштабом стимула, действующего на тех, от кого зависит прогресс»³.

¹ «Essentials of economic theory», стр. 452.

² «Распределение богатства», стр. 278.

³ Там же, стр. 281.

Как видим, Кларк не отрицает, что в динамическом обществе заработная плата может быть ниже, чем продукт труда. Но само это несоответствие действует на пользу рабочему классу, ибо оно является условием дальнейшего роста производительности труда и повышения заработной платы. Итак, все действует на пользу рабочему классу при условии, если статические законы имеют перевес, — таков основной теоретический вывод Кларка. Грубый апологетический смысл его совершенно очевиден.

Теоретические взгляды Кларка сформировались в 80-х и 90-х годах, когда в США существовали уже мощные монополии. Его основная работа «Распределение богатства» вышла в 1899 г., т. е. уже в период империализма. Его другая крупная работа, посвященная экономической динамике, «Essentials of economic theory» вышла в 1907 г. Естественно, что Кларк не мог совершенно обойти вопросы, связанные с монополиями. Как же относился к монополиям этот горячий защитник свободной конкуренции? В работах Кларка мы находим, с одной стороны, яростные филиппики против монополий. Конкуренцию Кларк характеризует как «универсальную пружину прогресса»¹. Все, что нарушает конкуренцию, является враждебным прогрессу. Монополия является «наиболее мощным среди тех факторов, которые не только сопротивляются, но положительно сводят на нет действие естественного экономического закона. Монополия приостанавливает прогресс в производстве и вносит в распределение элементы грабежа. Она переворачивает (perverts) силы, которые обеспечивают каждому индивиду то, что он производит. Она делает ненормальными цены и заработную плату и искажает форму индустриального механизма»². Государство, борющееся с монополиями, Кларк сравнивает с сторожевым патрулем, который идет по улице, чтобы охранять порядок и арестовывать взломщиков³. Социализм не потеряет своего влияния, по Кларку, до тех пор, пока он будет рассматриваться как единственное средство избежать господства частных монополий⁴.

Было бы неверно однако сказать, что Кларк является борцом, хотя бы и мелкобуржуазным, против крупных монополий, получивших господство в экономике США уже к моменту выхода в свет его «Распределения богатства». Кларк дает чисто внешнюю критику, он пытается на деле защитить монополии своим учением о потенциальной конкуренции. Возможны случаи, утверждает он, когда монополия существует только по форме, но не фактически, когда монополия существует, не имея соответствующей силы. Это имеет место в тех случаях, когда монополия под угрозой вызвать новую конкуренцию воздерживается от повышения цен и т. п. Задача государства, по мнению Кларка, состоит в том, чтобы обеспечить возможность развития конкуренции — государство должно строить свои железные дороги, шахты и т. д., для того чтобы сделать невозможным господство отдельных частных монополий.

Кларк проявляет решительность только тогда, когда он обрушивается на экономические организации рабочего класса. Для Кларка профсоюзы представляют форму монополии. Кларк в «Essentials» очень детально обсуждает вопрос о праве бастующих бороться с штрейкбрехерами, усматривая в этом монополистическое насилие бастующих и угрозу свободе труда⁵.

Империализм вызвал резкое обострение всех противоречий капитализма. Эти противоречия достигают наибольшей остроты, наибольшего накала в период общего кризиса, особенно в фазе последнего экономического кризиса и депрессии особого рода. Отсюда большая растерянность среди буржуазных теоретиков, отсюда большой разброд теоретической мысли, отсюда кризис старой вульгарно-либеральной школы, одним из наиболее ярких представителей которой был Кларк. Старые формы апологетики оказываются несостоятельными перед лицом тех ужасающих бедствий, в которые ввергнут капиталистический мир. Игнорировать эти бедствия, отрицать их начисто, рисовать идиллические картины всеобщего благоденствия и классовую идиллию теперь нельзя. Это слишком малоубедительно. А апологетика, если она желает иметь какой-либо успех, не может равнодушно проходить мимо этого. Отсюда судорожные попытки современной буржуазной политической экономии нащупать более действенные, более созвучные нашей эпохе формы апологетики. Буржуазная экономическая мысль мечется между разными направлениями. В США получает все большее влияние школа институционалистов, идейным отцом которой является Веблен. Представители этой школы дали развернутую критику старых теорий (в том числе Кларка), но очень мало разработали новую теорию. Программным трудом новых экономистов является сборник «The trend of economics», изданный Tugwell в 1924 г. Во вводной статье Митчелля довольно отчетливо сформулированы причины недовольства старой либеральной школой. «В XIX в. можно было допустить вместе с Рикардо, что экономическая организация достигла перманентной формы»⁶. Война, указывает Митчелль, вызвала огром-

¹ «Essentials of economic theory», стр. 374.

² Ibid., стр. 375.

³ Ibid., стр. 385.

⁴ Ibid., стр. 395.

⁵ Ibid., стр. 459.

⁶ «The trend of economics», S. 25.

ные потрясения. «Мы не можем выпустить из поля зрения большие изменения, происшедшие в Европе, — падение династий в центральных государствах, советскую революцию... Находясь среди всяких неожиданностей, мы не можем удовлетвориться экономической теорией «статического состояния» за исключением тех случаев, когда мы хотим убежать от суровой действительности в мир романтики. Подрастающее поколение будет считать научными только тех теоретиков, которые сделают своим основным предметом изучение изменения институтов»¹.

Апологетика современной буржуазной политической экономии изобретает новые «концепции». Она выражается в такой «критике» капитализма, которая, маскируя основные противоречия последнего, взваливает ответственность за бедствия капитализма на чрезмерно быстрый рост техники, на несовершенство механизма обращения, на «господство сурового капитала» и т. д. Она выражается в поисках разных утопических путей ликвидации экономического кризиса, для того чтобы отвлечь внимание трудящихся от их основных революционных задач. Сейчас апологетика капитализма не может выступать в такой обнаженной форме, как у Кларка. Она вынуждена напрягаться в костюм демагогии и в частности фашистской критики капитализма, для того чтобы отстоять основные устои последнего.

Кларк в значительной мере представляет «вчера» американской буржуазной теоретической мысли. Правда, в школьных учебниках политэкономии, в официальных курсах еще широко проповедуются идеи Кларка. Но недовольство старыми формами апологетики все более усиливается среди молодых буржуазных экономистов США. Новое время требует новых песен, новых методов апологетики.

Отсюда конечно не следует, что Кларк не заслуживает изучения и критики в настоящее время. Кларк для нас представляет интерес как один из наиболее ярких представителей закончившегося (или точнее заканчивающегося) этапа буржуазной экономической мысли периода перехода к империализму. Критическое изучение Кларка дает материал для понимания современных, в частности фашистских тенденций буржуазной политической экономии.

* * *

К изданию переводных работ буржуазных теоретиков мы должны предъявлять строгие требования. Эти издания должны быть снабжены серьезными вступительными статьями, дающими всестороннюю критику данного автора, освещение его места в буржуазной политической экономии под углом зрения современного состояния капитализма. Что же касается предисловия В. Серебрякова («Под знаменем апологии капитализма»), то оно не вполне отвечает этим требованиям. Переводу Кларка следовало бы предпослать более солидное и обстоятельное предисловие. Критика отдельных положений Кларка дается слишком бегло. Часто критика носит формально логический характер, не всегда с достаточной отчетливостью вскрывается классовая значимость отдельных положений Кларка.

Очень серьезным дефектом предисловия является то, что оно не делает совершенно попытки показать Кларка в свете общего кризиса капитализма и последнего экономического кризиса. У читателя может получиться совершенно неверное представление, что Кларк является властителем дум экономистов современной Америки, что далеко не соответствует действительности. Серебряков избежал постановки вопроса о значимости Кларка для современного периода, потому что он ограничился кратким разбором лишь настоящей книги «Распределение богатства». Между тем предисловие должно дать всестороннее освещение данного автора на основании всех его работ. В частности в предисловии следовало бы выпятить связь отдельных положений «Распределения богатства» с теми практическими выводами, которые Кларк делает в другой своей крупной работе «Essentials of economic theory». Это позволило бы отчетливее выявить классовый характер и апологетическую целесообразность теории статистики Кларка. Благодаря тому, что В. Серебряков не сделал попытки синтетического рассмотрения всех основных теоретических работ Кларка, оказался обойденным такой кардинальный вопрос, как вопрос об отношении Кларка к монополии и конкуренции. А без освещения этого вопроса нельзя понять отношения современных американских экономистов к Кларку.

Далее в предисловии следовало бы отметить, какие элементы в теории Кларка получили признание среди буржуазных экономистов. У читателя предисловия может получиться представление, что все положения, защищаемые в данной работе «Распределение богатства», получили широкое признание в Америке, что эта книга является своеобразным теоретическим евангелием для американских экономистов. Это неверно. Не все положения настоящей работы получили признание среди американских экономистов (даже в первые годы издания этой работы). Наибольшее распространение получили принципы статистики и динамики и принцип предельной производительности (как основы определения процента и заработной платы). Значительно

¹ «The trend of economics» S. 27.

меньшее распространение получила теория ценности Кларка (в частности его учение о социальной предельной полезности и так называемый закон Кларка). Что же касается его учения о капитале и своеобразной трактовки закона убывающей производительности (в тесной связи с учением о капитале), то в этой форме оно не было поддержано почти ни одним экономистом. Следовало бы в предисловии оттенить значимость отдельных элементов теоретической системы Кларка для развития буржуазной политической экономии. Читателю важно знать, что характерно только для Кларка и что характерно для большой группы буржуазных экономистов, группирующейся вокруг Кларка.

Наконец мы должны отметить свое несогласие с определением той школы, к которой В. Серебряков относит Кларка. Серебряков причисляет Кларка к англо-американской школе. Этот термин «англо-американская школа» получил широкое распространение в нашей литературе (в частности он употребляется в нашей работе «Субъективная школа»). Однако он является очень расплывчатым термином. Под англо-американской школой понимается очень широкая и пестрая совокупность английских и американских экономистов без достаточно четкого и определенного критерия, который характеризовал бы основное теоретическое содержание работ этой школы. Тот критерий, который выдвигает Серебряков, является совершенно недостаточным. «Специфика этой школы, — пишет он, — в том прежде всего и состоит, что в отличие от разных направлений буржуазной экономики, клавших в основу различные теоретические принципы, англо-американское направление представляет собой попытку построить с истинно вульгарную экономию (подчеркнуто автором). Система Кларка есть попытка использовать, органически переработав, все средства и аргументы, которые привлекала вульгарная экономия для апологии капиталистического строя»¹. Это определение является формальным. Дело в том, что любая вульгарная теория представляет синтез разных вульгарных теорий, прежде возникших. Различие между отдельными теориями состоит в различии форм синтеза разных вариантов вульгарной экономики. Поэтому характеристика буржуазной школы может быть дана не по национальному признаку, не по признаку большего или меньшего использования старых теорий, а по основным теоретическим установкам, по основным линиям методологии, по основным формам апологетики капитализма. Мы не претендуем в настоящей рецензии разрешить данную проблему, нуждающуюся в серьезной проработке. Мы хотели лишь отметить неудовлетворительность обычных решений ее. Перевод Кларка сделан удовлетворительно.

¹ «Распределение богатства», стр. 14.

Журнал „Der Kampf“ в 1935 г.

Современные теоретические взгляды вождей австромарксизма отличаются особенной путаницей и непоследовательностью. Вынужденные под давлением масс отказаться (хотя и частично и непоследовательно, в значительной степени лишь на словах) от обанкротившейся старой предательской системы взглядов, они однако не захотели последовательно перейти и на революционные позиции.

Свойственные им характерные черты полностью отражает теоретический орган Отто Бауэра — журнал «Der Kampf». Этот журнал выходит теперь в Чехословакии в двух изданиях: одно — для Австрии, другое — для немецкой социал-демократии Чехословакии. Важнейшие статьи, особенно международного характера, помещаются одновременно в обоих изданиях. Бауэр и его единомышленники однако не допускают к освещению «внутричехословацких проблем». Здесь господствуют весьма правые лидеры немецко-чешской социал-демократии. В остальных областях «левый» Бауэр прекрасно уживается со своими правыми чешскими коллегами. Что касается австрийского издания, то здесь Бауэр распоряжается полностью.

Мы рассмотрим шесть номеров журнала «Der Kampf» за 1935 г. — преимущественно статьи экономического характера. Интерес представляют здесь в особенности писания самого Бауэра, ответственного редактора австрийского и основного сотрудника чешского изданий. Каждый почти номер «Der Kampf» «украшается» статьей Отто Бауэра на очередную тему и написанным им же под псевдонимом О. Б. обзором хозяйственно-политической жизни Советского союза.

Рассуждая в новогоднем номере о перспективах мирового капитализма, Отто Бауэр находит сильные и даже «почти» революционные слова. Он издевается над идеологами буржуазии, радуясь «выходу из кризиса». Рассматривая под разными углами зрения экономику и политику современного капитализма, Отто Бауэр приходит к выводу, что идеологи последнего не имеют никаких оснований праздновать победу, несмотря на успехи, одержанные фашизмом в борьбе против рабочего класса Германии, Австрии и других стран. «Капитализм имеет выбор, — заключает Бауэр, — он может в ближайшем будущем вызвать войну, тогда он придет в ходе войны к социальной революции. Он может из страха перед социальной революцией удерживать мир, тогда он уже в ходе ближайшего десятилетия будет иметь против себя двухсот-миллионное социалистическое общество в процессе становления (? — А. Р.). Пример последнего даст идее социализма во всем мире такую взрывчатую силу (Explosivkraft), что она разорвет все капиталистические пути»¹.

Желая подчеркнуть особую глубину и остроту современного кризиса, Бауэр рассуждает об особенностях капиталистического цикла на данном этапе развития.

«С 1815 г., — пишет он, — до открытия великих калифорнийских и австралийских золотых копей в 1847 г. кризисы были особо тяжелы, а депрессии особо длительны. Они прерывались краткими периодами подъема. С 1849 г. по 1873 г. дело обстояло уже иначе: поскольку войны не нарушали нормального хода цикла, это было время относительно легких кризисов и депрессий, относительно длительных фаз подъема. Со времени великого краха 1873 г. до середины 90-х годов наступает опять период длительных и тяжелых депрессий, когда краткие подъемы были лишь исключениями. Только в период между 1895 и 1914 гг. дело обстояло опять по-иному: лишь короткие кризисы прерывали длительный период блестящего подъема. Как же ныне?»

Конечно законы циклического развития капитализма действуют и сейчас. Но цикл может теперь протекать лишь на существенно более низком уровне, чем в период между 1895 и 1914 гг. Глубокие депрессии могут прерываться периодами оживления, но это будут лишь короткие перерывы. И даже в эти короткие периоды оживления громадная часть производственного аппарата остается неиспользованной, миллионы рабочих остаются безработными, острый кризис может быть смягчен. Для того же чтобы говорить о преодолении длительной стагнации капитализма, нет никаких оснований»².

¹ «Der Kampf» № 1, 1935 г., стр. 8.

² Там же, стр. 3.

Вся эта «сравнительная» характеристика современного кризиса, несмотря на ее внешнюю «левизну», имеет весьма мало общего с действительностью. Самое главное заключается в том, что Бауэр в своей исторической характеристике кризисов упустил превращение капитализма в монополистический капитализм. Без правильного представления об империализме и общем кризисе капитализма история кризисов лишается единственно возможного стержня. С бауэровских позиций, вполне можно себе представить возвращение капитализма к новому периоду «блестящего процветания», хотя для сегодняшнего дня он и говорит даже о стагнации. Вся его схема сильно смахивает на пресловутые «большие циклы» буржуазных экономистов. И в прошлых работах Бауэра довольно ярко отразилось тяготение к этой идее «больших циклов».

С теорией империализма связан также другой вопрос — о социальной природе фашизма. Именно Бауэром пущено в свое время много ходячих фраз о «мелкобуржуазной», «люмпенпролетарской», «феодалной» и т. д. природе фашизма. В статьях 1935 г. он не раз правильно указывает на то, что фашизм является орудием в руках руководящих клик крупного капитала, однако это не мешает Бауэру повторять и теперь старую оппортунистическую путаницу.

«Верхушкой (Die Krönung) системы капиталистического господства, — пишет он например, — является финансовый капитал. Имеются три европейских страны, в которых финансовый капитал крахнул (Zusammengebrochen ist) в ходе кризиса, три европейских страны, в которых крупные банки обанкротились и перешли в руки государства. Эти три страны — страны фашизма»¹.

В другой статье, характеризуя современное положение в Австрии, Бауэр пишет: «Крупные банки уже не командуют государством с этого времени, а государство овладело банками»².

«Они (банки. — А. Р.) стали из хозяев государства его инструментами»³.

Как и все социал-демократические теоретики, Отто Бауэр отождествляет финансовый и банковский капитал. Перекачка через госбюджет народных средств в карманы магнатов финансового капитала — знаменитая «санация» банков — выступает у многих из них как «гибель» финансового капитала. А если вспомнить, что в 1931 г., в период краха австрийского (Kreditanstalt) и других крупных банков, Бауэр уже возвестил конец эры финансового капитала и наступление новой эпохи прогрессивного и переходного к социализму государственного капитализма, то такие оппортунистические фразы звучат как славословие фашистскому «социализму».

Бауэр стоит за всяческую охрану мира против покушений со стороны германского фашизма. Но и в этих вопросах международная политика царит у него величайшая путаница. Чего стоит например такое заявление в статье, написанной по поводу введения всеобщей воинской повинности в Германии? «Большой, гордый, вооруженный народ, — говорит Бауэр о немцах, — не мог перенести положения, когда он оставался невооруженным среди стран, вооруженных до зубов, беспомощным против нападения»⁴. Ведь в сущности примерно так мотивирует свое вооружение и сам Гитлер.

Касаясь франко-советского пакта о взаимной помощи, Бауэр пишет: «Тем самым возвращаются к старым военным союзам. Не имеет особого значения тот факт, что эти союзы заключаются в форме договоров о взаимной помощи»⁵. Надо ли доказывать, что такое изображение франко-советского договора о взаимной помощи, договора, к которому может присоединиться любая страна, только помогает гитлеровской военной пропаганде. Тем более, что рядом со статьей Бауэра в том же номере «Der Kampf» проходит для себя трибуну злостный враг Советского союза меньшевик Биншток⁶, измышляющий на пользу международному империализму какие-то несуществующие советско-японские договоры о разделе сфер влияния в Китае.

Всего рельефнее характерные для Бауэра шатания проявляются в его теории «двух путей к социализму». Тезис о возможности революционного и демократического путей к социализму был одним из краеугольных камней старого австромарксизма. Прикрываясь разговорами о революции, Бауэр и иже с ним долгие годы осуществляли свой «демократический путь», срывая революционную борьбу пролетариата и расчищая дорогу фашизму. После февраля эта теория двух путей приняла новую форму. Теперь Бауэр готов признать, что в СССР и в странах, где победил фашизм, остался только один революционный путь. Зато в странах, где еще господствует демократия, вполне пригодны, по его мнению, старые методы австромарксизма или даже английского лейборизма.

¹ «Der Kampf» № 1, 1935 г., стр. 4.

² Там же, № 2, стр. 56.

³ Там же.

⁴ Там же, № 4, стр. 146.

⁵ Там же, стр. 148.

⁶ Там же, статья «Борьба за Великий океан».

Так например Бауэр всячески отстаивает «антикризисные» проекты французских и бельгийских социалистов, всячески рекламирует «успехи» шведского социалистического правительства в борьбе с кризисами. «Если социализм хочет привести в движение отчаявшиеся вследствие безработицы и снижения заработной платы рабочие массы, — пишет он, — то он должен им дать достижимую, понятную каждому, народную боевую цель, достижение которой означало бы ликвидацию кризиса, преодоление безработицы»¹.

Восхваляя план бельгийского социалиста де-Мана, Бауэр продолжает: «...огосударствление кредита монополизированных отраслей индустрии и транспорта при сохранении частной собственности на средства производства в остальных отраслях народного хозяйства; планомерное использование государственной власти над кредитами и монополизированными отраслями для преодоления хозяйственного кризиса, демократическое приспособление государственного правления к новым хозяйственным функциям государства — вот основные требования «плана»².

И эта реформистская программа «национализации» средств производства и планирования в рамках капитализма преподносится после постыдного провала социал-демократической политики «социализации» в 1918—1919 гг., социал-демократических проектов планирования и «выхода из кризиса» в 1931—1932 гг. (в том числе и проектов самого Бауэра), после провала реакционных антирабочих, буржуазных систем «планирования» в США, Германии и других странах. Ведь в том же «*Der Kampf*» ряд авторов, в том числе и сам Бауэр, вынуждены были еще до уничтожения пресловутой НРА, признать, что «плановый» эксперимент Рузвельта не удался³.

Демократическое «приспособление» государственного аппарата проповедуется теперь, когда, казалось бы, и слепому может стать очевидным поворот буржуазии к фашизму.

Эта программа наконец преподносится рабочим массам после того, как единственно реальной и победоносной оказалась большевистская программа национализации средств производства и планирования на основе диктатуры пролетариата.

В 1935 г. Бауэр не раз возвращается к вопросу об ответственности за февральское поражение.

Он старается смазать ответственность социал-демократии за это поражение, рассуждая в духе знаменитого австромарксистского фатализма: виноваты, мол, производительные силы. «Маркс и Энгельс учили нас, — заявляет он, — тому, что с изменением экономического базиса меняется и вся политическая, правовая, идеологическая надстройка»⁴.

«Судьба экономического базиса нашей жизни определялась распадом старой австро-венгерской монархии»⁵. Дальше все идет, как по маслу: в результате распада получилась, мол, хозяйственно-беспомощная Австрия; нуждаясь в помощи победивших союзных держав, бедная Австрия не могла себе позволить пролетарскую революцию, приходилось «удерживать» революцию в буржуазно-демократических рамках. После 1922 г. началось свертывание австрийской индустрии, продолжает свое рассуждение Бауэр. Росла безработица. «Там, где как величайшее счастье рассматривается возможность быть эксплуатируемым, там больше не способны к борьбе с эксплуататорами»⁷.

Создалось противоречие между завоеваниями, сделанными австрийскими рабочими в 1918 г., и их нынешним удельным весом в экономике и политике. Это противоречие разрешил фашизм.

Так «удачно» пытается Бауэр свалить свою ответственность на «объективные условия».

В настоящее время Бауэр, как известно, говоря о революционной борьбе с фашизмом, отвергает политику соглашения с последним. Однако его характеристика австро-фашизма и сейчас оппортунистична. Он и сейчас оставляет лазейки для примирения с теми или иными направлениями фашизма.

¹ «*Der Kampf*» № 5, 1935 г., стр. 221.

² Там же.

³ «Хозяйственный обзор». «Из обзора американских профсоюзов о результате рузвельтовского эксперимента, — пишет Бауэр — видно, что в 1934 г. никаких успехов в отношении предоставления работы, реальной заработной платы и рабочего времени рузвельтовский эксперимент не дал» («*Der Kampf*» № 5, стр. 237).

⁴ Там же, № 2, стр. 54.

⁵ Там же.

⁷ Там же, стр. 56. Это положение имеет выходящее за пределы Австрии значение. Повидимому Бауэр и сейчас стоит на высказанной им в 1932 г. точке зрения о том, что в период сильной безработицы классовая борьба пролетариата вообще невозможна. Опыт рабочего движения в 1932—1933 гг. доказал всю неправильность и реакционность этой точки зрения, сбосновывавшей социал-фашистскую пассивность.

Хозяйственный кризис в Австрии, утверждает Бауэр, чрезвычайно ослабил как пролетариат, так и буржуазию. Поэтому при фашизме в Австрии «государство снова стало тем, чем в давно прошедшие времена оно было повсюду: инструментом господства знати и церкви»¹. В другом месте Бауэр определенно указывает на разочарование буржуазии, не получившей в сущности от фашистской диктатуры ничего хорошего.

Связь австрофашизма с финансовым капиталом как австрийским (ибо он конечно вовсе «не исчез», как изображает это дело Бауэр), так и с мировым здесь совершенно смазана. Будь австрофашизм только феодальной «исторической аномалией», как утверждает Бауэр, пролетариату было бы с ним очень легко справиться.

Эта же двойственность характеризует наконец и отношение Бауэра к СССР. С одной стороны, как мы уже указывали, он всячески восхваляет успехи нашего социалистического строительства. Излагая в ряде номеров «Der Kampf» итоги хозяйственного года и план на 1935 год, итоги VII съезда советов и Съезда колхозников-ударников, Бауэр делает это в ряде случаев «почти» объективно. Но свое изложение хозяйственного развития СССР он сопровождает целым букетом контрреволюционных идей. Бауэр продолжает повторять старую буржуазную клевету о «вопиюще низком уровне материальной жизни в СССР» (хотя он и признает, что этот уровень систематически растет), о «борьбе между городом и деревней за урожай» и т. д. Он выступает на защиту меньшевистской и троцкистской контрреволюции. Целое море слез пролил «сердобольный» Бауэр по поводу участи белогвардейских заговорщиков из контрреволюционной зиновьевской группы. Наконец под видом «дружественных» советов Бауэр преподносит СССР целый ряд контрреволюционных рецептов, изготовленных меньшевиками и троцкистами («допустить» контрреволюционные партии, начать «отмирание государства» и т. д.).

Рядом со статьями Бауэра красуется произведение одного из столпов русского меньшевизма — Дана. В «Der Kampf» Дан поместил свою оценку «внутриполитического развития Советского союза». Из этой «оценки» явствует, что произошло весьма важное событие, которому мы и спешим придать гласность: господин Дан признал достижения советских пятилеток.

«Неоспоримым является, — по его утверждениям, — следующее: историческое действительное достижение периода генеральной линии (так на языке меньшевистских горе-теоретиков называется период первой и второй пятилеток. — А. Р.) состоит в создании огромного технического производственного «потенциала», который уже теперь изменил хозяйственное лицо страны коренным образом и изменит его еще больше, когда изменившиеся социально-политические отношения позволят эту громадную потенциальную производственную энергию превратить в кинетическую, полностью использовать вновь созданный производственный аппарат в промышленности и сельском хозяйстве»².

Итак социалистическая индустрия, по Дану, — только «потенциал». Вот явится господин Дан верхом на «новых социально-политических условиях», и тогда этот «потенциал» будет использован. Надо ли напоминать, что каждая наша очередная задача всегда выглядела у меньшевиков как «непреодолимое затруднение» (война с контрреволюцией, восстановление народного хозяйства, реконструкция народного хозяйства и т. д.)?

Второе откровение господина Дана заключается в том, что мы переживаем теперь в СССР... «возвращение к нэпу» или, — если расшифровать меньшевистскую фразеологию, — к первому этапу нэпа. «В основном, — пишет он, — генеральная линия в конце ее развития имеет дело все больше с хозяйственными задачами, похожими на те, перед которыми стоял нэп»³. И в самом деле, рассуждает Дан, тогда говорили об использовании имеющихся в наличии средств производства, о важности задачи развертывания советской торговли и т. д., и теперь стоят «те же задачи». Нужды нет, что теперь идет речь в сущности о совершенно иных, в корне отличных вопросах. Ведь в глазах меньшевиков всякое наступление на классового врага представляется «возвратом к военному коммунизму», всякое дальнейшее развертывание торговли (например теперь советская торговля без частников и спекулянтов) — «восстановлением нэпа» и т. д.

Однако в начале нэпа существовало еще кулачество как класс, существовала городская буржуазия — нэпманы. Этот факт ничуть не останавливает «марксиста» Дана. Наоборот, тут-то и начинается совершенно фантастическая феерия, — оказывается, что место нэпмана и кулака в качестве «стремящегося к господству» антипролетарского класса занимают теперь или «начинают занимать»... ударники и знатные люди про-

¹ «Der Kampf» № 2, стр. 60.

² Там же, № 5, стр. 226.

³ Там же, стр. 226.

мышленности и сельского хозяйства. Эти люди, вышедшие из «плебейских низов», скорбит Дан, начинают проявлять мелкобуржуазные тенденции. В их руки в дальнейшем могут каким-то, одному Дану известным, способом попасть даже... средства производства.

С их стороны можно ожидать теперь «термидорианской» опасности (эту идейку, как впрочем и всю мудрость о передовых людях Советского союза как классе, Дан одолжил у «соседа» по контрреволюции — предателя Троцкого). «Так мы переживаем, — пишет Дан, — восстановление психологии, идеологии хозяйственных основ, политических проблем и политических опасностей периода нэпа».

Можно ли серьезно обсуждать это новейшее произведение меньшевистской мысли? Ничего кроме презрительного смеха оно вызвать не может. Ведь всему миру известно, что каждый честный рабочий, колхозник, самоотверженно работающий на своем участке строительства, является ударником и может стать «знатным человеком» своего цеха, завода, района, области и страны. Ведь уже сейчас более 75% рабочих являются ударниками.

Совершенно изумительную картину являет собой насквозь продажный лакей буржуазии Дан, обличающий советских ударников в «мелкобуржуазности». Единственный «серьезный» довод в пользу сходства нашего «знатного человека» с покойными кулаком и нэпманом заключается у Дана в том, что ныне, в «период знатных людей», так же как и на первом этапе нэпа, замечается «увлечение тапсами».

Установив, что «высшим» классом являются или становятся ударники и знатные люди, Дан приходит к глубокомысленному выводу, что этот новый господствующий класс является гораздо более «плебейским» по своему составу, чем нэпманы и кулаки, известное количество которых происходило, мол, из дореволюционных привилегированных классов.

Наша нынешняя эпоха есть, по Дану, поэтому «период завершения победы революционных плебейских классов над дореволюционными привилегированными классами в борьбе за использование плодов революции»¹.

Оказывается, что еще и теперь, когда в СССР уже построен фундамент социалистической экономики и «Россия нэповская стала Россией социалистической» меньшевики пытаются уложить нашу революцию в «классические рамки» буржуазных революций XIX в. Это было глубоко неверно уже в отношении революции 1905 г.

Это просто смехотворно теперь.

В общем хоре нервных и раздраженных голосов, характерных для современного «Der Kampf», в котором пишут люди, политические дела которых обстоят в общем далеко не блестяще, вдруг раздается необычайно спокойный и «сытый» басок английского реформиста Коля (известный в прошлом теоретик так называемого гильдейского «социализма»). Этот типичный представитель традиционного английского реформизма не видит вообще никаких оснований для всяких шатаний и судорожных поисков новых программ. Он согласен с тем, что английская лейбор-партия в сущности имеет мало общего с социализмом. «Правильно даже, — пишет Коль, — что разница между политикой лейбор-партии и политикой консерваторов скорее количественного, чем качественного порядка»².

Но над Кодем не каплет. Вопрос о «введении» социализма для него вовсе не так актуален. «Если однако, — продолжает Коль, — в Великобритании, Скандинавии, а вероятно и во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Чехословакии и северных странах, не говоря уже о британских доминионах, капитализм может с помощью государства существовать и дальше, без необходимости прибегнуть к фашистским методам подавления своих врагов, то социализм в прямом и действительном значении этого слова победит в этих странах еще не скоро»³.

А так как фашистские страны будут жить в таком либеральном окружении, то и они вынуждены будут «с течением времени» снова «стать открыто капиталистическими» (?! — А. Р.) и даже немного либеральными⁴. Словом, остается еще немного подождать, и мир снова вернется, по Колю, к более respectable формам классовой борьбы.

Вполне в духе германских социал-демократов Коль пишет: «Вероятнее всего, что в фашистских странах соотношение сил будет изменяться постепенно и оно будет вести к развитию новых сил, под господством которых социализм сможет снова подниматься различными путями, соответствующими различными хозяйственными структурами страны»⁵.

¹ «Der Kampf», стр. 220.

² Там же, № 4, стр. 109.

³ Там же, стр. 110.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 109.

Мистер Коля наконец открыл также причины того прискорбного факта, что некоторые страны прибегают в своей политике к пагубным методам насилия. «Там, где в период кризиса отсутствуют опытные вожди (у буржуазии. — А. Р.), там, — поясняет он, — или имеет свои наибольшие успехи социализм или капитализм обращается к фашистскому насилию, чтобы пресечь последствия своих собственных ошибок»¹.

Что касается английской, а также и американской буржуазии, то их руководством мистер Коля вполне доволен. Повидимому одобрения с его стороны удостоится и ренегат Макдональд, который ведь потому-то и взял на себя образование правительства, чтобы помочь буржуазии по части «хороших вождей».

Полемизировать с «изречениями» мистера Коля нет никакой необходимости.

Достаточно просто сказать, что они не соответствуют печальной капиталистической действительности.

Замечательно однако, что бауэровский «Der Kampf» характеризует Коля как одного из «лучших и наиболее передовых социалистов Англии». Приходится констатировать, что и на сей день Отто Бауэр находится еще в идейном родстве и тесной связи с людьми типа Дана и Коля. Вступившие на путь революционной борьбы австрийские пролетарии сделают из этого надлежащий вывод.

¹ «Der Kampf», стр. 111.

«Collectivist Economic Planning». Edited by F. A. von Hayek. London. 1935. 293 p.

Проблема «планирования» занимает умы буржуазных экономистов на всем протяжении мирового экономического кризиса. Ее основной смысл сводится к тому, нельзя ли, мол, так «планировать» капиталистическое хозяйство, чтобы, с одной стороны, предотвращать кризисы со всеми вытекающими из них «неприятностями» в виде убытков, разорения, банкротств, безработицы и нарастающей угрозы пролетарской революции, а с другой стороны, сохранить частную собственность на средства производства. Над этой квадратурой круга бьются буржуазные мудрецы США, Франции, Англии и других стран. Однако переход к депрессии особого рода и связанные с этим в кругах буржуазии надежды на выход из кризиса («самотеком»), без «планирования», на основе действия стихийных экономических сил оживили противников планирования. На столбцах американской печати ведется широкая кампания против вмешательства государства в «деловую жизнь», против всякого «планирования», в том числе и в особенности против NRA. Как известно, эта кампания в значительной степени подготовила ликвидацию рузвельтовской «администрации по восстановлению» (NRA). Во Франции против «планирования» мобилизовалась вся старая гвардия французских манчестерцев во главе с Трюши, Ш. Ристом, Ансио и др.

Рецензируемый нами сборник, составленный бывшим директором венского конъюнктурного института, ныне перекочевавшим в Англию и читающим лекции в лондонской «Школе экономических и социальных наук» профессором Ф. А. фон Гайеком, ставит себе целью дать в руки тем кругам английской буржуазии, которые выступают в защиту экономического либерализма, «научные» аргументы против планирования.

Вместе с тем составитель сборника ставил себе и гораздо более широкую задачу — доказать не только невозможность планирования капиталистического хозяйства, но и невозможность планирования вообще, а следовательно невозможность социализма. С этой целью Ф. Гайек вытащил из груды старого буржуазного экономического хлама статью голландского экономиста Н. Г. Пирсона (N. G. Pierson), напечатанную еще в 1902 г. в голландском журнале «De Economist». Статья эта озаглавлена «Проблема стоимости в социалистическом обществе». В ней автор, один из наиболее плоских представителей вульгарной экономии, ставит такие «глубокомысленные» вопросы: Как будет обстоять дело при социализме с колониями европейских держав, с постройкой там железных дорог, с эксплуатацией там промышленных предприятий, плантации и т. д.? Каким образом будут туда направляться капиталы? «Теперь, — говорит он, — эти движения контролируются автоматически: чрезмерный вывоз капитала из Европы заставляет учетную ставку подниматься и тем самым сокращает этот поток. Обязанностью социалистического государства будет найти такой критерий, который создаст в этом отношении достаточное руководство» (стр. 61). Такой же «остроумный» вопрос задает Пирсон и в отношении внешней торговли: как смогут две нации торговать прибыльно друг с другом, если они не будут насчитывать проценты на свой капитал? Все эти рассуждения Пирсона основываются на том, что он считает голландских ростовщиков и купцов, эксплуатирующих население Индонезии, единственным фундаментом мира и не может себе представить, как социализм сможет обойтись без этих достойных представителей человеческого рода. «Аргументы» Пирсона составитель сборника Ф. Гайек считает настолько убедительными, что извлекает их на свет через 33 года после их появления в расчете, что может быть это старинное средство поможет против социализма.

Почти такой же «исторической» давностью веет и от помещенной в сборнике статьи известного австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса «Экономическая калькуляция в социалистическом обществе». Написанная в 1920 г., вскоре после революции 1918 г. в Германии и Австрии, под живым впечатлением Венгерской и Баварской советских республик, написанная притом ярым врагом рабочего класса, статья Мизеса дышит безграничной злобой ко всему, имеющему даже отдаленное отношение к социализму. Мизес ставит себе целью доказать, что социализм неосуществим, потому что при нем невозможна правильная «экономическая калькуляция» стоимости. «Каждый шаг, — заявляет Мизес, — который удаляет нас от частной собственности на средства производства и от употребления денег, удаляет нас также и от рационального хозяйства» (стр. 104). «Без экономической калькуляции не может быть никакого хозяйства.

Следовательно в социалистическом государстве, где проведение экономической калькуляции невозможно, не может быть — в нашем понимании этого термина — никакого хозяйства. В мелких и второстепенных вещах рациональное поведение пожалуй еще возможно, но в общем говорить о рациональном производстве уже нельзя» (стр. 105).

На ту же тему о «невозможности правильной калькуляции в социалистическом обществе» написана специально для настоящего сборника статья профессора Вюрцбургского университета Георга Гальма (Georg Halm), одного из представителей фашизированной германской политэкономии.

Основным требованием, которое Георг Гальм предъявляет ко всякому хозяйству является «свобода выбора у потребителя». Избрав такой критерий, Гальм применяет его прежде всего к «коммунизму». По его просвещенному мнению, коммунизм заключается в том, что «индивиду получают известные количества предметов потребления, предоставляемых им, и должны выполнять известные виды труда, требуемые от них». В таком изображении коммунистическое хозяйство конечно не удовлетворяет Гальмат «Свобода выбора у потребителя, — говорит он, — в том виде, в каком она известна в капиталистическом хозяйстве, а именно право в пределах данного денежного дохода на любую часть социального продукта, в соответствии с его денежной ценой, не может быть совместима с коммунистическим методом производства» (стр. 134).

Картина прелестей «свободного выбора», существующего, по словам проф. Гальма, у потребителя в капиталистическом обществе, страдает одним существенным пробелом: ученый проф. Гальм не изволил указать, о каком именно потребителе идет речь. А между тем, если говорить не о формальной свободе, а о свободе потребительского выбора по существу, им при капиталистическом строе располагает лишь крупная буржуазия. В отношении же всего остального населения свобода выбора ограничена. Мы уже не говорим о рабочем классе и в особенности о десятках миллионов безработных, денежный доход которых близок к нулю, а поэтому и вся «свобода выбора» их в лучшем случае распространяется на кусок черствого хлеба и пустую похлебку в благотворительной столовой. Нужно ли доказывать, что именно развивающееся коммунистическое общество обеспечивает все более разностороннее удовлетворение потребностей трудящихся, как это видно на примере СССР. Высшая фаза коммунизма означает осуществление великого принципа — «с каждого по способностям, каждому по потребностям».

Под углом зрения своего критерия «свободы выбора» проф. Гальм рассматривает и социалистическое хозяйство, под которым он понимает «смесь капиталистических и коммунистических элементов. Подобно капитализму он (социализм. — Я. С.) допускает свободу выбора в потреблении и занятиях... Но подобно коммунизму социализм предусматривает национализацию средств производства и земли, устранение нетрудовых доходов и центральный контроль над экономической жизнью со стороны государства» (стр. 137). Социалистическое плановое хозяйство проф. Гальм, опять-таки исходя из своего критерия, считает невозможным, ибо «нельзя, — говорит он, — с одной стороны, допустить свободу потребления, а с другой — вести производство в соответствии с планом. Планирование и свобода выбора не могут осуществляться одновременно» (стр. 149—150).

Под это свое утверждение проф. Гальм и пытается подвести «теоретический» базис. Базис этот заключается в следующем. Проф. Гальм допускает возможность «социалистического хозяйства» лишь в том случае, если «свобода потребительского выбора» не встречается для себя никаких препятствий в недостатке тех или иных благ. А это, по его словам, возможно лишь в том случае, если все производимые обществом блага будут состоять исключительно из предметов потребления и если единственным фактором производства будет труд. В таком случае «всего фонда заработной платы будет как раз достаточно для того, чтобы купить весь продукт; и общая сумма заработной платы, общая сумма доходов (которые будут состоять исключительно из заработной платы) и общая сумма цен будут по необходимости равны» (стр. 152).

Выставив такое нелепое условие осуществления социализма, как отказ общества от производства средств производства, и придя после этого без всяких усилий к выводу, что это условие невыполнимо, проф. Гальм торжествующе заявляет, что социалистическому обществу никак нельзя обойтись без средств производства, которые он отождествляет с капиталом. А так как средства производства непременно должны воспроизводиться, то следовательно должен существовать и процент (под которым проф. Гальм понимает процент и прибыль). А раз должен существовать процент (и производство средств производства), то следовательно общая сумма зарплаты будет превышать сумму цен предметов потребления. В результате, так рассуждает проф. Гальм, свобода потребительского выбора будет ограничена.

Но это еще полбеды. Гораздо хуже то обстоятельство, что «процент на капитал» при социализме существовать не может. «К сожалению, — заявляет проф. Гальм, — это отчисление процента, необходимость которого диктуется экономическими соображениями, не может быть осуществлено в социалистическом хозяйстве» (стр. 161).

При этом проф. Гальм особенно упирает на это свое соображение. «Это вероятно — самое серьезное возражение, которое может быть выдвинуто против социализма», заявляет он.

На чем же основывается это «самое серьезное возражение»? Проф. Гальм поясняет: «В настоящее время в капиталистическом хозяйстве процент определяется на рынке капитала, на котором спрос и предложение капитала встречаются в условиях свободной конкуренции. В социалистическом хозяйстве такой процесс определения процента будет невозможен. Не может быть никакого спроса и предложения, если капитал с самого начала находится в обладании его непосредственного потребителя, т. е. центральной социалистической власти» (стр. 162).

Но этого мало. Социализм, по мнению проф. Гальма, невозможен еще и потому, что при нем не будет отчисляться земельная рента. «Кроме покрытия издержек по труду и по капиталу товарные цены содержат обычно плату за пользование имеющимися в недостаточном количестве силами природы или ренту того или иного вида, которая не может быть рассматриваема как цена пользования капиталом» (стр. 166).

§ Все эти обстоятельства — отсутствие возможности правильно вычислять процент на капитал и уплачивать ренту — и создают, по мнению проф. Гальма, невозможность правильной калькуляции при социализме. А эта невозможность калькуляции вместе с отсутствием «свободного потребительского выбора» обуславливает собою невозможность и нежелательность социализма.

Мы не станем здесь заниматься разбором и опровержением этой, с позволения сказать, «теории». Она основывается на невероятном экономическом невежестве проф. Гальма. Он измышляет нелепую отсебятину по вопросу о различии между социализмом и коммунизмом. Мы уже говорили о том, что он смешивает процент с прибылью. Его утверждение, что без отчисления процента на капитал и без ренты невозможно правильная калькуляция и следовательно невозможно ведение планового хозяйства, целиком базируется на ошибочных взглядах о том, что стоимость произведенного продукта «складывается» из зарплаты, прибыли и ренты. Социальный смысл этой теории состоит в том, что никакое хозяйство невозможно без сохранения фабрикантов, ростовщиков и наследников.

В своей заключительной статье, озаглавленной «Теперешнее состояние дискуссии», проф. Гайек как бы подводит итог всем высказываниям авторов помещенных в сборнике статей.

Мобилизуя все «доводы» Пирсона, Мизеса и Гальма, проф. Гайек направляет их прежде всего против сторонников планирования в капиталистическом хозяйстве.

Тут проф. Гайек явно метит в сторону лейбористских идеологов и политиков, которые теперь, готовясь ко всеобщим выборам в Англии, развивают демагогическую пропаганду в пользу «планового хозяйства», ссылаясь при этом как на примеры, достойные подражания, на NRA Рузвельта и на «план труда» бельгийского социал-фашиста де Мана, сделавшегося теперь министром. Проф. Гайек, как мы уже указали, старается своим сборником оказать услугу тем либералам и консерваторам, которые будут выступать в предвыборной кампании в качестве противников «планирования» и сторонников «неограниченной свободы потребительского выбора».

Но не в возражениях против демагогических посулов лейбористов главная цель проф. Гайека. Он метит совсем в другую сторону: его книга является попыткой опровергнуть социалистическое строительство в СССР и тем оказать услугу всей буржуазии вообще. Для этого проф. Гайек избрал свой, «новый» метод клеветы и лжи.

Он признает, что в СССР выстроено много замечательных предприятий, соответствующих последнему слову техники, но... эти предприятия, видите ли, не соответствуют принципам экономии, они невыгодны... «Во многих случаях, — поучает проф. Гайек в специальной главе, посвященной «урокам русского эксперимента», — использование новейших методов производства, которые не могли бы применяться без центрального планирования, является скорее симптомом злоупотребления (misuse) ресурсами, чем доказательством успеха. Отсюда следует, что совершенно с технологической точки зрения некоторых частей русского производственного оборудования, которое так поражает случайного наблюдателя и которое обычно рассматривается как доказательство успеха, имеет мало значения, поскольку дело идет об ответе на центральный вопрос. Окажется ли новое предприятие полезным звеном в промышленной структуре в смысле увеличения продукции, зависит не только от технологических соображений, но в гораздо большей степени от общей экономической ситуации» (стр. 204).

Авторитетом для проф. Гайека является некий «профессор» Борис Бруцкус, белоэмигрант, вышвырнутый советской революцией за борт и ныне заливающийся злобным лаем против СССР из подворотни германских фашистских экономических журналов, куда он, несмотря на свое «неарийское» происхождение, милостиво допущен национал-социалистами в качестве «эксперта» по советским делам.

„КРЕДИТ И ХОЗРАСЧЕТ“

(Орган правления государственного банка № 1—10 за 1935 г.).

«Кредит и хозрасчет» является единственным журналом в СССР, освещающим вопросы советского кредита. Недавно журнал праздновал трехлетие своего существования.

«Кредит и хозрасчет» является оперативным органом правления Госбанка. Журнал неплохо освещает ряд актуальных вопросов кредитной практики. Он систематически из номера в номер освещает вопросы кредитования промышленности, советской торговли, ставит вопросы об изменении системы кредитования и расчетного обслуживания колхозов, совхозов и МТС в связи с решениями партии и правительства и информирует читателя об изменениях в системе расчета. Остановимся кратко на этих положительных моментах работы журнала.

Новый примерный сталинский устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников, обязывает хранить все свободные средства колхозов в банке или в сберкассе. Поэтому вопросы наиболее гибкого расчетного обслуживания колхозов, увеличения размера и улучшения техники безналичных расчетов, а также твердое соблюдение принципа полной свободы распоряжения колхозами своим текущим счетом приобретают исключительное политическое значение. Журнал выделяет в № 6 специальный раздел «Финансы колхозов и банк», где в ряде статей разъясняет задачи банка в связи с постановлением правительства от 27/III об упорядочении учета и финансов в колхозах.

В настоящее время расчеты по заготовкам отличаются чрезвычайной пестротой и неупорядоченностью. По заготовкам мяса, кожи и табаков заготовительные пункты не дают доверенным лицам колхозов никаких документов — платежных поручений на банк, на основании которых колхоз мог бы немедленно предъявить требование банку об уплате. Эти документы представляются лишь хозрасчетными звеньями заготовительных организаций в банк, после чего колхоз может получить причитающиеся ему средства. Вопрос об изменении этой системы расчетов приобретает большую политическую актуальность.

Новая система кредитования сельского хозяйства (введена постановлением правительства от 29/I 1935 г.) устанавливает порядок, при котором банк кредитует совхозы и МТС на сезонные процессы производства в размерах, не превышающих плановой реализационной цены с.-х. товаров (разрыв между плановой себестоимостью и продажной ценой сельскохозяйственных товаров покрывается немедленно по производстве затрат за счет госбюджета, из так называемого фонда освоения).

Новая система кредитования дисциплинирует совхозы и МТС, стимулирует их в борьбе за снижение себестоимости и за ликвидацию разрыва между плановой себестоимостью и реализационной ценой. Эти вопросы кредитования сельского хозяйства освещаются в статье т. Беленького (№ 5) и в консультации тт. Беленького и Цейслера (№ 8).

В журнале освещались (правда, недостаточно) вопросы кредитования, связанные с деятельностью Наркомлеса в области лесозаготовок и лесосплава. ЦК ВКП(б) и СНК в постановлении от 19/IX 1934 г. указывают на ряд недочетов в деятельности Наркомлеса, выразившихся в основном в недооценке Наркомлесом значения механизации лесовозки, неумелом использовании рабочей силы, формальном подходе к заключению с колхозами договоров на заготовку и вывозку древесины. Система кредитования в 1935 г. перестроена применительно к разрешению поставленных перед Наркомлесом задач. Кредитование Лесосплава в 1935 г. производится на иных началах, способствующих внедрению хозрасчета и ликвидации указанных недочетов. Эти вопросы освещены в статье тт. Душкина и Кудряшевой (№ 5).

В журнале периодически ведутся полезные в общем консультации.

Почти в каждом номере имеется несколько статей и корреспонденций с мест. Однако больше всего работа мест освещается в виде итогов ревизий, производимых бригадами

правления банка. Это в известной степени одностороннее освещение местной работы не может быть признано удовлетворительной формой связи журнала с местами.

Наряду с отмеченными достижениями необходимо указать и на ряд других существенных недочетов в работе журнала.

XVII съезд партии указал, что основной хозяйственной деятельностью во второй пятилетке должно быть внедрение хозрасчета во все звенья народного хозяйства и дальнейшее укрепление советского рубля.

Было бы неправильно отрицать, что вопросы хозрасчета находят свое отражение в журнале в связи с обсуждением методов и техники кредитования различных отраслей хозяйства. Журнал ограничивается однако исключительно освещением методов и техники кредитования, не связывая технику кредитования с экономикой хозяйства, не выявляя результатов банковского кредитования и их воздействия на хозяйство, а также осуществление банком контроля рублем за ходом выполнения планов производства и обращения товаров.

Так например в журнале нельзя найти ответ на вопрос о том, каковы итоги новой системы кредитования товарооборота, как повлияла новая система кредитования на финансы и хозяйство торговли.

В № 5 приведены статьи гг. Лаврова, Левина, Гермайзе и Балка об итогах обследования контор банка по кредитованию товарооборота.

Эти статьи правильно вскрывают ряд крупнейших недочетов в работе торговых организаций, выразившихся в автоматической покупке всего присылаемого поставщиками ассортимента товаров, в несоблюдении плановых сроков оборачиваемости товаров, в «проедании» и мобилизации собственных оборотных средств и т. д.

Совершенно недостаточно однако вскрываются недостатки в работе самого Госбанка (в частности кредитование на обезличенный срок).

В целом вопросы кредитования товарооборота в статьях перечисленных авторов и в статьях гг. Цельникера и Цирулика в журнале не подняты на принципиальную высоту.

Вопросы кредитования хозяйства ставятся в журнале изолированно от анализа финансов хозяйственных организаций, без достаточного народнохозяйственного подхода.

Поражает полное отсутствие в журнале освещения вопросов денежного обращения и выполнения кредитных планов по кварталам. Несмотря на регулярную публикацию эмиссионных балансов Наркомфина и Госбанка (в газете «Экономическая жизнь»), в журнале отсутствуют какие бы то ни было комментарии, увязывающие кредитование хозяйства с динамикой денежного обращения. Вопросы ликвидации карточки, единой цены, роста денежной заработной платы вовсе не освещались в журнале (если не считать коротенькой консультации г. Ланде в № 1). В журнале преобладают вопросы техники кредитования, а не экономики кредита и денежного обращения.

Крупнейшим дефектом журнала является отсутствие теоретических статей по вопросам денег и кредита, на что указывают и многие читатели журнала (см. № 9—10). Эпизодические обзоры деятельности иностранных банков (см. «Новый закон о кредитных учреждениях Германии» и «Балансы английских банков в период депрессии особого рода») даются на недостаточном теоретическом уровне. Было бы полезно при изложении содержания нового закона о кредитных учреждениях Германии и критике фашистского требования «национализации банков» привести ленинские высказывания о невозможности осуществления национализации банков при капиталистическом строе.

Анализ балансов английских банков необходимо было бы теснее увязать с общей народнохозяйственной конъюнктурой, ликвидностью банковскую с ликвидностью народнохозяйственной. Анализируя балансы английских банков в период депрессии особого рода, автор (М. Цыпкин) обходит вопрос о структурных изменениях в кредитной системе капиталистических стран в эпоху общего кризиса. Эти структурные изменения заключаются, как известно: а) в паразитическом характере кредитной системы, выражающемся в необычайном росте фиктивного капитала, в размерах, далеко превышающих темпы, размеры и рост действительного реального капитала, б) в сужении объема коммерческого кредита и его замене банковским кредитом, в) в росте в определенные периоды государственно-капиталистических тенденций в кредитной системе на базе подготовки к войне и фашизации хозяйства.

Абсолютно непонятно, почему журнал вовсе игнорирует вопросы финансирования капитального строительства. Общеизвестно, что деятельность по финансированию и долгосрочному кредитованию основных фондов по закону от 5 мая 1932 г. возложена на специальные банки долгосрочных вложений. Однако и роль Государственного банка и его местных органов чрезвычайно велика в этом деле, потому что спецбанки имеют крайне ограниченное число филиалов, и значительная часть расчетно-контрольных и все кассово-контрольные функции осуществляются филиалами Госбанка. О важности этой работы не приходится говорить.

Действующая система финансирования капитального строительства, установленная в 1933 г., обнаружила целый ряд дефектов. Оказалось, что финансирование строек в зависимости от наличия смет, титульных списков, при условии соблюдения плановой стоимости строительства, без проверки хода выполнения планов строительства в его физическом объеме не гарантирует нас от превышения сметной стоимости строительства¹. Эти вопросы не могут занимать центральное место в журнале Госбанка, но все же они должны быть освещены достаточно полно на основе местных материалов.

Вопросы банковского анализа баланса трактовались до сих пор в журнале изолированно от производственных показателей хозорганов. Схема разложения баланса, выдвигаемая различными авторами журнала (см. например статьи Мительмана и Шварца, № 5), дает ответ лишь на следующие вопросы: а) избыток или недостаток собственных оборотных средств и б) перекредитование или недокредитование предприятия банком за отчетный период.

Обходились таким образом существенные вопросы рентабельности предприятия в целом, детальный анализ основных причин потерь и накоплений, т. е. вопросы борьбы кредитной системы за социалистическое накопление. Такая методология анализа баланса свидетельствует о том, что журнал не поставил во весь рост проблему борьбы кредитной системы за качественные показатели. Между тем ликвидность советского банка, обеспеченность банковских кредитов упираются в проблему себестоимости и цен социалистических предприятий.

Несмотря на то, что кредитная система имеет 2 высших кредитных учебных заведения, 5 кредитных техникумов, 44 школы банковского ученичества и большое количество кружков, их работа чрезвычайно мало освещена на страницах журнала. Журнал еще не понял значения нового лозунга Сталина «кадры решают все». Только начата работа по показу лучших людей нашей банковской системы и освоению их опыта.

Журналу необходимо перестроиться. Он должен из ведомственного органа, освещающего по преимуществу вопросы техники кредитования, превратиться в журнал экономики, политики и техники банковского кредитования.

¹ См. ст. т. Гринько в журн. «Большевик» № 9 за 1935 г.

Содержание

А. Мендельсон — Полугодие крутого подъема	3
И. Мирошников — О советских деньгах	14
Г. Нейман — Единая цена	28
И. Блюмин — К вопросу о равномерном размещении производительных сил	44
Г. Биргер и Д. Тумаркин — Развитие промышленности искусственного волокна в СССР	59
Б. Волон — Борьба за транспорт и задачи транспортного машиностроения	74

Г. Кара-Мурза — Экономическая политика китайских советов	91
--	----

Э. Гурвич — Влияние монополий на движение цен в США	113
---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Амо Арутюнян — Учение Митчелля об экономических циклах	126
Б. Смудевич — „Теория народонаселения“ Зомбарта	144

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

Д. Меерзон — Концентрация крупной промышленности в СССР в 1-й и 2-й пятилетках	158
М. Фейгельсон — За рентабельную советскую металлургию	172

БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Косяченко и М. Шпидлер — Э. Я. Брегель. „Ленинский этап в теории воспроизводства“	180
И. Блюмин — Дж. Б. Кларк. Распределение богатства	183
А. Рубинштейн — Журнал „Der Kampf“ в 1935 г.	188
Я. Сегалл — „Collectivist Economic Planning“	194
И. Ципкин — „Кредит и хозрасчет“	197

Сдано в производство 4/VII — 8/VII 1935 г.
Подписано к печати 21/VII
Уполн. Главлита Б—6436
Формат 72×105/16 — Соедэнгва № 47 (п)
Заказ типографии № 1865
Объем 12½ п. л.; 67.000 п. зн. в п. л.
Тираж—12.550
Выпускающий А. Н а л и м о в

РЕДАКЦИЯ { Г. И. Крумин (отв. редактор)
Э. И. Квиринг
М. М. Кривицкий
Л. М. Гатовский
В. М. Шурыгин

ОГИЗ — ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗД-ВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Ответств. редактор Е. ВАРГА

НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО
ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Ж У Р Н А Л Д А Е Т :

марксистское освещение актуальных вопросов мирового хозяйства и мировой политики, теоретические статьи по вопросам мирового хозяйства, обзоры политики и хозяйства главных стран.

О Т Д Е Л Ы Ж У Р Н А Л А :

Статьи. Обзоры. Конъюнктура мирового хозяйства. Критика и библиография. Аннотация иностранных книг.

Ж У Р Н А Л Р А С С Ч И Т А Н :

на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

П О Д П И С Н А Я Ц Е Н А :

на 12 мес. — 24 руб.

„ 6 „ — 12 „

„ 3 „ — 6 „

12 номеров в год

Цена отдельного номера 2 руб.

Год издания 10-й

ОГИЗ — Государственное социально-экономическое изд-во

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1935 ГОД НА ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ГОД
ИЗДАНИЯ
7-й

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОМ А К А Д Е М И И
Ответственный редактор
Г. И. КРУЖИН

6
НОМЕРОВ
В ГОД

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА

1. Теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, итогов первой и задач второй пятилетки.

2. Теоретическое освещение проблем современной фазы империализма, мирового экономического кризиса и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами.

3. Борьба со всякими течениями, пытающимися подорвать развертывание социалистического строительства, с буржуазными и оппортунистическими теориями, извращающими сущность процессов, происходящих в СССР и в капиталистическом обществе.

4. Теоретическая разработка проблем марксистско-ленинской политэкономии на конкретном материале современности.

5. Журнал рассчитан на экономистов, учащихся высших учебных заведений и руководящий партийный актив.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И:

на 12 мес. — 18 руб.

„ 6 „ 9 „

Ц е н а

отдельного номера

3 рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях, магазинах и киосках Книготоргового объединения государственных издательств и его уполномоченными, всюду на почте и письмоносами.